...В зрачках оленей призрачных
Горит, как дальний свет,
Та дикая Америка,
Которой больше нет.

С. Бенет, «Дэниэл Бун»

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Роберт Мак-Кланг

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ АМЕРИКИ

Издательство «Мысль»
Москва · 1974

57 (069)
М 15

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Robert McClung

LOST WILD AMERICA

The story of our extinct
and vanishing wildlife

New York
1969

Перевод с английского И. Г. ГУРОВОЙ

Научный редактор,
автор послесловия и примечаний
проф. А. Г. БАННИКОВ

Иллюстрации БОБА ХАЙНСА

Оформление художника С. ЮКИНА

М $\frac{21001\text{-}121}{004(01)\text{-}74}$ БЗ-3-10-74

© Перевод на русский язык.
Издательство «Мысль». 1974

ВСТУПЛЕНИЕ

Считалось, что дикая природа
так же вечна, как ветры и солнечные закаты,
но вот она начала исчезать под натиском прогресса.
И теперь мы столкнулись с вопросом, оправдывает ли
еще более высокий «уровень жизни» связанную
с ним гибель зверей и птиц, свободных
и прекрасных.

Олдо Леопольд

В Соединенных Штатах полное вымирание грозит в настоящее время не менее чем семидесяти восьми видам млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб, как свидетельствует список, представленный зимой 1967 года министром внутренних дел Стюартом Юдоллом. Будущее их обещает быть очень унылым, а вернее, у них и вовсе не будет будущего, если не принять решительных мер для их восстановления. Человек и его деятельность привели их на край гибели, и только человек может найти для них спасение.

«Информированная общественность поможет уменьшить опасность, угрожающую этим редким животным»,— сказал мистер Юдолл в связи с принятием в 1966 году закона о сохранении видов, которым грозит вымирание. И действительно, в настоящее время принимается немало эффективных мер, которые должны им помочь. Но пока ряды сторонников сохранения дикой природы растут, области, пригодные для обитания диких животных, продолжают угрожающе сокращаться. С каждым годом требуется все больше домов, все больше промышленных предприятий, все больше дорог, все больше продовольствия. И давление на исчезающие виды неизбежно продолжает возрастать.

По данным Департамента охоты и рыболовства, в Америке за последние 150 лет вымерло почти сорок различных видов млекопитающих и птиц. И почти половина из них — после 1900 года. Нельзя сказать, чтобы эти цифры были утешительными. А какими они будут в 2000 году?

Ниже будет рассказано, как мы обходились с дикой природой нашей страны, начиная с дней Колумба. Как мы полностью истребили некоторые виды, как поставили другие почти на край гибели и лишь в самый последний мо-

мент попытались хоть немного поправить дело, как охотой и преследованием довели трети до их нынешнего жалкого состояния и, наконец, какие меры мы теперь принимаем, чтобы спасти тех, кто еще уцелел.

Опыт прошлого ясно показывает, каким образом деятельность человека может оказаться опасной для дикой природы и привести к ее уничтожению. Но этот же опыт дает примеры того, как правильно поставленная и последовательно проводимая охрана может спасти исчезающие виды.

Но хорошо ли мы усвоили уроки, которые преподает нам история? И — что еще важнее — достаточно ли мы любим природу нашей страны, чтобы приложить необходимые усилия для ее спасения?

Часть первая
ЖЕРТВЫ ПРОШЛОГО

**Жизнь была прекрасна,
потому что ощущение дружбы
и родства с живыми существами
вокруг тебя приносит глубочайшее удовлетворение.
Белые смотрят на всех животных, словно бы как на
врагов, а мы видим в них друзей и благодетелей.
Они были одно с Великой Тайной, как и мы.
Мы умели ощущать силу и покой Великой
Тайны в мягкой траве под нашими
ногами и в голубом небе
у нас над головой.**

Ота К'те (Вздыбленный Медведь) — вождь сиу

Глава 1

ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ
(Америка до 1800 года)

**И Я ввел вас в землю плодоносную,
чтобы вы питались плодами ее и добром ее,
а вы вошли и осквернили землю Мою,
и достояние ее сделали мерзостью**

Иеремия, 2, 7

Племя первобытных охотников странствовало по травянистой равнине, продвигаясь навстречу восходящему солнцу. Они не знали, что их путь ведет в неведомые края — туда, где до них не бывал еще ни один человек. Позади остались необъятные просторы северной Сибири, впереди лежал Новый Свет, судьбу которого им предстояло определить. Это были первые люди, ступившие на землю Северной Америки.

Когда? Может быть, пятнадцать тысяч лет назад, а может быть, и тридцать тысяч, и сорок пять. В ту эпоху значительную часть Североамериканского континента еще покрывали гигантские ледники, сковавшие в своей толще огромное количество воды. А потому уровень Мирового океана был ниже, чем теперь, и Азию соединял с Америкой широкий перешеек. И не только человек, но и многие животные перешли по этому мосту из Сибири на Аляску, а некоторые, наоборот — с Аляски в Сибирь.

Первые кочевники постепенно уходили все дальше на юг через горные перевалы, а по их следам двигались новые племена. Эти первобытные американцы охотились на карибу, овцебыков и волосатых мамонтов с палками, обожженными в пламени костра. Они свежевали добычу, пользуясь кремневыми орудиями. Они оборонялись от нападений гигантских пещерных медведей, могучих волков, саблезубых тигров и многих других хищников ледникового периода. И некоторые ученые считают даже, что именно первобытные охотники сыграли роковую роль в исчезновении многих крупных млекопитающих, которые водились в Северной Америке в ледниковый период,— мамонта, длиннорогого бизона, гигантского ленивца, саблезубого тигра смилодона и других. Все эти животные исчезли уже после того, как в Новый Свет явился человек.

Одно поколение сменяло другое, а по перешейку на Аляску перебирались все новые и новые первобытные племена. На протяжении жизни сотен поколений первые американцы продолжали заселять новую землю, продвигаясь все дальше на юг и на восток. Не меньше пятисот поколений сменило друг друга, прежде чем люди вышли к атлантическому побережью Северной Америки и начали перебираться на острова Карибского моря.

Первобытные краснокожие охотники, продвигаясь по Североамериканскому континенту, попадали в области с самым разным рельефом и климатом. На севере тянулись необъятные просторы полярной тундры, на юге лежали сухие пустыни, прорезанные глубокими каньонами, которые ветер за долгие тысячелетия украсил причудливыми изваяниями. А между тундрой и пустынями искрились снежные шапки гор, по густой траве необозримых равнин бродили многомиллионные стада бизонов. Дремучие леса на востоке давали приют оленям, лосям и разным пушным зверям. Реки кишели рыбой, небо над озерами и болотами закрывали тучи гусей, уток и других водоплавающих птиц. Приспосабливаясь к этим различным условиям, первобытные американцы пошли разными путями и создали много своеобразных культур.

Образ жизни племен Севера определялся передвижением огромных стад северных оленей карибу. Обитатели Тихоокеанского побережья, изобиловавшего лососем и всякими другими дарами моря, занялись рыболовством. Кочевые племена Великих равнин следовали за стадами бизонов, а на юго-западе люди начали строить глинобитные дома и возделывать поля под кукурузу, бобы и дыни.

В Мексике сначала майя, а затем ацтеки создали высокоразвитые цивилизации. Эти народы добывали золото, серебро и другие металлы и создавали замечательные произведения искусства. Они строили величественные города с дорогами, парками, храмами и общественными зданиями. В лесах восточной части континента индейцы создали культуру, опиравшуюся на охоту и примитивное земледелие. К 1492 году племена воинственных ирокезов были близки к образованию военного союза или федерации.

К этому времени в Америке жили сотни племен, отличавшихся друг от друга языком и культурой. Но общая численность всех племен к северу от Рио-Гранде едва превышала миллион человек. К югу от этой реки, в Мексике и южнее, жило около четырех миллионов человек.

Но в 1492 году в Новый Свет вторглись новые пришельцы — европейцы, «цивилизованные народы», представителем которых оказался Христофор Колумб. Встреча белых и краснокожих ознаменовала начало коренных перемен для первоначальных обитателей Северной Америки, а также для ее животного и растительного мира и для самой ее земли.

Ради золота, славы и империй

Едва Колумб показал путь, как европейцы ринулись в Новый Свет. Орды предприимчивых испанских конкистадоров отправлялись туда открывать новые земли, завоевывать их, искать сокровища. В 1521 году неустрашимый Кортес покорил могущественное государство ацтеков в Мексике и разграбил его богатую столицу. В 1542 году Коронадо и его отряды побывали на севере и западе завоеванной страны. Некоторые из его солдат с благоговейным страхом заглядывали в величественные глубины Большого каньона, а другие в тщетных поисках семи мифических золотых городов Сиболы добрались до той области, которую в наши дни занимает штат Канзас.

Прочие европейцы также не оставляли своим вниманием новый континент. Уже в 1497 году, всего через пять лет после первого плавания Колумба, английский мореплаватель Джон Кабот обследовал берега Ньюфаундленда. В 1534 году француз Жак Картье побывал там же и рискнул подняться вверх по реке Св. Лаврентия, открыв путь во внутренние области континента. Проплывая мимо знаменитых Птичьих скал у берегов Ньюфаундленда, он записал: «Эти острова были покрыты гнездящимися там птицами, точно луга — травой... Если бы загрузить ими все корабли Франции, никто даже не заметил бы убыли».

Изобилие зверей, птиц и рыб поражало всех мореплавателей, посещавших эти северные воды и берега. Они наблюдали, как киты резвились в реке Св. Лаврентия далеко от ее устья, и видели там большие стада моржей. Рыбные богатства Большой Ньюфаундлендской банки были известны смелым европейским морякам задолго до появления там официальных исследователей. К 1550 году, согласно некоторым оценкам, на этих отмелях ежегодно занимались ловлей трески, палтуса и другой рыбы до тысячи судов. На суровых скалистых берегах возникло много временных

поселений, где коптили рыбу. Эти лагеря были столь многочисленны, что некий наблюдатель пророчески заметил: «Леса по берегам совсем разорены рыбаками, так что горько смотреть, и, если ничего сделано не будет, этот прекрасный край ждет полная погибель».

Французы не искали там золота и не грабили открыто, как испанцы. Они богатели, выменивая у местных жителей меха. Год за годом они по многочисленным рекам все глубже проникали в северные леса. К 1603 году Шамплен и другие французские исследователи поднялись по реке Св. Лаврентия до Великих озер и прошли еще дальше. Французские торговцы там нередко селились у индейцев и жили, как те. Они оставляли девственные дебри такими же, какими нашли их, если не считать постройки торговых постов в наиболее удобных для этого местах. Их интересовала только торговля пушниной и сохранение этого огромного края под номинальной властью Франции для вящей ее славы.

Зато англичане приезжали в Новый Свет, чтобы поселиться там навсегда. Они стремились «преобразить» эту землю по-своему, чтобы жить на ней так, как они привыкли жить на старой своей родине. Артур Барлоу, исследовавший Виргинию по поручению сэра Уолтера Рэли в 1584 году, убедился, что она идеально подходит для такой цели: «Олени, кролики, зайцы и водяная дичь... в неописуемом изобилии... Такой богатой, плодородной и благодатной почвы во всем мире не найдется». К 1607 году англичане закрепились в этом райском крае, построив город Джеймстаун.

«Отцы-пилигримы», высадившиеся в Массачусетском заливе в 1620 году, посмотрели вокруг более желчным взглядом, чем Барлоу. Многим из них земля обетованная показалась «глушью, полной диких зверей, диких людей и всяких ужасов». Да, конечно, это была глушь, но плодородная земля сторицей вознаграждала за вложенный в нее труд, в чем крепкие, упрямые пуритане не замедлили убедиться, как только они приспособились к ней и научились брать то, что она предлагала.

Реки Новой Англии кишели лососями, сельдью и всякой другой рыбой, на речках и ручьях повсюду водились бобры. Стаи диких голубей затемняли небо. Вообще пернатой дичи было необыкновенно много, уток, гусей, степных тетеревов и индеек можно было брать чуть ли не руками.

Голландцы построили торговый пост на острове Манхаттан и к 1626 году настолько там обосновались, что чиновник Петер Схаган мог доложить нидерландским Генеральным Штатам: «Герб Амстердама»... отплыл из Новых Нидерландов и вышел из устья реки Маврикия (Гудзон) 23 сентября. Сообщают, что наши люди купили остров Манхаттан у дикарей за товары на 60 гульденов (около 24 долларов.— *Р. М.*)... Груз указанного корабля состоит из 7246 бобровых шкур, 178 шкур мелкой выдры, 675 шкур выдры, 48 шкур норки, 36 рысьих шкур, 33 норки, 34 шкурок водяных крыс *».

В 1664 году англичане отобрали у голландцев Новый Амстердам и переименовали его в Нью-Йорк. Усиленно заселяя восточное побережье, они начали оспаривать у французов господство над Канадой. В 1670 году англичане учредили Торговую компанию Гудзонова залива; ей суждено было стать неслыханно преуспевающей торговой империей, могущество которой опиралось на пушнину.

Руби, выжигай, засевай, губи, иди дальше

Повсюду на восточном побережье от Массачусетса до Джорджии первобытные дебри медленно отступали под натиском пионеров. Поселенцы покидали приморские города и форты и все дальше углублялись внутрь страны, заводя там торговые посты и расчищая лес под поля и луга. И осваивая этот дикий край, они, как всегда бывало в подобных случаях, нисколько не заботились о сохранении хотя бы части окружавших их природных богатств. Все их время было занято тяжелым трудом — рубкой деревьев, выжиганием пней, сбором первых скудных урожаев. А нередко им приходилось и защищаться от коренных обитателей этого края, в которых они успели возбудить ненависть и вражду.

Чтобы земледелие стало возможным, вековые леса необходимо было свести, и поселенцы безжалостно валили лесных великанов и сжигали их, а из стволов деревьев поменьше сооружали свои бревенчатые хижины. «Руби, выжигай, засевай, губи, иди дальше» — так охарактеризовал жизненную программу первых поселенцев один историк, занимающийся вопросами охраны природы. Но это было неизбежно: пионеры должны были усмирить и покорить лес, если хотели выжить.

* Имелись в виду ондатры.— *Прим. ред.*

Разумеется, никаких законов об охоте тогда не существовало, если не считать премий за убитых хищников. Пионеры объявили беспощадную войну волкам, пумам, рысям и всем прочим «вредным тварям». Больше всего хлопот почти всюду доставляли волки. Этих хищников было особенно много, а свиньи, овцы и прочий домашний скот были для них легкой и соблазнительной добычей. Вот почему уже в 1630 году Массачусетская колония назначила за каждого убитого волка премию в один пенни, что в ту эпоху было вовсе не так уж мало.

Леса изобиловали и всевозможной дичью вроде оленей. Оленина составляла основу пищевого рациона первых поселенцев, а оленьи шкуры были основным материалом, из которого шились мокасины, кожаные штаны и другая одежда. Некоторое представление о размахе охоты на оленей может дать следующий факт: только через порт Саванна в штате Джорджия за короткий промежуток с 1764 по 1773 год было вывезено более двух миллионов фунтов оленьих шкур, что означало около полумиллиона убитых оленей.

Многие пионеры считали, что дикие животные существуют только для того, чтобы их убивать. Переселенцы нередко устраивали большие облавы, целью которых было истребление всех четвероногих обитателей окрестных лесов. Во время одной такой облавы, организованной в Пенсильвании в 1760 году неким Джеком Шварцем по прозвищу Дикий охотник, были убиты, как сообщает полковник Шумейкер, летописец колониальной Пенсильвании, «41 пума, 109 волков, 112 лисиц, 114 рысей, 17 черных медведей, 1 белый медведь, 2 лося, 98 оленей, 111 бизонов, 3 фишера *, 1 выдра, 12 росомах, 3 бобра и более 500 мелких зверьков».

«Лучшие шкуры были сняты,— продолжает Шумейкер,— а у бизонов вырезаны языки. Затем всю добычу уложили в кучу «высотой с дерево» вперемешку со смолистыми сосновыми сучьями и подожгли. Зловоние было такое, что поселенцы вокруг форта в трех милях оттуда были вынуждены покинуть свои хижины».

При подобных методах воздействие на дикую природу Северной Америки скоро уже начало сказываться. Уже к 1639 году олени в Род-Айленде стали такой редкостью, что

* Крупные куницы, примерно в два раза больше обыкновенной, с густым темно-бурым мехом.— *Прим. ред.*

колония запретила охоту на них между 1 мая и 1 ноября. Массачусетс ввел сезонное запрещение оленьей охоты в 1684 году. К 1776 году оно существовало уже во всех колониях, кроме Джорджии.

Однако те, кто отправлялся в глубь страны, за пояс поселений, видели как будто прежнее изобилие оленей и прочей дичи. Канада и внутренние области континента все еще оставались поистине раем для трапперов и торговцев мехами. Только в 1743 году французские торговцы выменяли у индейцев около 170 тысяч шкур бобров, куниц, выдр и фишеров. А процветающая Компания Гудзонова залива всего за одну распродажу сбыла 26 750 бобровых, 14 730 куньих и 1850 волчьих шкур.

С 1755 по 1763 год заклятые соперники Франция и Англия вели между собой войны (получившие название Французской и Индейской) за владычество над внутренними областями континента. Победительницей стала Англия, но к югу от реки Св. Лаврентия американские колонисты скоро отобрали этот приз у своей старой родины, одержав верх в войне за независимость. И сразу же после этой победы бывшие колонисты двинулись на запад. Они перевалили через Аппалачские горы и спустились по Огайо к Миссисипи. Они явились в Кентукки, следуя по Дикой тропе, проложенной через Камберлендский перевал прославленным следопытом Дэниэлом Буном. О Кентукки тогда ходили легенды, и область эта действительно изобиловала зверями, птицами и всякими другими природными богатствами.

Джон Джеймс Одюбон, известный натуралист и художник, вспоминал о своей встрече с Дэниэлом Буном в начале XIX века. Бун, против обыкновения разговорившись, принялся рассказывать Одюбону про Кентукки, описывая, как там все было, когда он впервые посетил эти места — когда юг Кентукки «все еще был в руках Природы... Но только подумать, сэр, как тридцать лет могут изменить страну! Да ведь в те времена, когда меня там захватили индейцы, и мили пройти было нельзя, чтобы не подстрелить оленя или медведя. Бизоны по кентуккским холмам бродили тысячами, и казалось, что краю этому никогда не обеднеть. А уж охота в те дни была одно удовольствие. Ну, а когда я остался один на берегах Грин-Ривер — и уж, наверное, в последний раз в моей жизни — так я еле разыскал хоть какие-то оленьи следы, а самих-то оленей и вовсе не видел».

Как с грустью заметил Бун, разграбление американской девственной природы к 1800 году уже шло вовсю. Однако впереди было еще открытие Дальнего Запада и куда более жестокое разграбление.

Глава 2

РЫВОК НА ЗАПАД (1800—1880 годы)

Вначале наши земли были превосходными,
но от такого их употребления они истощились.
Мы губим земли уже расчищенные, а потом либо сводим
новый участок леса, если он еще остался,
либо перебираемся на Запад

Джордж Вашингтон

На взгляд Дэниэла Буна страна к востоку от Миссисипи была уже безнадежно погублена. Но оставался еще Запад! Огромные просторы там были еще нетронутыми и в значительной степени неисследованными, когда в 1803 году президент Томас Джефферсон закончил переговоры с Францией о покупке Луизианы. В результате Соединенные Штаты приобрели колоссальную территорию, охватывавшую бассейн Миссури и западных притоков Миссисипи.

Джефферсон немедленно снарядил знаменитую экспедицию капитанов Мериветера Льюиса и Уильяма Кларка, поручив им исследовать западные земли, установить, каковы их природные богатства, а кроме того, если удастся, отыскать удобный путь в Орегон и к Тихоокеанскому побережью. Кто знает, в этой далекой глуши они, возможно, обнаружат даже живых мамонтов!

Правда, мамонтов во время своего исторического путешествия Льюис и Кларк так и не увидели, но они наблюдали немало других редкостных животных, а также «огромнейшие стада бизонов, оленей и антилоп, которые паслись на холмах и равнинах повсюду, куда ни обратишь взгляд». Они раздобыли немало еще не известных науке видов животных и пережили опаснейшие приключения, сталкиваясь с раздражительными «белыми» медведями, то есть гризли. Что касается ценных пушных зверей, то Кларк сообщал: «Бобровые плотины следуют одна за другой вверх по этим речкам, насколько удавалось проследить их течение».

Именно бобры явились главной приманкой для первой волны пионеров, двинувшихся по следам Льюиса и Кларка. Это были охотники, превыше всего ставившие личную независимость,— люди вроде Кита Карсона, Джима Бриджера, Джона Колтера, Уильяма Саблетта, Джедидии Смита. В период наибольшего их благоденствия (грубо говоря с 1820 по 1840 год) они на несколько лет исчезали в необжитых просторах Запада, ловили там бобров, мерялись силой и сметкой с индейцами и — самое главное — наслаждались упоительной, ничем не стесненной свободой.

За ними явились агенты пушных компаний, а затем на Запад двинулись и другие переселенцы — фермеры и скотоводы, дельцы, земельные спекулянты, бандиты, трактирные певички, молодежь и старики, терпеливые многострадальные жены и дети. Все они искали богатства или приключений или просто лучшей жизни. Они пробирались на Запад кто как мог — в фургонах, верхом и пешком. И каждый, обретя уголок земли обетованной, обосновывался там, чтобы оставить свой след.

Однако Тихоокеанское побережье к 1840 году все еще осталось относительно нетронутым, если не считать нескольких русских торговых факторий и горстки испанских миссий и селений. Но в 1848 году там было найдено золото, и вспыхнула калифорнийская «золотая лихорадка», Теперь наконец на Дальний Запад, совершенно его затопив, ринулись неисчислимые орды искателей счастья. Повсюду, как грибы, вырастали бревенчатые и глинобитные хижины, и железные дороги начали быстро протягивать на Запад свои серебристые щупальцы. Лавину эту несколько задержали сначала война Севера с Югом, а затем индейцы прерий, отчаянно сражавшиеся, чтобы защитить свои родные равнины. Но после краткого перерыва поток эмигрантов вновь покатил на Запад с прежней силой.

Этим пришельцам гигантские стада бизонов на западе казались столь же неистощимыми, как стаи странствующих голубей на востоке. Людям приходилось ждать по нескольку дней, пока последние ряды пересекшего их путь кочующего стада темных косматых быков не проходили наконец мимо. Полковник Р. Додж, наблюдавший такое стадо в 1871 году в долине реки Арканзас, подсчитал, что в ширину оно имело по меньшей мере 40 километров, а в длину — 80 километров, то есть всего в нем было около четырех миллионов бизонов.

Подобные стада не могли не привлечь охотников за бизонами, и вскоре в прериях началось истребление диких животных, какого еще не знал мир. Железные дороги позволяли доставлять шкуры на восточные рынки без особых затруднений, и в 1872—1873 годы из одного только Канзаса их было отправлено миллион с четвертью.

В 70-х и 80-х годах достигла небывалого размаха и коммерческая охота на водоплавающую птицу, оленей и другую дичь. Лавки больших городов были завалены дичью, словно Америка задалась целью как можно скорее истребить всех своих диких зверей и птиц.

«Соединенные Штаты в 80-х годах прошлого века переживали период роста,— замечает Джеймс Трефтен, историк, занимающийся вопросами сохранения природы.— Страна, как юный здоровый силач, интересовалась только радостями настоящего и не задумывалась о будущем. Получив в свое распоряжение неслыханное изобилие природных богатств, она словно стремилась пустить их по ветру единым махом. Первобытную природу Америки не покоряли, ее в буквальном смысле слова забивали насмерть».

Что-то должно было уступить такому натиску. И уступило. Его не выдержали ни леса, ни тучная почва прерий, ни мелкие реки, ни болота... ни звери и птицы. Некоторые виды истреблялись с такой беспощадной жестокостью — на продажу, ради их меха, просто для забавы,— что от былого их обилия остались лишь воспоминания. И все же им повезло: они хотя бы уцелели. Но для других эта бойня оказалась роковой: они исчезли навсегда и теперь значатся лишь в списках вымерших животных.

Глава 3

МЕРТВЫ КАК ДРОНТ

...Когда последний представитель
той или иной семьи живых существ испускает дух,
еще одно небо и еще одна земля должны будут
кануть в небытие, прежде чем снова
можно будет увидеть ему подобного

Уильям Биб

В английском языке существует идиоматическое выражение «мертв как дронт», которое подразумевает утрату всякой связи с жизнью. Дронты, вымершие около 1681 года, были первым документально засвидетельство-

ванным видом, который исчез в результате воздействия человека. Вот почему их историю следует рассказать, хотя произошло все это далеко от Америки.

Дронты, крупные нелетающие птицы, родственные голубям, водились только на острове Маврикия, одном из Маскаренских островов, расположенных в Индийском океане. По размерам дронт вдвое превосходил гуся, он был плотно сложен и обладал мощными, как у куриных, ногами, короткими, словно обрубленными, крыльями и небольшим загнутым хвостом. Оперение у него было светло-серое или пепельное. Большой клюв заканчивался крючком, а кожа над ним и вокруг глаз была голой.

Эти неуклюжие птицы с трагической судьбой сооружали на земле громоздкие гнезда, в которых насиживали за сезон только одно яйцо. Дронты питались растительной пищей и благоденствовали, пока условия жизни на их родном острове оставались неизменными.

Португальцы открыли Маврикий в 1507 году, но не стали на нем селиться. Однако в 1598 году там высадились голландцы и объявили остров своим владением. В числе прочих благ цивилизации поселенцы привезли с собой свиней и ручных обезьян. Поселенцы убивали дронтов палками и ели их мясо, а также яйца. Свиньи и обезьяны в поисках корма разоряли гнезда дронтов и тоже ели их яйца. Нелетающие дронты были совершенно беззащитны перед лицом этих новых врагов, и их численность начала стремительно сокращаться. Последняя птица, насколько известно, погибла в 1681 году. И теперь лишь несколько скелетов и лоскутков кожи в музеях подтверждают, что этот вид птиц действительно когда-то существовал.

Таким образом, уже без малого триста лет назад первая подтверждаемая документально жертва беззаботности и жадности человека ушла в небытие. Два ближайших родственника дронта — на Реюньоне и на Родригесе, двух других островах Маскаренской группы — вскоре последовали за ним.

Несомненно, человек и до дронта губил какие-то виды диких животных, однако о последних днях большинства из них нам ничего конкретного неизвестно. Среди них можно назвать эпиорниса, бескрылого гиганта, который жил на Мадагаскаре и весил около полутонны, а также динорнисов — гигантского, ростом в три с половиной метра моа и его более мелких родичей, обитавших на островах Новой Зеландии.

Дронт, эпиорнис и моа все были крупными нелетающими птицами. Их отдаленные предки умели летать, но постепенно утратили эту способность, потому что жили среди изобилия корма на островах, где им не угрожали никакие хищники. Но когда к ним туда явился человек, условия изменились, и это решило их судьбу.

Многие островные виды исчезли точно таким же образом уже относительно недавно; на одних только Гавайских островах вымерло более десяти видов птиц. Всего, по оценкам зоологов, с момента гибели последнего дронта (то есть менее чем за 300 лет) по всему миру исчезло 75 видов птиц, если не больше. Что же касается млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных, рыб и беспозвоночных, то установить хотя бы примерно, сколько видов их вымерло в результате воздействия человека, попросту невозможно.

Истребление человеком

Человек повинен в исчезновении многих животных в исторический период. Как заметил Роберт Портер Аллен, «между медленным исчезновением вида в результате естественного отбора и мгновенным, бессмысленным и бездумным истреблением руками человека существует огромная разница».

Неблагоприятное воздействие человека на дикую природу выражается в разных формах. Некоторые виды диких животных он обрекает на гибель, меняя привычные условия их жизни — вырубая леса, осушая болота, обрабатывая ядохимикатами те места, где они живут или добывают корм. Он ввозит новых хищников, против которых они беззащитны, как это было с дронтом, ставшим жертвой свиней и обезьян. Иногда, как будет рассказано ниже, он губит целые виды животных, безжалостно их истребляя — ради мяса, ради меха, ради перьев или просто ради развлечения.

Стеллерова морская корова (Hydrodamalis stelleri)

Летом 1741 года командор Витус Беринг, офицер русского флота, отправился из Петропавловска-Камчатского в плаванье, занявшее одно из виднейших мест в истории географических открытий. Сам Беринг держал флаг на корабле «Святой Петр», вторым кораблем экспедиции, «Святым Павлом», командовал капитан Алексей Чириков. Им

предстояло отыскать и исследовать Большую Землю, которая, по предположениям некоторых русских географов, должна была находиться где-то к востоку от Сибири.

Летний шторм разлучил корабли, плывшие на восток навстречу неведомому, и команде «Святого Павла» выпала честь первой увидеть неизвестную землю. 15 июля 1741 года был открыт остров Ситка. Буквально на следующий день Беринг на «Святом Петре» увидел берег Аляски в окрестностях мыса Св. Ильи.

Чириков на «Святом Павле» возвратился на Камчатку в ту же осень, но Беринга и его корабль ждала совсем другая судьба. Четыре долгих месяца «Святой Петр» вел неравную борьбу с бурями, пытаясь вернуться к берегам Сибири. Провиант и вода подходили к концу, цинга и другие болезни косили моряков. 4 ноября «Святой Петр» наткнул-

ся на подводный риф вблизи неизвестного острова. Теперь он носит название остров Беринга в честь открывшего его мореплавателя и входит в группу Командорских островов. Оставшиеся в живых моряки выбрались на берег, соорудили землянки, и началась отчаянная борьба за жизнь в условиях лютой арктической зимы. Они питались мясом каланов и морских птиц. Изредка им удавалось убить тюленя. Их зимовку буквально осаждали стаи голубых песцов, которые рыскали между землянками, как изголодавшиеся собаки. Песцы, столкнувшиеся с людьми впервые, вели себя настолько дерзко, что даже забирались в землянки, хватали все, что там лежало, и кусали спящих и больных.

Командор Беринг умер 8 декабря 1741 года и был погребен на острове, носящем его имя. Многие его товарищи также не выдержали этой зимы, но другие выжили, и в их числе был натуралист экспедиции Георг Вильгельм Стеллер.

Стеллер запечатлел ужасы этой зимы в своем дневнике. Кроме того, опытный зоолог подробно описал многие виды животных, тогда еще не известных науке. И теперь в их официальное наименование входит фамилия человека, первым давшего их описание: стеллерова сойка, стеллерова гага, стеллеров баклан, стеллерова морская корова. Все они сохранились до наших дней — за одним исключением: стеллерова корова, крупное морское млекопитающее, на которое охотились голодавшие матросы Беринга, уже давно исчезла.

Это интересное животное внешне несколько напоминало огромного тюленя. В длину оно достигало девяти метров и должно было весить около четырех тонн. Задние конечности у морских коров отсутствовали, а хвост был уплощен горизонтально, как у кита. Относительно небольшие передние ласты сгибались внутрь, и животное, так сказать, опиралось на «костяшки пальцев». Кожа толщиной в два с половиной сантиметра была темно-коричневой или почти черной, очень морщинистой и крепкой, а на губах и щеках топорщилась густая щетина. «До пупа это животное похоже на сухопутных,— писал Стеллер,— а далее до хвоста — на рыбу».

Морская корова, ведя стадный образ жизни, «не заходит далеко в море,— указывал Стеллер,— а держится у берега. Спину она держит над водой и с приливом подплывает к берегу и кормится морской капустой. Когда начи-

нается отлив, морская корова отплывает от берега, чтобы не остаться на отмели, такое это большое животное». Все сообщения указывают, что ареал морской коровы был очень невелик и ограничивался небольшим участком — в основном районом Командорских островов. Стеллер, правда, упоминал, что животное это известно жителям Камчатки, которые называют его «капустник».

Медлительные беззащитные стеллеровы коровы оказались истинным спасением для спутников Беринга. Моряки охотились на них с гарпунами, подкрадываясь к ним на вельботе, пока те паслись на отмелях. Потом гигантскую тушу вытаскивали на берег во время отлива и свежевали. Описывая это мясо, Стеллер не скупится на похвалы: «когда приготовлено, оно, хотя его и приходится долго варить, удивительно сочно и почти неотличимо от говядины».

К концу лета 1742 года оставшиеся в живых моряки, и в их числе Стеллер, построили из обломков своего разбитого корабля двенадцатиметровую лодку. Погрузив в нее около семисот шкур каланов, которые им жаль было бросить на пустынном берегу, они 3 августа подняли парус и после двадцати трех дней тяжелейшего плаванья добрались до Петропавловска. Их встретили как воскресших из мертвых: никто не сомневался, что они давно погибли.

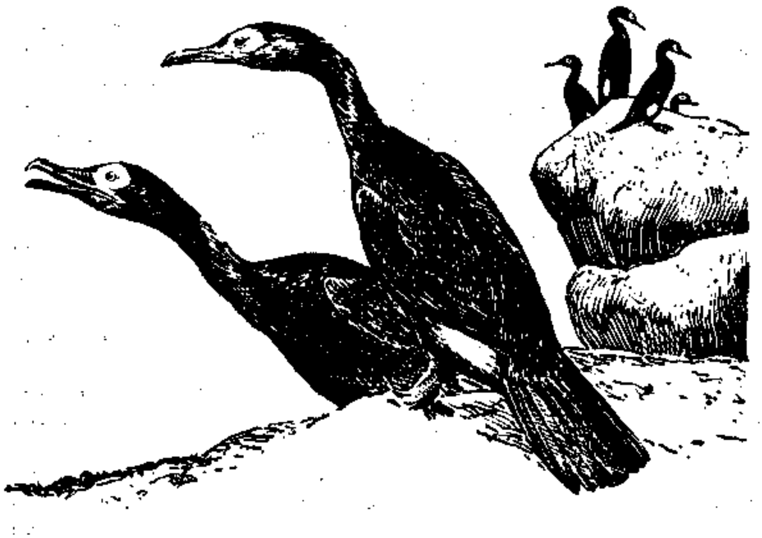
Возвращение спутников Беринга с драгоценным грузом шкур ознаменовало начало деятельности русских промысловых судов в Северной Америке. Шкуры каланов охотно покупались китайцами, и во второй половине XVIII века остров Беринга и его ближайшие соседи постоянно видели в своих водах охотников на каланов. Охотники эти очень ценили огромных морских коров как легкий и, казалось бы, неисчерпаемый источник продовольствия. В результате стеллерова корова стремительно пошла по пути вымирания.

В 1755 году на островах Берингова моря побывал русский геолог Яковлев, который сразу понял, какая судьба ожидает морскую корову, если не будут приняты меры для ее сохранения. Он убеждал чиновников на Камчатке в необходимости таких мер, но ничего сделано не было. И вот в 1768 году, всего через 26 лет после того, как Стеллер открыл и описал этот вид, была убита последняя морская корова. Утверждают, что несколько особей дожило до начала XIX века, но документально это не подтверждено. Почти бесспорно, что стеллерова корова была первым животным, истребленным человеком, когда он в исторические

времена приступил к исследованию Североамериканского континента и к использованию его природных богатств.

Любопытное примечание к истории морской коровы было добавлено не далее как в 1963 году, когда русское китобойное судно «Буран» сообщило, что его команда видела на мелководье у мыса на северо-востоке Камчатки нескольких крупных морских млекопитающих. Эти животные достигали шести-семи метров в длину и паслись среди морских водорослей.

Зрение иногда обманывает нас, однако китобои прекрасно знают таких морских млекопитающих северного полушария, как моржи, котики и прочие. Но с другой стороны, если бы стеллерова корова после двухсотлетнего перерыва вновь появилась в своих родных водах, это было бы еще более странно *.



Очковый баклан (Phalacrocorax perspicillatus)

Потерпевшей кораблекрушение команде «Святого Петра» помог выжить еще один вид — очковый, или стеллеров, баклан. Ареал этой крупной, почти не летающей птицы был очень ограничен. По-видимому, очковые бакланы обитали только на Командорских островах.

* Эти сведения в дальнейшем не подтвердились.— *Прим. ред.*

Зеленоватое оперение этих красавцев, весивших добрых шесть килограммов, отливало бронзой, на голове и на шее оно было серо-голубым, а по бокам располагались большие белые пятна. Голову венчали два кокетливых хохолка. Крылья были невелики, и, насколько можно судить, очковые бакланы пытались взлететь лишь в крайне редких случаях.

Гнездились они, вероятнее всего, на крохотных прибрежных островках — иначе песцы, которыми кишел остров Беринга, разделались бы с ними задолго до появления там Стеллера. Потерпевшие крушение моряки без труда ловили этих больших неуклюжих птиц, и, как сообщает Стеллер, одного баклана «с избытком хватало на троих измученных голодом людей».

После 1741 года приезжавшие на остров Беринга охотники за каланами систематически истребляли очковых бакланов ради их мяса. Птиц становилось все меньше, а около 1850 года они исчезли совсем. В наши дни единственным доказательством того, что этот вид действительно существовал, остались шесть чучел в музеях.

Бескрылая гагарка (Pinguinnus impennis)

Примерно тогда же, когда вымер очковый баклан, у восточного берега Северной Америки завершилось истребление бескрылой гагарки. В отличие от очкового баклана бескрылая гагарка имела широкую область распространения, и люди уже давно знали о ее существовании.

В мае 1534 года путешественник Жак Картье причалил к островку Фанк — скалистому клочку суши у северо-восточного побережья Ньюфаундленда и обнаружил там огромные стаи бескрылых гагарок. Его матросы, обрадовавшись случаю запасти свежего мяса после долгого плаванья, увезли на корабль две шлюпки убитых птиц, а потом засолили их в бочках.

На суше бескрылую гагарку можно было ловить буквально руками, так как летать она совершенно не могла. Птица достигала в высоту трех четвертей метра и очень походила на пингвина, а потому ранние авторы нередко называют ее «северным пингвином». Спина и голова у бескрылой гагарки были глянцевито-черными, а грудь и брюшко — белыми. У самца в брачном оперении под глазами красовалось по большому белому пятну. Неуклюжие на суше, эти птицы умели нырять и плавать с поразительной быстротой, загребая воду крыльями, напоминавшими короткие ласты.

В доисторические времена, как свидетельствуют палеонтологические находки, бескрылая гагарка обитала в прибрежных водах Атлантики от берегов Северной Америки до Исландии, Британских островов, Скандинавии и даже Испании. Единственное крупное, до 15 сантиметров, яйцо самка обычно откладывала прямо на камнях какого-нибудь прибрежного островка. Однако ко времени плаванья Картье ареал бескрылой гагарки уже сильно сократился. Остров Фанк служил приютом одной из крупнейших еще сохранившихся гнездовых колоний. Другие колонии находились на островках у берегов Исландии.

После того как Новый Свет был заселен европейцами, на Большой Ньюфаундлендской банке начали все чаще появляться рыбаки, китобои и котиколовы. Их суда часто заходили на остров Фанк, чтобы пополнить запасы провианта бескрылыми гагарками. Капитан Ричард Уитборн, англичанин, побывавший в этих местах в начале XVII века, упоминает, какой легкой была эта охота. «...Матросы загоняют их по доске в шлюпку сразу по сотне,— рассказывает он,—будто господь сотворил это жалкое существо столь простодушным, дабы оно служило человеку превосходным подкреплением его сил».

Ко времени американской войны за независимость (в конце XVIII века) на острове Фанк каждое лето два-три месяца жили промысловики, добывавшие гагарок. Они сложили там из камней несколько загонов, где отрезанных

от моря птиц можно было спокойно глушить дубинками. Убитых гагарок ощипывали, а затем из тушек вытапливали жир. В результате такой хищнической эксплуатации от колонии бескрылых гагарок на острове Фанк к началу XIX века осталось одно воспоминание.

Последние известные гнездовья бескрылой гагарки находились на островках у южной оконечности Исландии. Наиболее крупный из них — голый каменный утес вблизи мыса Рейкьянес — назывался *Гейрфугласкер* (Гагаркины шхеры). Около 1830 года в результате сильнейшего подземного толчка Гейрфугласкер ушел под воду, и с тех пор бескрылая гагарка сделалась поистине редкой птицей. Последнее ее гнездовье находилось на острове Элдей.

Элдей, вулканическое нагромождение скал, встает из холодных зеленых вод Северной Атлантики как грозная крепостная башня. Только его западный склон в одном месте довольно полого спускается к морю — и лишь там к нему может пристать лодка. Именно туда на заре 4 июня 1844 года пристал вельбот, и трое исландцев начали карабкаться вверх по вулканическому склону в поисках бескрылых гагарок. В Рейкьявике некий коллекционер обещал 100 крон за каждый доставленный ему экземпляр.

Вскоре охотники заметили впереди пару гагарок — птицы неуклюже прыгали с камня на камень, балансируя крыльями. Быстро догнав драгоценную добычу, люди пустили в ход дубинки. Один из них нашел яйцо, но оно было надтреснуто, и он разбил его о скалу.

Таковы последние достоверные сведения о бескрылой гагарке. Этот вид, тысячи лет обитавший на Атлантическом побережье, исчез с лица земли. Еще лет 10—12 после 1844 года время от времени приходили сообщения, что на том или ином пустынном берегу кто-то видел бескрылую гагарку. Но даже если такие сообщения и соответствовали действительности, проверить их не удалось.

В наши дни Американский орнитологический союз назвал свой официальный орган «Гагарка» в память первой из обитавших в Америке птиц, которая была истреблена человеком.

Пенсильванский бизон (Bison bison pennsylvanicus)

В 1612 году английский мореплаватель сэр Сэмуэл Аргалл поднялся по реке Потомак «на добрых шестьдесят пять лиг», а затем отправился дальше в глубь страны уже

по суше. Там он увидел «большие стада рогатых быков, и индейцы, которые были у меня в проводниках, убили двух; мясо их мы нашли очень вкусным и полезным...»

В эпоху возникновения американских колоний пенсильванские бизоны водились там повсюду, начиная от западной части штата Нью-Йорк, в Пенсильвании, в Виргинии и дальше на юг до самой Джорджии. Судя по сообщениям очевидцев, внешне они несколько отличались от степных бизонов и, возможно, составляли особый подвид. У них, по-видимому, почти не было горба, а задние ноги отличались по длине от передних гораздо меньше, чем у их степных сородичей. Их окраска была очень темной, а рога круто загибались кверху. Исходя из этих изустных сведений, полковник Шумейкер выделил их в подвид, который назвал пенсильванским.

Пенсильванские бизоны ежегодно откочевывали с зимовий на летние пастбища и обратно, следуя по истоптанным тропам большими стадами, насчитывавшими до семисот голов. Эти тропы нередко проходили мимо соленых источников, где бизоны, напившись, лизали солонцы.

На западе Пенсильвании некий поселенец построил хижину неподалеку от соляного источника, куда имели обыкновение приходить бизоны. По словам английского путешественника Томаса Эша, бизоны «не паслись там, а только купались и пили три-четыре раза на дню и катались по земле... За первый и второй год этот старик с по-

мощниками убил около семисот этих благородных созданий ради только их шкур, которые стоили всего лишь два шиллинга штука...

То, что происходило у этого источника, происходило в этом заселявшемся краю повсеместно — избиение зверей повсюду было одинаковым».

В другой главе своего «Путешествия по Северной Америке» Эш замечает, что «первые поселенцы, не довольствуясь таким кровавым истреблением этих животных, кроме того, уничтожали их любимый корм — сладкий тростник, растущий в лесах, и папоротники, заросли которых были поистине необозримы. И вот эти-то заросли безжалостные негодяи поджигали в сухое время года, чтобы выгнать из чащи все живые существа, а затем затравить их насмерть».

В результате численность пенсильванских бизонов к последним десятилетиям XVIII века резко сократилась. К 1799 году их популяция в Пенсильвании была сведена к четыремстам животным, зимовавшим среди гор в графстве Юнион.

Зима 1799—1800 года была на редкость суровой, и бизоны, вынужденные оставаться высоко на склонах, так как в долинах теперь повсюду были поселения, не могли найти корма. Обезумев от голода, они в декабре спустились с гор. Вожаком их был огромный черный бык, которого поселенцы звали Старым Логаном по имени известного индейского вождя.

Полковник Шумейкер рассказывает, что стадо вломилось во двор некоего Мартина Бергстрессера и ворвалось в загон, где вокруг стога сена стоял домашний скот. Бизоны, устремившись к сену, затоптали несколько телят и овец. Затем, напуганные выстрелами Бергстрессера, они в панике ринулись к соседней ферме. Маккленнен, ее хозяин, начал стрелять в стадо. Обезумевшие от ужаса животные вышибли дверь его дома и ввалились внутрь, раздавив жену и детей Маккленнена, которым некуда было бежать. После этого трагического происшествия стадо вернулось в горы.

Взбешенные фермеры решили покончить с бизонами. Сильнейший буран задержал их на несколько дней, но в конце концов пятьдесят охотников с собаками отправились по следам стада в горы. Местная легенда утверждает, что это произошло 31 декабря 1799 года, в последний день столетия.

Охотники отыскали стадо в узкой лощине, которая называлась Провалом, примерно там, где теперь находится город Уэйкерт. Ослабевшие от голода, замерзшие животные стояли по грудь в снегу, не в силах сделать ни шагу. Некоторых охотники застрелили, но большинству просто перерезали горло ножами. Когда бойня кончилась, снег в лощине был багровым. Вырезав языки, охотники оставили туши в лощине. С тех пор это место стали называть Бизоньим Полем.

Это было последнее стадо пенсильванских бизонов. На следующий год осенью полковник Джон Келли увидел трех бизонов — быка, корову и теленка. Теленка он застрелил, но взрослые животные спаслись. Зимой он снова увидел быка и застрелил его. Насколько известно, это был последний пенсильванский бизон, которого убили или хотя бы видели в Пенсильвании.

В менее заселенных штатах пенсильванские бизоны держались еще несколько лет, но постепенно и они были перебиты. К 1832 году на восток от Миссисипи не осталось ни одного бизона. Но к западу от нее по необъятным прериям еще бродили огромные стада степных бизонов. Их черед наступил позднее.

Морская норка (Mustela macrodon)

Морская норка, размерами чуть ли не вдвое превосходившая обыкновенную и отличавшаяся более рыжим мехом, обитала на суровых скалистых берегах и прибрежных

островках от Ньюфаундленда до Массачусетса. Вероятно, наиболее изобиловали норками острова штата Мэн, так как именно там на месте старых индейских поселений было найдено особенно много останков этого животного.

Сто с лишним лет назад тамошние охотники и трапперы с большим усердием преследовали морских норок, так как скупщики платили за их шкурки дороже, чем за более мелких материковых норок. Застигнутый врасплох гибкий рыжевато-коричневый зверек обычно искал спасения в норе или в какой-нибудь узкой расселине. Охотники сначала пытались извлечь его оттуда с помощью ломов и лопат. Если это им не удавалось, они нередко стреляли в убежище перцем или бросали туда куски горящей серы, чтобы выкурить добычу. Выбежавшую на открытое место норку тотчас хватали собаки или убивали охотники.

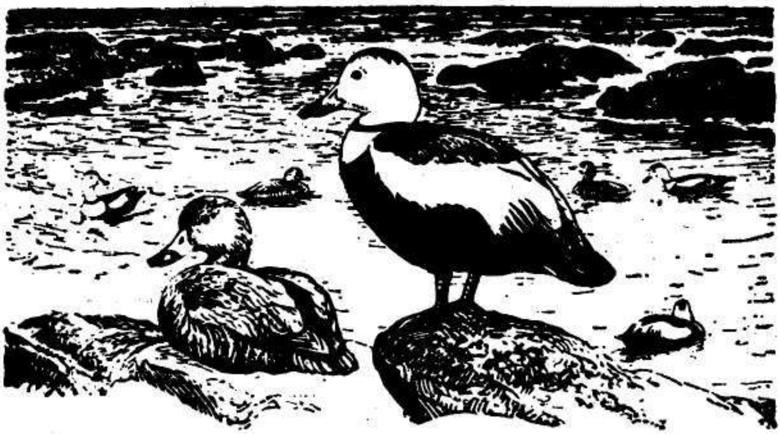
Вот так, вероятно, вскоре после завершения войны Севера с Югом нашла смерть и последняя морская норка.

Морская норка никогда не была многочисленной, и, пока она не попала в список вымерших животных, ею интересовались только торговцы пушниной. Как самостоятельный вид морская норка была впервые описана лишь в 1903 году по скелету, найденному под Бруклином в штате Мэн. К этому времени в живых не осталось уже ни одного экземпляра.

Лабрадорская гага (Camptorhynchus labradorius)

Сегодня, как и в незапамятные времена, холодный Атлантический океан катит на зимние пляжи Лонг-Айленда седые валы, и они, разбиваясь, взлетают к небу фонтанами соленых брызг. И не страшащийся непогоды любитель птиц все еще может увидеть, как за линией прибоя качаются на зыби самые разные утки — гаги, турпаны, гоголи. Но он уже никогда не увидит их близкую родственницу — лабрадорскую гагу. Она исчезла почти сто лет назад.

Это была одна из самых красивых морских уток. В оперении самца изящно сочетались белый и черный цвета — черное туловище, на фоне которого эффектно выделялись белые зеркальца на крыльях. Голова и шея у него тоже были совсем белыми, если не считать бархатисто-черного галстучка и темной полоски на темени и затылке. Самки же и птенцы были коричневато-серыми.



Лабрадорские гаги всегда были довольно редкими птицами. Осенью и зимой они встречались на восточном побережье Северной Америки повсюду от Новой Шотландии до Нью-Джерси и даже южнее, вплоть до Чесапикского залива. Они предпочитали неглубокие бухточки, где выискивали в песчаном дне рачков и других морских животных. Охотники и рыбаки иногда ловили их на крючок с насаженной на него мидией. Они были очень пугливы и, если к ним подходили слишком близко, стремительно улетали. Иногда они странствовали небольшими стайками от пяти до десяти птиц, но чаще — в одиночку или парами.

Лабрадорские гаги были слишком соблазнительной мишенью, и никакой охотник не упускал случая подстрелить их. Хотя мясо этих гаг было не особенно вкусно, они постоянно появлялись на рынках Нью-Йорка и других восточных городов. Нередко они подолгу висели в лавках, пока не портились, и тогда их выбрасывали.

Об образе жизни лабрадорских гаг известно очень мало — мы даже точно не знаем, где находились их гнездовья. Предполагается, что они выводили птенцов на южном берегу Лабрадора. Возможно, они гнездились на прибрежных островках, как и по сей день делают обычные гаги, их близкие родственницы.

Еще до войны за независимость из Новой Англии на Лабрадор летом ежегодно отправлялось много кораблей за яйцами и перьями уток и других морских птиц. Люди являлись туда во время гнездового сезона или непосред-

ственно после него, когда птицы линяли и были особенно беззащитны. Это систематическое ограбление гнездовий продолжалось и в первую половину XIX века, а ко времени войны Севера с Югом лабрадорская гага стала уже большой редкостью.

Последняя зарегистрированная лабрадорская гага была убита осенью 1875 года на Лонг-Айленде, и ее шкурка находится теперь в коллекции Смитсоновского института в Вашингтоне. Сообщалось также, что три года спустя какой-то подросток застрелил еще одну гагу на реке Чеманг в штате Нью-Йорк, но она не была сохранена. С тех пор никто не видал живой лабрадорской гаги.

Каролинский попугай (Conuropsis carolinensis)

В колониальные времена фермерам на юге были хорошо знакомы эти пестрые птички, которые стремительно проносились над вершинами деревьев, то взмывая повыше, то исчезая за ветвями. Большая стая каролинских попугаев кружила над каким-либо фруктовым садом, оглашая воздух пронзительными криками: «кви-кви-кви!» Затем, опустившись на облюбованное дерево, попугайчики — величиной они были не больше горлицы — принимались лазать по веткам и расклевывать зреющие плоды. Тут фермер обычно уходил за ружьем.

Но каролинского попугая убивали не только потому, что он был грозой садов. И индейцы и белые равно ценили

его перья, а яркая окраска превращала его в легкую мишень. Туловище птицы было ярко-зеленым, а голова — желтой с оранжево-красными пятнышками у клюва, на темени и за глазами.

«Когда они спустились на землю,— писал в 1808 году натуралист Александр Уилсон,— издали могло показаться, будто там расстелили пышный зеленый ковер с оранжево-желтым узором, а затем вся стая взлетела на ближнее дерево... усеяв не только сучья, но и самые тонкие ветки... Когда я выстрелил, убив и поранив несколько птиц, стая некоторое время кружила над погибшими сородичами, а потом вновь опустилась на невысокое деревце шагах в двадцати от того места, где я стоял. При каждом новом выстреле на землю падало все больше птиц, но остальные тем не менее никак не хотели от них улетать...»

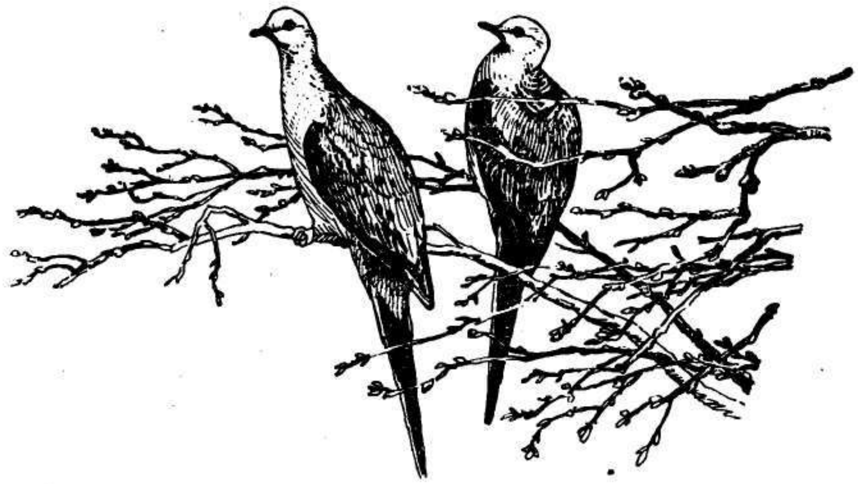
Эта манера собираться вместе, это нежелание покидать раненых членов стаи превращали попугаев в легкую добычу, когда фермеры устраивали на них охоту, опасаясь за свои сады. Впрочем, каролинские попугаи очень ценились и как комнатные птицы, а потому их часто ловили живыми. Первые поселенцы называли их «говорящими», потому что они, как и многие другие попугаи, иногда выучивались произносить два-три слова. Нередко стая устраивалась на ночлег в дуплах, и, чтобы изловить их, достаточно было накрыть отверстие большим мешком.

Каролинские попугаи были способны жить намного севернее остальных членов семейства попугаев, и когда-то их ареал охватывал Флориду, Виргинию, Техас, Канзас и Небраску. Отдельные стайки забирались еще дальше на север — в Пенсильванию и даже к берегам Великих озер. Гнездились они в заросших густым лесом речных долинах, а также в кипарисовых болотах. В сооруженное в дупле гнездо откладывалось обычно от двух до пяти яиц.

По мере того как эти области все больше заселялись, число каролинских попугаев неуклонно шло на убыль — по-видимому, не столько вследствие изменения и уничтожения привычной среды обитания, сколько из-за охоты. К началу XX века эти яркие маленькие попугаи исчезли уже почти повсюду. Известный орнитолог Фрэнк Чапмен в 1904 году зарегистрировал последнюю стайку — тринадцать птиц, которых он наблюдал на северном берегу озера Окичоби в штате Флорида. Еще одну маленькую стайку предположительно видели в том же штате в 1920 году, но,

насколько это сообщение соответствовало действительности, установить не удалось. Однако нам твердо известно, что в неволе последний каролинский попугай умер в 1914 году, в том же самом году, когда умер и последний на земле странствующий голубь.

В 1936 году всех, кому дорого сохранение дикой природы, обрадовало было сообщение группы опытных орнитологов, как будто обнаруживших стайку каролинских попугайчиков в болотистых лесах на реке Санти в штате Южная Каролина. Однако большинство ученых полагает, что произошла какая-то ошибка — во всяком случае эту стаю больше никто не видел. К тому же значительная часть лесов в долине Санти была вскоре вырублена при прокладке линий высокого напряжения.



***Странствующий голубь** (Ectopistes migratorius)*

Множества их казались столь же неистощимыми, как капли воды в океане, как песчинки на его берегах. Когда их гигантские стаи взмывали ввысь, они заслоняли солнце, и неисчислимые крылья поднимали настоящий ветер. Час за часом они проносились в вышине, возбуждая благоговение перед изобилием природы, какого нам уже никогда не увидеть. Вот что такое были странствующие голуби в былые дни.

Орнитолог Александр Уилсон в 1810 году наблюдал в Кентукки перелет стаи, ширина которой, по его оценке, достигала полутора километров, а длина — 380. Исходя из скорости их полета и времени, которое прошло прежде чем последние птицы пронеслись над его головой, Уилсон высчитал, что только одна эта стая состояла более чем из двух миллиардов странствующих голубей! Это и другие сообщения дают основание полагать, что в те времена странствующий голубь был наиболее многочисленным видом среди всех американских птиц. И тем не менее к концу века эта, казалось бы неистощимая, популяция была полностью уничтожена.

Первые поселенцы называли эту птицу просто голубем или лесным голубем. Наррагансетские индейцы дали ей имя «мускован» (скиталец) из-за ее постоянных кочевок. По этой же причине она получила научное название *migratorius* — «странствующий», под которым мы и вспоминаем ее сегодня.

У странствующего голубя было изящное тело строго обтекаемой формы, длинный сужающийся к концу хвост и узкие крылья, приспособленные для быстрого полета. Глаза этой красивой и грациозной птицы были ярко-красными, голова — глянцевито-голубой, а оперение отливало радужными металлическими оттенками. Верхняя часть туловища была графитно-серой, горло и грудь — красновато-бурыми, но к брюшку этот цвет переходил в чисто белый.

Первоначально ареал странствующего голубя охватывал большую часть востока Северной Америки, от южной Канады до Дикси, и простирался на запад до нынешних штатов Южная Каролина и Северная Дакота. Эти птицы обитали в старых лиственных лесах, где находили обильный корм — буковые орешки, каштаны, желуди, всякие ягоды и семена. Каждый год они огромными стаями возвращались с южных зимовий на северные гнездовья. Их огромные гнездовые колонии имели четкие границы — на протяжении многих километров на каждом дереве можно было насчитать десятки и сотни гнезд, а затем внезапно начинались деревья без единого гнезда, словно колонию ограждала невидимая стена. На непрочной гнездовой площадке, сооруженной в развилке высоко над землей, откладывалось обычно одно яйцо.

Эти голуби не обязательно выводили птенцов в одной и той же местности из года в год. Когда запасы корма истощались, они перебирались куда-нибудь еще. После окон-

чания гнездового периода они разбивались днем на небольшие стайки и отправлялись на далекие расстояния в поисках корма, а вечером вновь собирались там, где привыкли проводить ночь. Одюбон описал такой голубиный ночлег: «Голуби слетались со всех сторон тысячами и опускались на ветки повсюду друг над другом, пока на каждом дереве вокруг не образовались сплошные плотные массы величиной с бочонок».

Эта привычка держаться стаями, потребность строить гнезда и ночевать в тесном соседстве с себе подобными превращала странствующих голубей в легкую добычу для охотников. И там, где они гнездились или ночевали, устраивались поистине невероятные бойни. Охотники с ружьями и сетями окружали гнездовье, а потом разводили под деревьями костры и бросали в них серу, чтобы одурманить свои жертвы. Затем они сшибали птиц на землю шестами и дубинками. Их стреляли, накрывали сетями, так что голуби гибли миллионами. Когда люди кончали свою кровавую работу, в лес нередко выпускали свиней, чтобы они жирели, *объедаясь трупиками взрослых птиц* и выпавшими из гнезд беспомощными птенцами.

С самого начала голуби были ходким товаром на рынках почти всех городов. А их многочисленность и легкость, с какой их можно было добывать, обеспечивали их дешевизну. «В августе 1736 года цена на голубей в Бостоне упала до двух пенсов за дюжину, и все-таки много их осталось непроданными». Год за годом продолжалась эта бойня, но число птиц как будто не убывало. Весной 1851 года, например, в Нью-Йорк по железной дороге было доставлено 74 тонны голубей, убитых только в двух графствах на севере штата. «Все равно их всех не перебить!» — таково было отношение широкой публики к происходящему.

То же считал и сенат штата Огайо, когда в 1857 году он отклонил законопроект, который обеспечивал некоторую защиту этим птицам. «Странствующий голубь не нуждается в охранительных мерах,— решительно объявили мудрые законодатели.— Поразительная плодовитость... Никакая обычная охота не может уменьшить их числа или как-нибудь отразиться на неисчислимом ежегодном приросте».

Но охоту на странствующих голубей нельзя было назвать обычной даже по масштабам той эпохи. Через каких-нибудь 20 лет птицы устроили свое последнее крупное

гнездовье в штате Мичиган вблизи городка Петоски; оно занимало участок около 25 километров в ширину и 120 километров в длину. Весной 1878 года под Петоски обитало около 136 миллионов странствующих голубей, и туда, потирая руки, отправились промысловые охотники, чтобы устроить последнюю большую бойню.

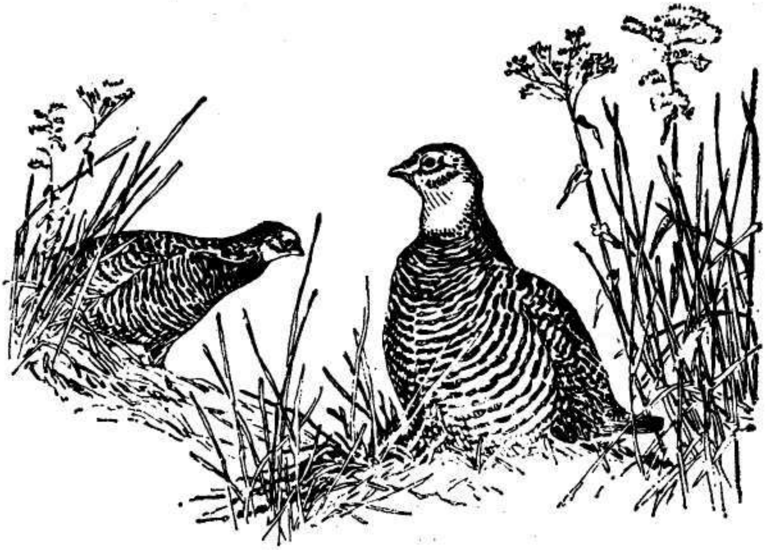
Десять лет спустя дикие странствующие голуби практически исчезли с лица земли. Однако в 1881 году их еще хватило для того, чтобы охотники забрали из гнезд 20 тысяч четырехнедельных птенцов и отправили их в Нью-Йорк, где они послужили живыми мишенями для участников голубиной охоты в увеселительном парке Кони-Айленд. Как ни странно, это «спортивное» состязание проходило под эгидой тогдашней Ассоциации защиты рыбы и дичи штата Нью-Йорк!

К 1890 году дикие странствующие голуби превратились в редкость — да и неудивительно! Время и перемены наконец доконали их. Но многие люди никак не могли поверить, что странствующие голуби действительно погибли. Некоторые утверждали, что они все улетели в Австралию, другие предполагали, что они переселились в Канаду или в Южную Америку. Последний дикий странствующий голубь, насколько известно, был подстрелен в 1899 году или в самом начале 1900 года, а последний странствующий голубь в мире — старая самка по имени Марта — умер в Цинциннатском зоопарке 1 сентября 1914 года. Но даже и тогда некоторые оптимисты не могли поверить, что странствующего голубя больше нет. В течение нескольких лет предлагались награды тем, кто укажет гнездовья диких странствующих голубей или сообщит о пролете их стай. Но награды эти так и остались невостребованными.

Но что же послужило причиной вымирания этих птиц? Промысловая охота? Исчезновение корма? Эпидемия? Вырубка лиственных лесов? Несомненно, тот факт, что они собирались в большие стаи и гнездились колониями, должен был способствовать их вымиранию, но само оно явилось прямым результатом их беспощадного истребления из года в год.

В штате Висконсин местное Орнитологическое общество установило в Вайльюзинском парке бронзовую мемориальную доску с надписью: «В память последнего висконсинского странствующего голубя, убитого в Бабкоке в сентябре 1899 года. Этот вид вымер из-за алчности и легкомыслия человека».

Печальный и постыдный для нас конец неисчислимых множеств! Но может быть, он послужит делу охраны природы в будущем. Во всяком случае А. Шаргер, чья книга стала еще одним памятником странствующему голубю, верит в это. «Безжалостное истребление и гибель этого вида,— пишет он,— больше всех законов, вместе взятых, помогло американскому народу осознать, насколько необходимо взять под защиту, пока не поздно, то, что у нас еще остается».



Восточный степной тетерев
(Tympanuchus cupido cupido)

Эта плотная, с квадратным хвостом и длинными пучками перьев по бокам шеи птица, обитавшая на востоке Североамериканского континента, внешним видом и поведением очень походила на своего западного родственника, который все еще встречается на сохранившихся участках прерий.

В колониальные дни ареал восточного степного тетерева простирался от Новой Англии до Виргинии, а может быть, и до Южной Каролины. Каждую весну во время брачного сезона самцы собирались на токовище и выполняли

сложный ритуал ухаживания, красуясь перед самками. Они надували оранжевые подкожные мешки, расположенные на шее под пучками перьев, и «гремели», резко выжимая воздух, отчего получался звук, напоминающий глухую барабанную дробь.

В те времена степные тетерева были очень многочисленны. Вокруг Бостона они водились в таком количестве, что «слуги при найме ставили своим будущим господам условие, чтобы тетерева подавались к столу не каждый день недели». Однако, несмотря на подобное ограничение, за этой вкусной дичью велась такая интенсивная охота, что к началу войны за независимость во многих областях степные тетерева почти перевелись. В штате Нью-Йорк их число сократилось настолько, что в 1791 году был предложен закон «Об охране степных тетеревов и другой дичи».

Тем не менее число тетеревов по всему востоку страны продолжало неуклонно идти на убыль в результате нескольких неблагоприятных факторов: ничем не ограниченной спортивной охоты, промысловой охоты и гибели их гнездовий и привычной среды обитания под натиском топора и плуга. К 1850 году почти всюду на материке степные тетерева стали большой редкостью. А в начале 70-х годов они были истреблены уже повсеместно, кроме острова Мартас-Винъярд. Но даже и там подсчет, проведенный в 1890 году, выявил только 200 птиц. А в 1906 году их осталось только 77. Степной тетерев доживал последние дни.

В 1907—1908 годах на острове для гибнущих птиц был устроен резерват площадью в 650 гектаров. Под охраной егеря, оберегавшего степных тетеревов от кошек и других хищников, их популяция начала медленно, но верно увеличиваться. К 1916 году на острове было уже около 2000 птиц, и казалось, что началось возрождение подвида.

Но той же весной произошла катастрофа. Почти 50 квадратных километров леса, где находились лучшие гнездовья, пожрал пожар, и в огне погибли гнезда с кладками, а также много птенцов и взрослых птиц. А следующей весной на остатки популяции обрушились необыкновенно размножившиеся ястребы-тетеревятники, которые нанесли ей серьезный ущерб. Из 2000 птиц, обитавших на острове всего год назад, осталось менее ста.

Восточный степной тетерев так и не оправился от этих роковых ударов. Поскольку его ареал ограничивался те-

перь небольшим участком леса, существование вида зависело от одной-единственной колонии. Уцелевшая популяция была слишком малочисленна, слишком беззащитна перед болезнями и стихийными бедствиями. Благодаря строжайшей охране она все-таки возросла к 1920 году почти до 600 птиц, но затем, несмотря на все усилия и заботы, их число начало неуклонно уменьшаться. В 1925 году осталось примерно 25 птиц, причем главным образом самцы. Степной тетерев был обречен.

Одна-единственная птица — старый петух — дожила до 1932 года. Последний раз ее видели 11 марта этого года. А потом — ничего.

Генри Битл Хау, редактор местной «Винъярд газет», посвятил степному тетереву редакционную статью-некролог, которая затем неоднократно цитировалась по всему миру. И отрывок из нее может послужить эпитафией не только этой птице, но и всем другим исчезнувшим видам:

«Мы стали свидетелями безвозвратности, заглянули в тьму, которая никогда уже не осветится ни единым лучом света. Мы соприкоснулись с реальностью полного вымирания».

Глава 4

НЕКОТОРЫЕ ВЕРНУЛИСЬ
(Первые шаги охраны природы — с 1880 по 1920 год)

Страна поступает как должно, если видит в своих природных богатствах драгоценное имущество, которое нужно передать следующему поколению, приумножив, а не уменьшив его стоимость

Теодор Рузвельт

В эпоху, непосредственно следовавшую за войной Севера с Югом, то есть в 70-е и 80-е годы, массовое истребление диких животных в Северной Америке достигло, пожалуй, наивысшей точки. По всему западу страны гремели выстрелы охотников на бизонов, и огромные стада стремительно таяли. Профессиональные охотники благоденствовали, как никогда раньше, отправляя в большие города целые вагоны диких голубей, уток, гусей, бекасов, кроншнепов и другой пернатой дичи. Охотники за перья-

ми разоряли все гнездовья цапель, какие только им удавалось отыскать.

И тогда же эта нескончаемая бойня впервые пробудила тревогу за будущее. Горстке дальновидных людей уже стало ясно, к чему она неизбежно должна привести, и они начали кампанию за сохранение диких животных и других естественных богатств страны. Им удалось добиться в некоторых западных штатах сезонного запрещения охоты на крупную дичь — бизонов, оленей, лосей и вилорогов, и по их инициативе в 1872 году был создан первый национальный парк — Йеллоустонский. Четыре года спустя был утвержден первый закон о сохранении лесов вокруг речных истоков. В 1872 году штаты Калифорния и Нью-Гэмпшир создали первые охотничьи департаменты, а в следующем году конгресс учредил комиссию по общественным землям для приведения в порядок и систематизации бесчисленных и противоречивых законов о собственности на землю. Все это были полезные, но лишь предварительные шаги, если рассматривать проблему сохранения природных богатств во всей ее совокупности.

В 1883 году группа орнитологов, встревоженная массовым истреблением птиц в коммерческих целях, основала Союз американских орнитологов. Эта организация (сокращенно САО), созданная для того, чтобы способствовать изучению и сохранению диких птиц, непрерывно укреплялась и приобретала все большее влияние.

Именно САО на заре своего существования в значительной мере содействовал созданию при министерстве сельского хозяйства отдела экономической орнитологии и маммалогии. Это государственное учреждение было предшественником Бюро биологической службы, которое в свою очередь превратилось в Департамент охоты и рыболовства.

В 1885 году Джордж Бэрд Гриннел — известный ученый, охотник, издатель и ревностный сторонник охраны природы — призвал к созданию общества для борьбы с истреблением птиц. Так возникло Национальное одюбоновское общество, которое уже много лет является одним из самых активных и бдительных бойцов в сражении, ведущемся за сохранение диких животных и других природных богатств.

В декабре 1887 года Гриннел вместе с Теодором Рузвельтом создал Клуб Буна и Крокетта, который сразу поднял голос в защиту диких животных и особенно крупной

дичи, а также широко пропагандировал идею создания системы национальных парков и резерватов.

В 90-х годах прошлого века все эти организации вместе с другими им подобными вели чуть ли не рукопашный бой с силами разрушения. К этому времени популяция оленей в Соединенных Штатах упала до наиболее низкого уровня за все время своего существования, и еще так недавно казавшиеся неистощимыми стаи странствующих голубей и стада бизонов почти исчезли. Когда крохотное, всего в две сотни голов, бизонье стадо Йеллоустонского парка — единственное дикое стадо, еще сохранившееся в Соединенных Штатах, — подверглось нападению браконьеров, даже широкая публика начала понемногу осознавать опасность происходящего. В результате в 1894 году был принят закон Ласи, подкреплявший действенными мерами запрещение охоты в национальных парках. В 1900 году был издан первый общий закон об охране диких животных и регулировании промысловой и спортивной охоты.

Наконец-то прилив повернул вспять. Но усилия эти были предприняты слишком поздно и оказались недостаточными для того, чтобы спасти странствующего голубя и каролинского попугая. Однако они в конечном счете спасли других животных от почти неизбежного вымирания.

В 1901 году президентом Соединенных Штатов стал Теодор Рузвельт, и у сторонников защиты животных появился влиятельный друг. Сам большой любитель охоты, Рузвельт принадлежал к числу тех немногих людей своего времени, которые понимали взаимозависимость лесов, вод, почвы и диких животных, которые понимали также, что этим последним требуется не только защита от истребления, но и привычные условия жизни.

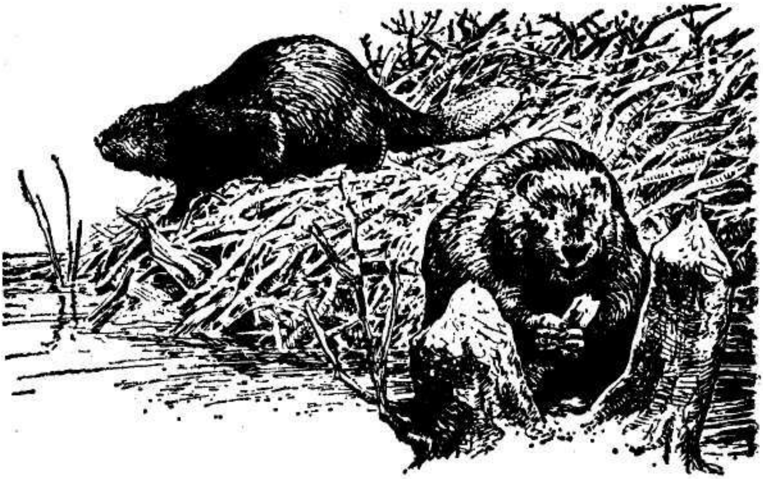
В 1903 году Рузвельт создал наш первый постоянный национальный заказник — Пеликан-Айленд, небольшой участок мангровых зарослей и песка в одной из лагун Индиан-Ривер в штате Флорида, где находились гнездовья бурых пеликанов. Два года спустя по его инициативе была создана Служба охраны лесов США, которую возглавлял Гифорд Пинчот, ученый лесовод и тоже горячий сторонник сохранения дикой природы.

Вслед за Пеликан-Айлендом были созданы и другие национальные заказники, послужившие основой нашей нынешней широкой системы национальных заказников. В 1905 году в штате Оклахома был создан лесной и охот-

ничий резерват Уичито (который теперь называется заказником Уичито-Маунтинз), а в 1908 году — Национальный бизоний резерват в штате Монтана.

Дело сохранения дикой природы продолжало развиваться и укрепляться все второе десятилетие XX века. В 1911 году Соединенные Штаты, Англия, Россия и Япония подписали соглашение о контроле над промыслом котиков и каланов в северной части Тихого океана. Пять лет спустя было заключено еще одно важное соглашение, на этот раз с Англией,— о защите перелетных птиц на территории Канады и Соединенных Штатов. И после многолетней борьбы всякая торговля перьями была наконец запрещена.

Таким образом, сторонники сохранения дикой природы добились значительных успехов и благодаря их усилиям было спасено немало зверей и птиц, которые уже находились под угрозой вымирания.



Бобр *(Castor canadensis)*

Пожалуй, ни одно животное не способствовало исследованию и заселению Северной Америки в такой степени, как бобр. Его густой бархатистый мех, который шел на изготовление касторовых* шляп, ценился очень высоко.

* Материал для этих шляп делался из бобрового подшерстка.— *Прим. ред.*

Этот долговечный, удобный и красивый головной убор был в большой моде по всей Европе в период колонизации Америки.

Первые поселенцы в Новой Англии находили многочисленные бобровые плотины буквально на всех речках и ручьях. Уильям Брэдфорд в своей «Истории Плимутской плантации» упоминает, что между 1631 и 1636 годами из колонии на нескольких кораблях было отправлено в Старый Свет около 12 500 фунтов бобровых шкур общей стоимостью около 10 тысяч фунтов стерлингов. Голландцы в Новом Амстердаме не отставали в этом отношении от своих более северных соседей.

В Канаде французы, отправляясь во все стороны по неисследованным речкам, ловили бобров сами или выменивали их шкуры у индейских охотников. Они устроили торговые фактории в Квебеке, Детройте, Макинаке и во многих других удобных местах, ведя очень выгодную торговлю этим ценным мехом. И мощную пушную Компанию Гудзонова залива Англия учредила в значительной степени для той же цели. В те времена бобровый мех нередко с успехом заменял в торговых сделках звонкую монету. Двенадцать бобровых шкур составляли цену хорошего ружья, за шесть шкур на фактории Компании можно было купить красное одеяло.

В 1800 году бобры, за которыми так долго и упорно охотились по всей восточной части континента, во многих областях уже почти исчезли. Но на западе их оставалось еще много. Льюис и Кларк убедились, что эта огромная новая территория «богаче бобрами и выдрами, чем любая другая страна в мире». Вполне понятно, что охотники на бобров не замедлили отправиться в эти благословенные края.

Опорой западных пушных компаний были закаленные трапперы; пренебрегая опасностью лишиться скальпа, который затем украсил бы пояс какого-нибудь индейского воина, они часами бродили по грудь в ледяной воде, расставляя и проверяя капканы в речках Скалистых гор. Но к 1840 году краткий период их благоденствия окончился. С одной стороны, Запад был теперь заселен куда больше, чем это им нравилось, а с другой — на смену касторовой шляпе в качестве эмблемы хорошо одетого человека уже шел шелковый цилиндр. В результате спрос на бобровые шкуры упал и каприз моды подарил бобру некоторую передышку.

И вовремя! Несколько веков интенсивной охоты тяжело сказались на численности бобров Северной Америки. В Пенсильвании пушистые строители плотин были почти совсем истреблены к 1865 году. В 1895 году во всем штате Нью-Йорк их, по самой оптимистической оценке, набралось бы не больше десятка. К этому времени бобр почти совсем исчез на востоке страны и быстро исчезал во многих западных штатах.

Наконец спохватившись, законодательные собрания многих штатов утвердили законы, устанавливавшие строго ограниченные сезоны ловли бобров, а также то количество шкур, которое разрешалось добывать каждому охотнику. Это был слишком ценный пушной зверь, чтобы позволить ему совсем вымереть. К тому же некоторые люди поняли, что бобровые плотины играют немаловажную роль в регулировании разливов. И вот очень медленно и постепенно бобр начал возвращаться во многие места, где его уже давно никто не видел.

Для ускорения этого процесса в последние годы применяется следующий метод: там, где бобры водятся в изобилии, избыточных животных отлавливают, а затем перевозят в сохранившиеся дикие уголки былого бобрового царства и там выпускают. В труднодоступные местности — например, в горы — их нередко доставляют на самолетах и спускают на парашютах в клетках, сконструированных так, что при ударе о землю дверца открывается. Эти программы переселения дали желаемые результаты, и в настоящее время бобры встречаются почти везде, где они обитали в прошлом, хотя, разумеется, далеко не в былом количестве.

Благодаря систематической охране и правильному контролю бобр пока остается с нами, сохраняя при этом промысловое значение. Только в 1966 году по всем Соединенным Штатам было добыто свыше 185 тысяч бобров. А самое главное, во время далеких лесных прогулок мы все еще можем, если нам повезет, полюбоваться на лесной речке или озерце бобровой плотиной и хатками. И наблюдая, как эти большие пушистые грызуны плавают в своем пруду, слушая, как они с громким всплеском ударяют по воде плоским хвостом, мы на минуту можем вообразить себя трапперами, впервые проникшими в первобытную глушь.

Степной бизон (Bison bison bison)

В те дни, когда шло освоение Дальнего Запада, одним из самых гордых и воинственных племен юго-западных равнин было племя индейцев киова. В своей книге «Американский бизон» Мартин Гарретсон приводит легенду о сотворении мира, которую индейцы киова рассказали старому трапперу в те далекие годы, когда по прериям еще бродили миллионные стада бизонов.

«В первый день Великий Дух посадил на берегу вод Дерево Великого Пути, вознисившее свои ветви к небу. И по ним сошли вниз на землю все живые существа, а также мужчина и женщина киова, которые весь день гуляли по новому миру, а вечером вернулись к Дереву Великого Пути, и там они увидели бизонов, и Великий Дух спустился к ним и сказал: «Вот бизоны. Они будут давать вам пищу и одежду, но в тот день, когда вы увидите, что они исчезли с лица земли, знайте — конец киова близок и солнце закатится»».

Зловещее пророчество этой легенды оказалось даже слишком верным — и не только для киова, но и для команчей, шайеннов, сиу и всех других племен, живших в прериях. Эти «бизоньи» племена добывали себе все необходимое для жизни, следуя за стадами бизонов. Когда бизоны исчезли, мир индейцев прерий рухнул.

Индейцы ели мясо бизонов сырым и жареным, они вялили его впрок на зиму. Свои типи и одежду они изготовляли из бизоньей кожи, а мохнатые шкуры служили им постелями и коврами. Из рогов они делали половники, из костей — орудия и оружие. В дело шла буквально вся туша убитого животного.

До появления белых индейцы охотились на бизонов

пешком и убивали их только стрелами и копьями. Иногда опытные охотники закутывались в бизоньи шкуры и так подкрадывались к стаду. Или же, если местность была подходящей, большая группа охотников окружала стадо и загоняла его к обрыву, так что обезумевшие от ужаса животные срывались вниз, сразу обеспечивая племя большим запасом мяса и шкур. Однако с прибытием испанцев у индейцев появились лошади. Теперь индейские всадники стремительным галопом врывались в гущу стада и без труда поражали стрелами намеченное животное.

Вероятно, первыми европейцами, увидевшими американского бизона, были Кортес и его бледнолицые конкистадоры. Когда в 1521 году они захватили столицу ацтеков, то, согласно преданию, побывали в зверинце Монтесумы, их верховного правителя, и описали все, что там увидели: «Мексиканский бык, удивительно сложенный из самых разных животных. У него кривые плечи и горб на спине, как у верблюда... его шея покрыта гривой, как у льва. Копыта у него раздвоены, а на голове рога, как у быка, на которого он походит свирепостью не менее, чем силой и быстротой».

Затем испанцы, добравшись до юго-западных равнин, увидели бизонов на свободе и были поражены их многочисленностью. А ведь они видели лишь ничтожную часть всей популяции. В ту эпоху не менее 60 миллионов этих могучих животных бродило по континенту от северной Мексики до центральной Канады и от Скалистых гор почти до самых берегов Атлантического океана.

За бизонами следовали не только индейцы, но и стаи волков, добычей которых становились отбившиеся от стада телята или больные и старые животные. Зимние бураны взимали со стад немалую дань, как и засухи, эпидемии и весенние разливы, когда бизоны массами тонули, пытаясь переплыть вздувшуюся реку. Но, несмотря на все эти потери, число бизонов не убывало.

Положение изменилось после окончания войны Севера с Югом, когда на запад потянулись караваны эмигрантов. Бескрайние прерии начали очень быстро покрываться селениями, и их наводнили искатели счастья всех мастей. И повсюду, где появлялись эти пришельцы, они стреляли бизонов — из-за мяса и шкур, для себя и на продажу, а то и просто забавы ради. А когда через страну бизонов потянулись нити железных дорог, огромные стада начали таять с невероятной быстротой.

Знаменитый Баффало Билл Коди (Бизоний Билл) начал свою карьеру в качестве охотника, которого Канзасская тихоокеанская железная дорога наняла, чтобы снабжать мясом своих строительных рабочих, и за полтора года убил 4120 бизонов. Первые поезда в этих местах нередко часами простаивали, пока через пути переходило большое бизонье стадо, а потому железнодорожные компании всячески поощряли охоту на бизонов. Вскоре по прериям начали рыскать тысячи профессиональных охотников, и бизоньи шкуры на время стали основой экономики этой области. Как правило, охотники, освежевав свою жертву, забирали шкуру и, может быть, вырезали язык, а тушу бросали. Много лет спустя предприимчивые люди наживали состояния, собирая побелевшие кости и продавая их на фабрики удобрений.

К началу 70-х годов прошлого века миллионные стада бизонов на юго-западе страны ушли в область преданий. Пророчество индейской легенды сбылось: вскоре киова были вынуждены поселиться в резервациях и вести жалкое существование в полной зависимости от сомнительной щедрости белых.

Стремясь избежать такой же судьбы, индейцы северных равнин — сиу, шайенны и их союзники — беззаветно сражались с белыми, тщетно пытаясь остановить их вторжение. В 1876 году индейские вожди Бешеная Лошадь и Сидящий Бык, объединив северные племена, одержали над отрядами генерала Джорджа Кастера блистательную победу в знаменитой битве у Литл-Бигхорна. Однако этот успех индейцев оказался бесплодным: не прошло и года, как почти все рассеянные по равнинам племена были усмирены и загнаны в резервации. Теперь белые охотники получили возможность истреблять бизонов, не опасаясь возмездия. На то, чтобы завершить эту бойню, потребовалось всего пять лет.

Последнее большое стадо — примерно в 75 тысяч голов — было уничтожено в районе Йеллоустона летом 1883 года. И с этого времени бизоны, если не считать горстки животных, еще бродивших кое-где по прериям, уже действительно принадлежали прошлому. А в следующие несколько лет и последние остатки стад были в большинстве выслежены и истреблены.

В 1890 году утратившие всякую надежду индейцы устраивали у себя в резервациях ритуальные пляски и взывали к Великому Духу, чтобы он вернул бизонов на

землю, но тщетно. К этому времени на всей территории Соединенных Штатов осталось лишь несколько сотен бизонов, большинство которых держалось в пределах Йеллоустонского парка. Теоретически охота на них там была запрещена, но запрещение это не подкреплялось никакими практическими мерами. Браконьеры продолжали убивать бизонов и в парке; некоторые таксидермисты неплохо наживались на доходной, хотя и противозаконной торговле выделанными бизоньими шкурами и головами, которые приобретали богатые любители трофеев. К 1894 году в Йеллоустоне осталось не больше 21 животного; это были последние дикие бизоны в Соединенных Штатах, если не считать такого же крохотного стада в Лост-Парке (штат Колорадо).

И тут наконец широкая публика не то устыдилась, не то осознала необходимость сохранения исчезающих животных, и конгресс издал закон, вводивший суровые наказания за убийство бизонов в Йеллоустонском национальном парке. Однако закон этот не препятствовал любителям трофеев и дальше уничтожать бизонов в Колорадо. Последние четыре бизона — два быка, корова и теленок — были убиты там в феврале 1897 года. В это время численность бизонов в Соединенных Штатах достигла своего низшего предела.

К счастью, в неволе еще жило немало бизонов, а в Канаде, в почти недоступных дебрях вокруг Большого Невольничьего озера, обитало несколько сотен животных. И это давало некоторую надежду на спасение вида. А потому группа энтузиастов организовала в 1905 году Американское бизонье общество, председателем которого стал Уильям Темпл Хорнедей, ревностный защитник дикой природы. Хорнедей был, кроме того, директором Нью-Йоркского зоологического общества, которому, в частности, принадлежали 40 бизонов, живших в неволе. В 1907 году 15 из них были переданы правительству для только что организованного оклахомского лесного и охотничьего резервата Уичито. В 1908 году Американское бизонье общество способствовало созданию в штате Монтана Национального бизоньего заказника и снабдило его тридцатью четырьмя животными. В течение следующих десяти лет такие же охраняемые стада были созданы в Уидкейвском национальном парке в штате Южная Дакота и в резервации Форт-Найоберера в Небраске. В судьбе бизонов наступил перелом.

В настоящее время число животных в этих и созданных позже стадах уже превышает 10 тысяч. Даже Аляска может похвастать стадом в 500 голов, которое произошло от двадцати трех бизонов, доставленных туда в 1928 году. Кроме того, канадские бизоны, обитающие в диких дебрях вокруг Большого Невольничьего озера, где теперь создан Национальный парк Вуд-Баффало, тоже размножились, и число их достигает 10—12 тысяч голов. Эти бизоны образуют особый подвид лесных бизонов *(Bison bison athabascae)* *.

Двадцать тысяч бизонов, которые теперь бродят по диким дебрям и национальным паркам Канады и Соединенных Штатов, отличаются такой плодовитостью, что почти повсюду ежегодно приходится проводить отстрел некоторого их количества на мясо, чтобы численность стада не превышала возможностей предоставленных ему пастбищ. В Канаде охотники получают разрешение на отстрел ограниченного числа диких бизонов почти так же, как в прежние дни.

Равнины и прерии Дальнего Запада уже никогда больше не увидят многомиллионных бизоньих полчищ, но благодаря мерам, принятым в самый последний момент, бизон был все-таки сохранен и дальнейшее выживание вида можно пока считать обеспеченным.

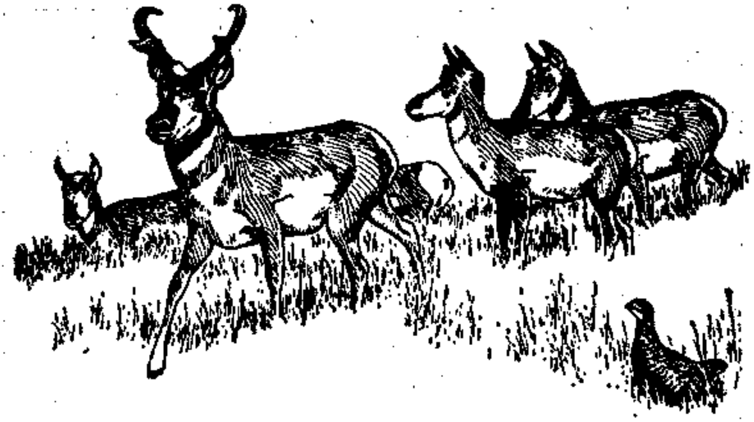
Вилорог (Antilocapra americana)

«Да здравствуют прерии и стремительные антилопы! — восторженно записал в своем дневнике Одюбон, когда увидел этих животных во время своего путешествия вверх по Миссури в 1843 году.— Они проносятся мимо охотника подобно молниям или метеорам...»

И действительно, вилорог — самое быстроногое животное Америки. Взрослые животные способны развивать скорость около 90 километров в час. Стройные, хотя и мощные ноги, изящное туловище, палево-коричневая окраска, белоснежное «зеркало» и своеобразные рога делают вилорога и одним из самых красивых животных нашего континента.

Это единственный сохранившийся представитель особого семейства копытных — *Antilocarpidae*, которое суще-

* Из 20 тысяч бизонов, обитающих в настоящее время в Канаде, только около 250 голов принадлежит к лесному подвиду.— *Прим. ред.*



ствовало только в Северной Америке. Когда первые белые появились там, число вилорогов, возможно, достигало многих миллионов. Они обитали на равнинах, в прериях и пустынях Запада повсюду от Северной Мексики до Канады. В отличие от истинных антилоп Африки и Азии вилорог обладает полыми разветвленными рогами, которые осенью ежегодно сбрасывает, после чего к весне они опять отрастают.

Подобно бизонам вилороги процветали, пока в их края не вторглись белые. Поселенцы убивали быстроногих животных ради их мяса и для развлечения, на их пастбища они выпускали коров и овец, а затем начали огораживать свои фермы вместе с пастбищами. В результате численность вилорогов постепенно уменьшалась, и в 1908 году к северу от Мексики их оставалось не более 20 тысяч.

Но к этому времени трагедия бизонов уже многому научила людей. Почти все западные штаты дали своим уцелевшим вилорогам некоторую передышку, запретив охоту на них в определенные сезоны. В 1931 году Клуб Буна и Крокетта вместе с Одюбоновским обществом приобрел на северо-западе Невады участок в 14 тысяч гектаров и превратил его в заказник, носящий теперь название Шелдоновского национального антилопьего заказника. Пять лет спустя президент Франклин Делано Рузвельт отвел по соседству с этим заказником 200 тысяч гектаров общественных земель под заказник, также названный в честь Чарлза Шелдона, члена Клуба Буна и Крокетта, человека, внесшего большой вклад в дело сохранения дикой приро-

ды. Тогда же Рузвельт создал еще один заказник неподалеку от двух первых, на юго-востоке штата Орегон — Национальный антилопий заказник Харт-Маунтин. Эти три заказника обеспечивают местным вилорогам достаточно места для спокойного размножения и зимовок.

Защитные меры дали поистине невероятные результаты: к 1939 году только в Соединенных Штатах популяция вилорогов возросла до 200 тысяч животных. А в настоящее время эта цифра, возможно, удвоилась. Четырнадцать западных штатов и две канадские провинции разрешают теперь ежегодную ограниченную охоту на вилорогов. Около 80 тысяч охотников на антилоп выходят в поле каждую осень, и только в Вайоминге и Монтане их ежегодная добыча составляет более 50 тысяч животных. Неизменный уровень популяции вполне допускает такой отстрел. Если же численность вилорогов начнет заметно снижаться, охота на них будет ограничена.

В настоящее время опасность угрожает только сонорскому подвиду вилорога *(Antilocapra americana sonoriensis)*. Этот подвид, обитающий на самом юге штата Аризона и на северо-западе Мексики, в обеих странах строго охраняется.

Американский благородный олень, или *вапити* *(Cervus canadensis)*, и его родственники

Европейские поселенцы, впервые столкнувшись с крупными американскими оленями, называли их лосями. Однако на самом деле это был подвид благородного оленя. Индейцы шауни называли этих оленей «вапити», что на их языке значило «светлое пятно у хвоста». В колониальные дни подвиды благородного оленя были широко распространены по всему Североамериканскому континенту от южной Канады до Мексики и от Тихоокеанского побережья почти до самых берегов Атлантики.

Поселенцы охотились за восточными вапити с таким рвением, что к началу войны Севера с Югом этот подвид к востоку от Миссисипи был почти совершенно истреблен, а через несколько лет после ее окончания его уже можно было занести в список вымерших животных. Быстрое заселение Скалистых гор и Тихоокеанского побережья обещало ту же судьбу и благородным оленям этих областей.

Болотный вапити *(Cervus canadensis nannodus)*, довольно мелкий олень, обитавший в долинах калифорний-

ских рек Сан-Хоакин и Сакраменто, был безжалостно истреблен в годы калифорнийской «золотой лихорадки». К 1885 году было зарегистрировано только 28 этих оленей — небольшое стадо, еще сохранившееся на ранчо Миллер-Лакс в графстве Керн. Аризонский вапити, или вапити Мерриэма *(Cervus canadensis merriami)*, подвид с более бледной окраской и большими рогами, обитавший в горах Аризоны и Нью-Мексико, оказался не столь удачливым: он исчез к 1906 году, когда последнее стадо было истреблено в горах Чирикауа.

К 90-м годам прошлого века более или менее крупные стада вапити сохранились только в районе Йеллоустонского парка и Джексон-Хоул в штатах Вайоминг и Монтана. Этот обитавший в Скалистых горах подвид, ареал которого прежде охватывал горы и плато всех западных штатов, теперь также стремительно исчезал почти повсюду, кроме таких глухих уголков, как Йеллоустон. Да и там вапити явно доживали последние дни.

Йеллоустонские вапити прежде проводили лето на сочных альпийских лугах и склонах у самых вершин. После осеннего гона, когда самцы собирали гаремы из нескольких самок, эти отдельные группы соединялись в стада, которые спускались на зиму в открытые долины и луга Джексон-Хоул или уходили еще дальше на юг.

Но по мере заселения Вайоминга и Монтаны стада каждую осень встречали все большее число охотников. Ты-

сячи вапити были убиты только ради их клыков, которые иногда приносили охотнику десять долларов за пару. В те дни члены общества, носящего пышное название «Благодетельный и охранительный Орден Лосей», исчислялись миллионами, и среди них считалось особым шиком носить на часовой цепочке как брелок зуб вапити («американского лося») в золотой оправе, служивший неофициальным знаком ордена.

Однако вапити страдали не только из-за интенсивной охоты. Главная причина угасания вида заключалась в том, что в долинах, где они зимовали, появлялось все больше изгородей и хозяйственных построек. Дикие степи превращались в пахотные земли или в огороженные выпасы, а фермеры и скотоводы, естественно, не собирались мириться с тем, что вапити покушаются на корм их коров и овец.

Лишенные своих исконных зимних угодий, вапити Скалистых гор в суровые зимы гибли тысячами. Уже в 1892 году, в самом начале их трагедии, только в районе Джексон-Хоул их пало от голода не меньше пяти тысяч. Отдельные скотоводы и представители местных властей из жалости пытались подкармливать их сеном.

Однако такая помощь ничего в конечном счете не решала, и для спасения вапити потребовались объединенные усилия федеральных, штатных и местных властей. В результате в 1912 году в штате Вайоминг, в долине реки Титон, к северу от города Джексон, был создан Национальный заказник вапити площадью около 1100 гектаров. Для вапити, которые тысячами собирались там на зиму, была организована систематическая подкормка. В настоящее время благодаря добавочному финансированию, обеспеченному Лигой Исаака Уолтона, Орденом Лосей, а также штатом и федеральным правительством, площадь Национального заказника вапити расширена до 9500 гектаров.

Каждую осень туда устремляется до семи тысяч вапити, и любители диких животных с восторгом наблюдают, как в зимние месяцы по заказнику ежедневно разъезжают сани, чтобы разбросать там сено для голодных стад.

Но каким бы эффектным ни было это зрелище, оно наглядно подтверждает тот факт, что вапити Джексон-Хоула живут, несомненно, в крайне неблагоприятных условиях. «В настоящее время подкармливание диких животных совершенно справедливо считается последним средством,— утверждает Олдос Мюри.— Это означает, что все усилия

обеспечить достаточную территорию для зимовки оказались тщетными».

Действительно, вапити, которых приходится подкармливать, перестают быть дикими животными в полном смысле слова, они уже начинают превращаться в домашний скот. В настоящее время число вапити в районе Йеллоустона и Джексон-Хоул слишком велико для оставшихся им зимних пастбищ. В Йеллоустоне их зимует столько, что они давно уже угрожают уничтожить траву и подлесок во многих частях национального парка.

Департамент национальных парков много лет энергично ищет разрешения этой проблемы. Еще в 1892 году начался отлов вапити, которых затем выпускали в тех местах, где они уже давно исчезли. С того времени и по 1939 год таким образом было переселено свыше 10 тысяч вапити. В результате в тридцати шести американских штатах и в некоторых других странах появились свои стада, которые могли послужить основой будущих популяций. И многие из них отлично прижились на новом месте.

Однако отлов в Йеллоустоне и в Национальном заказнике вапити в Джексоне ни в малейшей степени не решает проблемы избыточных животных. И то же можно сказать о выборочном отстреле, который проводят егеря. Возможно, ограниченная охота в Йеллоустоне и в Национальном парке Грэнд-Титон могла бы способствовать приведению популяции вапити в равновесие с площадью оставленных им пастбищ. В качестве временной меры осенью 1968 года Вайомингскому охотничьему обществу было выдано 2500 специальных разрешений на охоту в Национальном парке Грэнд-Титон, которые распределялись по жребию. Охотники, вытянувшие счастливый номер, на время охоты числились егерями парка. Такая процедура не нова: для уменьшения численности стад в последние годы не раз использовались подобные методы. Если бы в глухих уголках заказника можно было развести таких природных врагов вапити, как волки, они, несомненно, также способствовали бы установлению равновесия, однако местные скотоводы, конечно, стали бы возражать против этого.

Вапити Скалистых гор являются в настоящее время наиболее многочисленным подвидом, о чем неоспоримо свидетельствует рост популяции в Йеллоустоне. Численность канадского подвида — манитобских вапити, обитающих в Манитобе и Саскачеване,— заметно ниже. Рузвельтовские, или олимпийские, вапити, крупные животные с

темной окраской и тяжелыми рогами, встречаются на Тихоокеанском побережье от северной Калифорнии до острова Ванкувер. Им обеспечена охрана в Олимпийском национальном парке в штате Вашингтон и в калифорнийском заказнике Мэдисон-Грант-Форест. Эти олени были также выпущены на остров Афогнак у берегов Аляски, где хорошо прижились.

Болотных вапити сохранилось в настоящее время три стада, и общее число их достигает почти трехсот голов. Одно из этих стад ведет полудомашний образ жизни в вольерах парка Тьюл-Элк под Тапменом в Калифорнии. Еще одно бродит на свободе в заказнике Оуэнс-Вэлли, созданном по постановлению Лосанджелесского муниципалитета в 1967 году. Но даже это маленькое стадо оказывается нежелательным конкурентом домашнего скота, лишая его какой-то доли корма, и местные фермеры настойчиво требуют его уменьшения.

Как ни грустно, но приходится признать, что в Соединенных Штатах нигде, кроме Аляски, нет места даже для средней величины стада таких крупных травоядных, как бизоны и вапити.

Калан (Enhydra lutris)

После гибели «Святого Петра» у острова Беринга в ноябре 1741 года натуралист Георг Вильгельм Стеллер увидел из шлюпки, в которой потерпевшие кораблекрушение добирались до берега, что к ним «приближалось несколько морских бобров *, которых одни издалека приняли за медведей, а другие — за росомах».

Зимуя на пустынных берегах прежде никому не известного арктического острова, голодающие моряки «Святого Петра» часто убивали каланов, или «морских медведей», как они их называли, ради их мяса. Оно отнюдь не отличалось приятным вкусом, но все-таки поддерживало слабеющие силы истощенных людей. А главное, добывать его было легко. На острове Беринга каланов было очень много, а догнать их на суше и прикончить дубинкой не составляло большого труда.

Но если на суше калан медлителен и неуклюж, то в своей родной стихии он удивительно ловок и грациозен. Его гибкое, идеально обтекаемой формы тело быстро

* Старинное торговое название каланов.— *Прим. ред.*

скользит по воде, когда он гребет задними, похожими на ласты лапами, вытянув передние вдоль боков. Взрослые самцы достигают в длину полутора метров и весят до 35 килограммов. Самки заметно мельче.

Самка обычно приносит только одного детеныша. Этот тридцатисантиметровый малыш, с рождения пушистый и ясноглазый, выглядит удивительно симпатичным. Мать держит детеныша на груди передними лапами и в минуты опасности покидает его с большой неохотой.

Питаются каланы моллюсками, крабами и морскими ежами. В калифорнийских водах они всему предпочитают морские ушки. Ныряя за добычей, калан нередко захватывает со дна плоский камень. Находчивый зверь кладет камень себе на живот и, плавая на спине, разбивает об него твердую раковину моллюска.

В мире, пожалуй, нет другого такого красивого глянцевитого меха, как у каланов. Блестящий черновато-коричневый подшерсток мягок и шелковист, как лучший бархат. Седина более длинных волос придает меху серебристый отлив. Добыча бесценных шкур каланов принесла богатство лишь горстке охотников, другим же — несчастья и смерть.

Когда в 1742 году Стеллер и его спутники добрались до Камчатки, они привезли с собой несколько сот каланьих шкур, а также рассказы о баснословном изобилии этих животных на открытых ими островах. Эта новость распространилась очень быстро, и вскоре промысловые

суда одно за другим начали отправляться по бурным водам северных морей на остров Беринга и к Алеутским островам.

Промышленников вела туда страсть к наживе, и они, где могли, уговаривали или заставляли местных жителей добывать для них каланов. Охотники-алеуты иногда ловили каланов сетями на рифах, но чаще били гарпунами с байдарок из моржовых шкур. В результате такой неистовой охоты к 80-м годам XVIII века каланы практически исчезли и на Командорских и на Алеутских островах. Теперь внимание промышленников привлекли каланы на прибрежных островах Аляски. Чтобы вести на Аляске выгодный промысел каланов, русские создали в 1783 году Русско-Американское общество для торговли мехами. К тому времени эта область заинтересовала также испанцев и англичан. Когда знаменитый английский мореплаватель капитан Джеймс Кук в 1778 году посетил остров Ванкувер, он и его команда быстро поняли, какой доходной может быть скупка каланьих шкур у местных индейцев. «Дюжины больших стеклянных бусин хватило, чтобы заплатить за шесть отличных шкур»,— писал один из его спутников.

Ровно через десять лет бостонский шкипер Роберт Грей отправился на своем судне «Колумбия» в аляскинский залив Нутка и также завел меновую торговлю с местным населением. Во время одной стоянки, сообщает историк Джордж Бэнкрофт, «Грей выменял 200 каланьих шкур, стоивших не меньше 8000 долларов, на старую железную стамеску». Отправившись с Аляски в Кантон, Грей обменял свой драгоценный груз на шелк, пряности и другие экзотические восточные товары. Затем он отплыл на родину, навстречу славе и богатству.

Эта лихорадочная охота продолжалась несколько десятилетий, и популяция каланов постепенно сходила на нет по всей области их распространения. К 1867 году, когда Соединенные Штаты купили Аляску у России, этот промысел совсем захирел. Но американские охотники, не сдерживаемые никакими правительственными мерами, принялись преследовать каланов с новой энергией. С 1881 по 1890 год было добыто почти 48 тысяч шкур.

Однако после этого промысловые суда уже тщетно высматривали заманчивую добычу, так как каланы теперь действительно находились на грани вымирания. В 1900 году вся добыча составила ровно 127 шкур. Цена калань-

их шкур взлетела до небес, но выяснилось, что взять их неоткуда, какие бы деньги за них ни сулили. В 1910 году за единственную шкуру было уплачено 1703 доллара 33 цента. В следующем году Соединенные Штаты, Англия, Россия и Япония подписали договор, запрещавший какую бы то ни было охоту на каланов. Однако в тот момент это выглядело как попытка запереть дверь конюшни, из которой лошадь давно уже увели.

Прошло несколько десятилетий, но о каланах никто ничего больше не слышал и никто их больше не видел, хотя теперь они и были «взяты под охрану». Пессимисты считали каланов окончательно вымершими, а оптимисты надеялись, что несколько животных могли все-таки выжить в какой-нибудь глухой бухте Алеутских или других дальних островов. Одна шкура, под шумок мелькнувшая на лондонском пушном рынке, пошла без малого за 2500 долларов.

Затем 19 марта 1938 года парочка, прогуливавшаяся возле устья Биксби-Крика на Монтерейском полуострове в Калифорнии, заметила в море неподалеку от берега каких-то странных животных. Они позвали егерей, и те, разглядев подпрыгивающие на волнах глянцевитые головы, опознали каланов и насчитали их целых 94 штуки. Итак, хотя бы в калифорнийских водах этот ценнейший промысловый зверь еще не перевелся.

Уцелели каланы и в районе Алеутских островов. И к настоящему времени, через 50 с лишним лет после запрещения охоты на них каланы постепенно вновь заселили значительную часть своего прежнего ареала. Теперь в прибрежных водах Тихого океана, от исхлестанных бурями островов Прибылова и Алеутских островов до побережья Калифорнии, по подсчетам, обитает более 40 тысяч каланов. Значительное их число живет в Национальном заказнике Алеутских островов, занимающем площадь в 120 тысяч гектаров и включающем 70 островов и островков.

Но даже и в этом далеком убежище цивилизация все еще угрожает каланам, хотя опасность принимает теперь несколько иные формы. Осенью 1965 года Комиссия по атомной энергии США провела подземный взрыв на Амчитке, одном из главных островов заказника. Были приняты необходимые меры для защиты каланов и других диких животных, но кто может точно предсказать все отдаленные последствия атомных взрывов? Тем не менее запланированы дальнейшие испытания.

Еще одну угрозу для каланов и других морских животных представляет дизельное топливо и другие нефтепродукты, которые спускают за борт проходящие в тех водах суда. Растекшаяся по поверхности воды нефть образует смертоносную пленку на мехе каланов и на оперении морских птиц. Эта пленка мешает им свободно плавать и уничтожает теплоизолирующие свойства меха и перьев, отчего животные вскоре погибают. Когда какой-то танкер в 1965 году спустил нефть неподалеку от острова Грейт-Ситкин, там после этого удалось обнаружить всего шесть каланов, хотя весной их было зарегистрировано в этих водах более шестисот.

Однако, выжив после полутора веков истребительной охоты, каланы доказали свою биологическую стойкость. Возможно, раз уж их не погубило алчное стремление человека завладеть их шелковистым мехом, они выдержат опасности, которые создает рост техники и сопутствующее ему загрязнение окружающей среды. Но это будет очень нелегко, поскольку в 1967 году Аляска возобновила промысел каланов, объявив его монополией штата, и в начале следующего года выбросила на рынок 826 шкур, лучшие из которых были проданы по 2300 долларов за штуку *.

Северный морской котик (Callorhinus ursinus)

Примерно в 400 километрах севернее Алеутских островов из курящихся туманами вод Берингова моря встают пять небольших скалистых островков. Это острова Прибылова, где каждую весну в период размножения собираются сотни тысяч северных морских котиков.

Первыми туда являются секачи — самцы-производители в возрасте от семи до пятнадцати лет, вес которых достигает 270 килограммов и более. Выбравшись на берег, каждый секач немедленно захватывает участок пляжа в полную свою собственность, воинственно ревет и вступает в драки с другими секачами, оберегая свои владения. Недели через две приплывают молодые самцы, еще не достигшие полной зрелости. Это «холостяки». Они не рискуют вступать в конфликт с секачами и покорно отправляются

* В Советском Союзе каланы обитают сейчас на Командорских островах, южной оконечности Камчатки и Курильских островах. Общая численность их — около 10 тысяч.— *Прим. ред.*

на свободную часть пляжа или на склон за ним. Последними в конце июня приплывают беременные матки.

Когда они появляются у берегов, каждый секач старается собрать на отвоеванном участке как можно больше подруг. Он ревниво следит за своим гаремом, не позволяя самкам забредать на чужую территорию и отражая посягательства других секачей. В течение первых четырех дней после выхода на берег матка рожает одного черного детеныша весом в четыре-пять килограммов, а еще через несколько дней самец с ней спаривается. Следующего своего детеныша эта матка принесет через пятьдесят одну неделю.

В июле каменистые берега усеиваются тысячами вопящих детенышей. Кормящие матери порой уплывают в море на полтораста километров в погоне за рыбой. Вернувшись, каждая самка безошибочно находит в скопище детенышей своего отпрыска. Секачи, однако, продолжают нести стражу на берегу большую часть лета. Полтора месяца, пока длится лежбищный сезон, они не едят и не пьют.

В конце лета гаремы начинают распадаться. Самки перестают кормить детенышей молоком, и молодые котики следуют за ними в море, где быстро выучиваются самостоятельно ловить рыбу. Секачи также уходят в море, и к началу ноябрьских штормов прибыловские пляжи совсем пустеют и остаются пустынными до следующей весны.

Взрослые самцы иногда всю зиму проводят в открытых водах северной части Тихого океана, но самки и молодые котики отправляются дальше на юг, вплоть до прибрежных вод Калифорнии.

Лежбища северного морского котика стали известны только в 1786 году, когда Гавриил Прибылов, штурман русского военного флота, открыл острова, названные затем его именем. Популяция котиков в ту эпоху там, вероятно, достигала четырех-пяти миллионов, и вскоре на острова Прибылова обрушились орды котиколовов. К 1834 году, то есть за полвека после их открытия, на них было добыто два миллиона шкур. Стада заметно уменьшились, и русские ввели ограничения на береговую охоту — строжайше запрещалось убивать маток. В результате за следующие 30 лет было добыто только 600 тысяч шкур. В 1867 году, когда Соединенные Штаты вместе с Аляской получили и острова Прибылова, на их лежбищах все еще собиралось каждый год около трех миллионов котиков.

Но котиколовы из Соединенных Штатов принялись истреблять их с еще небывалым рвением. Правительство продало право охоты на берегу частным фирмам, которые в общей сложности добывали по 100 тысяч шкур в год вплоть до 1890 года. Одновременно котиколовы разных стран выслеживали котиков в открытом океане. В 1892 году на севере Тихого океана этим промыслом занималось около 120 судов.

При охоте в море не соблюдалось никаких ограничений, и в результате было истреблено множество беременных и кормящих самок. На пляжах умирали от голода тысячи осиротевших детенышей. Не выдерживая такого натиска на суше и на море, стада год от года стремительно уменьшались. К 1910 году на пляжах островов Прибылова собирались весной вместо прежних миллионов всего 130 тысяч котиков. Только принятие каких-то действенных мер могло предотвратить полное вымирание северного морского котика.

Спасение пришло к нему в 1911 году вместе с тем же Международным договором, который запрещал охоту на каланов. Охота на котиков в открытом море была запрещена, а все лежбища на пять лет объявлены заповедными, чтобы дать котикам передышку для восстановления их численности. По истечении этого срока каждой стране, владеющей лежбищами, предоставлялось право оберегать стада и регулировать охоту на собственных островах.

В результате этих мер численность северных морских котиков на островах Прибылова возросла до полутора миллионов — цифра, которую специалисты по котикам считают оптимальной для тамошних лежбищ. Каждый год Департамент промыслового рыболовства получает с этих островов от 60 до 100 тысяч шкур трех-четырехлетних «холостяков». России принадлежат два лежбища поменьше с общим числом животных около 200 тысяч *. Одно из русских стад размножается на Командорских островах, а другое — на крохотном Тюленьем острове в Охотском море. Канада и Япония, также подписавшие договор о котиках, каждый год получают оговоренный процент американских и русских котиков. Если такой контроль сохранится и дальше, будущее северного морского котика можно считать обеспеченным.

Северный морской слон (Mirounga angustrirostris)

Турист, отправившийся на остров Гуадалупе у берегов Мексики, почти наверняка сможет полюбоваться стадом огромных тюленей, мирно дремлющих на песчаном берегу. Их жесткие шкуры покрыты лохмотьями лупящейся кожи, и у каждого самца над пастью, словно пустой кожаный мешок, свисает дряблый «хобот». Чтобы поверить, какими большими они бывают, их надо увидеть собственны-

* В настоящее время численность котиков в Советском Союзе достигла 400 тысяч.— *Прим. ред.*

ми глазами. Крупные экземпляры достигают в длину 4,5—4,8 метра, рекордная же их длина приближается к 6,5 метра, а их вес нередко превышает три тонны.

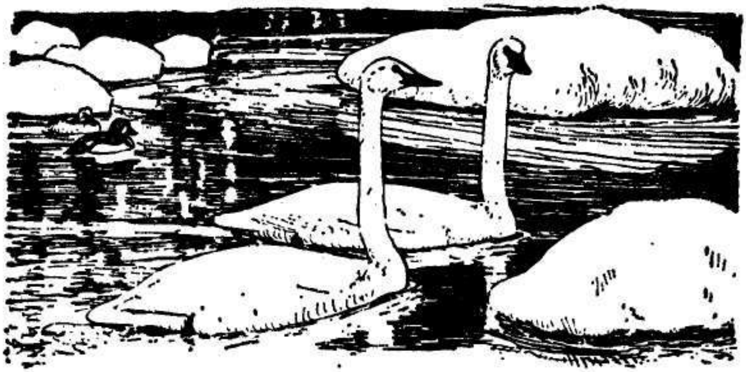
Полтора века назад тысячи морских слонов плавали в прибрежных водах Калифорнии. Каждую весну они выбирались на пляжи островков Ченнел у берегов Южной Калифорнии, чтобы дремать там, спариваться и рождать сорокакилограммовых детенышей. Они ревели, дрались, нежились на солнце, а затем возвращались в море искать рыб, кальмаров и другие морские лакомства.

Русские промышленники, исследуя воды к югу от Аляски, открыли морских слонов и обнаружили, что это легкая добыча. А за ними в этом убедились и испанцы, и предприимчивые английские моряки, а также американцы. Китобои всех стран тоже заходили на эти островки, чтобы охотиться на огромных тюленей. Ворвань, полученная из их жира, считалась даже лучше кашалотовой, а один самец давал до 1500 литров такой ворвани. В результате интенсивной эксплуатации северный морской слон к концу XIX века почти совершенно исчез.

В 1892 году на остров Гуадалупе, последнее прибежище северного морского слона, прибыла группа американских ученых. Они обнаружили там девять животных и незамедлительно убили семерых из них — пусть хотя бы музеи будут обеспечены изученными и этикетированными экземплярами. В течение следующих пятнадцати лет северный морской слон считался вымершим, правда еще не официально.

Однако в 1907 году Ротшильдовская научная экспедиция, посетившая Гуадалупе, к великому своему изумлению, обнаружила на пляже сорок морских слонов. Четырнадцать из них были тотчас убиты — опять-таки для музеев. Четыре года спустя следующая научная экспедиция обнаружила там стадо голов в полтораста. В том же году мексиканское правительство полностью запретило охоту на морских слонов. С тех пор число их продолжает медленно, но неуклонно увеличиваться.

К настоящему времени популяция северного морского слона достигла более 10 тысяч животных. Растущие стада вновь занимают некоторые из прежних своих лежбищ, включая острова Ченнел, а также остров Саут-Коронадо всего в 34 километрах от города Сан-Диего в штате Калифорния.



Лебедь-трубач (Olor buccinator)

Крупнейшая из водоплавающих птиц мира, лебедь-трубач, весит более двенадцати килограммов и взмывает к небу на крыльях, размах которых превышает два метра. У него глянцевито-белое оперение и клюв глубокого черного цвета. Его громкий низкий крик напоминает торжественные звуки валторны.

В эпоху первых поселенцев лебедь-трубач был распространен почти повсюду во внутренних областях континента. Каждую весну он улетал на север, к местам своих гнездовий, и каждую осень возвращался к удобным зимовьям в долинах рек Огайо и Миссисипи, а также в Скалистые горы. По мере того как места обитания этих лебедей все больше заселялись, их число соответственно шло на убыль. Большая белая птица была соблазнительной мишенью, тем более что такая добыча обещала приятное дополнение к надоевшей оленине, говядине или жаркому из бизона. Их маховые перья были очень удобны для письма, а нежный пух шел на изготовление лучших перин, подушек и пуховок для пудры.

Между 1853 и 1877 годами только Компания Гудзонова залива продала свыше 17 тысяч лебединых шкурок. Добавьте еще птиц, убитых другими профессиональными охотниками, а также любителями, и вы получите примерное представление, какое огромное количество лебедей было истреблено за эти годы. Среди них было немало американских лебедей *(Cygnus columbianus)*, принадлежащих к не столь крупному и более многочисленному виду. Но трубачи ценились особенно высоко.

К началу XX века трубачи исчезли в Соединенных Штатах почти повсюду. Этот вид, казалось, был обречен, как с грустью указывал известный орнитолог Хоу Форбуш: «Лебедь-трубач не выдержал непрерывного преследования по всему своему ареалу, и через несколько лет мы станем свидетелями его окончательного исчезновения».

Договор об охране перелетных птиц 1918 года впервые поставил под защиту закона и американского лебедя, и трубача, но браконьеры продолжали охотиться на них. К 1930 году вся популяция лебедя-трубача в Соединенных Штатах сосредоточивалась в районе Йеллоустона в штате Вайоминг и в прилегающем районе озер Ред-Рок на юго-западе Монтаны. Там во многих местах бьют горячие ключи, и образованные ими озерца не замерзают даже в самые суровые зимы.

В 1933 году в этой области было убито не менее 17 трубачей, а в следующем году к югу от канадской границы было зарегистрировано всего 73 птицы. Но тут на сцену выступил новый энергичный глава Биологической службы США Дж. Н. (Динг) Дарлинг, известный политический карикатурист и убежденный сторонник охраны природы. Во многом благодаря его настойчивости в районе озер Ред-Рок, где обитали лебеди-трубачи, в 1935 году был создан национальный заказник площадью около 16 тысяч гектаров. Впервые за всю историю гнездовья лебедей были взяты под строгую охрану.

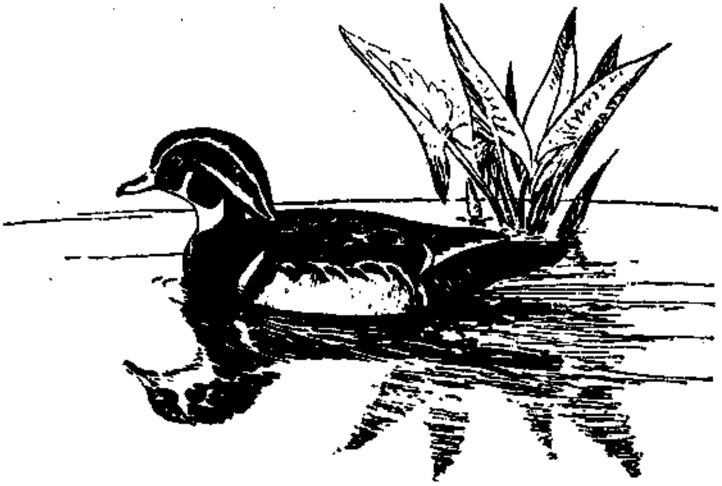
На трубачей это оказало столь благотворное влияние, что в 1958 году к югу от Канады было зарегистрировано 735 этих белоснежных красавцев, причем 310 из них — в заказнике. Это число полностью исчерпывает возможности озер Ред-Рок, так как каждой паре трубачей требуется обширный гнездовой участок. Как же увеличить их численность? Для этого был начат отлов лебедей на озерах Ред-Рок и переселение их в другие охраняемые участки.

Отлов обычно производился в конце лета в период линьки, когда лебеди теряют маховые перья и некоторое время не могут летать. На новых местах им подрезали крылья и зиму держали в вольерах, а весной выпускали. Если все шло, как предполагалось, они привыкали к новому месту, оставались там и выводили птенцов.

Таким способом лебеди-трубачи были водворены во многие заповедные участки, подходящие для их обитания, в том числе в Малур (Орегон), Национальный заказник Вапити (Вайоминг), Руби-Лейк (Невада), Тернбул (Ва-

шингтон) и Лекрик (Южная Дакота). Повсюду там они вывели птенцов. Кроме того, пары лебедей были разосланы примерно в 50 зоопарков. Они построили гнезда и успешно вывели птенцов в Филадельфийском зоопарке и в городском парке в Грейт-Бенде (Канзас).

В настоящее время лебедю-трубачу опасность вымирания, по-видимому, не грозит и число этих птиц продолжает увеличиваться. При подсчете с воздуха осенью 1968 года были зарегистрированы 799 диких лебедей-трубачей в восьми штатах к югу от Канады и 2842 птицы на Аляске. По оценке специалистов, общая их численность, считая и канадских птиц, достигает четырех-пяти тысяч.



Каролинская утка (Aix sponsa)

Многие считают, что среди водоплавающих птиц нет никого красивей селезня каролинской утки. Его увенчанная хохолком голова и спина отливают темно-зелеными, синими и лиловыми тонами и расчерчены белыми полосками. Грудь у него глубокого винного цвета, а глаза — как два маленьких рубина. Его подруга носит изящный, но скромный наряд — серо-коричневый с белым.

Еще сто лет назад каролинские утки были широко распространены почти по всей умеренной зоне Северной Америки. Охотились на этих птиц весьма усердно, так как мясо их нежно и вкусно, а перья — идеальный материал

для изготовления искусственной приманки, на которую хорошо идет форель, а также для отделки шляпок и тому подобного. Чучело селезня украшало викторианские гостиные. В те дни каких-либо эффективных ограничений охоты на водоплавающую птицу не существовало, и красивую уточку стреляли круглый год.

Однако охота была лишь одним из неблагоприятных факторов, приводивших к уменьшению численности каролинских уток. Этот вид гнездится в дуплах, и повсеместная вырубка лесов и расчистка земли под пашню в сочетании с интенсивным осушением болот приводили к уничтожению значительной части ее излюбленных мест обитания. В первом десятилетии XX века каролинская утка повсюду исчезала с роковой быстротой.

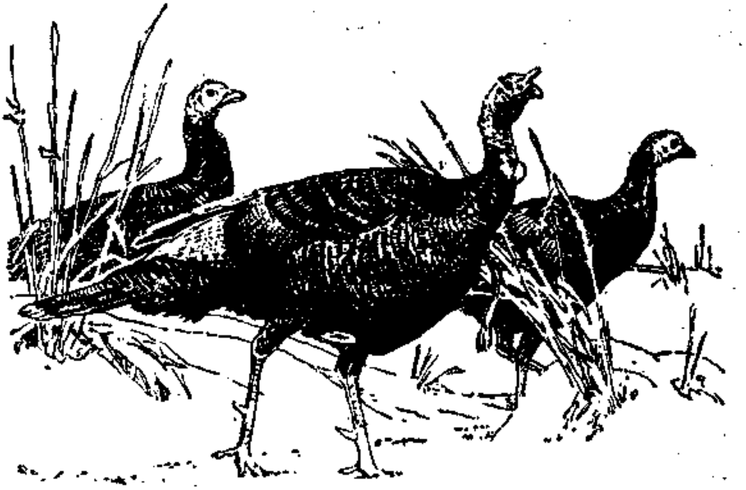
Чтобы спасти ее, Бюро биологической службы в 1901 году призвало установить для этого вида сезоны запрещения охоты. Ряд штатов откликнулся на этот призыв, но общий для всей страны закон об охране каролинской утки появился лишь в 1916 году, когда Соединенные Штаты и Великобритания заключили соглашение, регулирующее охоту на всех перелетных водоплавающих птиц. Оба правительства полностью запретили всякую охоту на каролинскую утку в 1918 году, и запрет этот сохранялся вплоть до 1941 года, когда был открыт ограниченный осенний охотничий сезон, так как охрана дала свои плоды и число уток резко пошло вверх.

В настоящее время каролинская утка вновь стала обычной птицей во многих районах страны, но ей по-прежнему требуется наша всемерная помощь. Так, многие энтузиасты изготавливают и устанавливают дуплянки, чтобы каролинские утки могли жить и гнездиться в тех местностях, где естественных дупел уже не хватает.

Дикая индейка (Meleagris gallopavo)

Когда конкистадоры Кортеса в 1521 году захватили столицу ацтеков, они, в частности, увидели стаи индеек, которых местные жители держали как домашнюю птицу. О том же сообщали и солдаты Коронадо, которые несколько лет спустя проникли на юго-запад Северной Америки. По их словам, индейцы пуэбло держали «петухов с болтающейся бородой».

Вместе с другими сокровищами конкистадоры отправили в Испанию и несколько этих одомашненных птиц.



Там они настолько понравились, что лет через полтораста их уже разводили в большинстве европейских стран. Их происхождение было известно далеко не повсюду, и в Англии, например, считалось, будто родина индеек находится где-то в пределах Турецкой империи, что и отразилось в английском названии этой птицы — *turkey* (турецкая).

Первые английские поселенцы в Америке привезли туда с собой и домашних индеек, не подозревая, что там в изобилии водятся их дикие собратья. «Отцы-пилигримы» нашли на берегах Массачусетского залива «множество диких индеек», и, согласно легенде, украшением пиршества в первый День благодарения были жареные индейки, отчего в Соединенных Штатах и по сей день сохраняется обычай отмечать День благодарения именно этим традиционным блюдом. В первые трудные годы существования массачусетской колонии дикие индейки служили большим подспорьем для переселенцев; редкий охотник не возвращался из леса с одной-двумя птицами.

Некоторое представление и об изобилии диких индеек, и о стремительном сокращении их численности дает следующий отрывок из воспоминаний человека, путешествовавшего по Новой Англии в 1674 году: «Доводилось мне видеть, как поутру шесть десятков индюшачьих выводков грелось на солнышке у болота. Но это было тридцать лет назад, а с тех пор англичане и индейцы совсем повывели

эту птицу и встретить в лесу дикую индейку — большая редкость». Хотя эта область только-только начала тогда заселяться, на северо-востоке страны дикая индейка была уже почти истреблена. Однако в других местах эта птица еще сохраняла прежнюю численность.

«По дремучему лесу проносится крик этих часовых стан,— писал в 1770 году натуралист Уильям Бартрем после путешествия по Флориде.— Одна за другой птицы подхватывают этот сигнал, напоминающий крик домашнего петуха, и передают его на сотни миль вокруг...»

В ту эпоху ареал диких индеек охватывал значительную часть континента — от Новой Англии, Мичигана и Колорадо на севере до Флориды, южной Мексики и Аризоны на юге. Среди тогдашних птиц не редкостью были великолепные экземпляры; петухи, если верить свидетельствам современников, часто весили больше 20 килограммов. Основным кормом диким индейкам служили желуди, каштаны и буковые орешки, однако к ним в зоб попадали также клубни, луковицы, личинки и семена. В поисках корма индейки проходили много километров. Эти осторожные и ловкие птицы устраивались на ночлег высоко на дереве, а по земле они бегали хотя и не очень быстро, но все-таки чуть быстрее, чем человек.

«Я жалею, что символом нашей страны был выбран белоголовый орлан,— вздыхал Бенджамин Франклин.— Ведь индейка в сравнении с ним куда более почтенная птица... это доблестная птица». Возможно, такое предубеждение против орлана несправедливо, но история достаточно почтила их обоих. Если орлан остается нашей национальной эмблемой, то жареная индейка украшает стол в День благодарения.

Под безжалостной пятой цивилизации дикая индейка вскоре начала исчезать во многих местностях как в результате интенсивной охоты, так и потому, что вырубка леса лишала ее и приюта и корма. Если в 1730 году дикая индейка была настолько обычной птицей, что ощипанных и выпотрошенных птиц продавали в Массачусетсе по полтора цента за фунт, то сто лет спустя ее там уже нельзя было достать ни за какие деньги, потому что на северо-востоке страны она исчезла почти совсем. Коннектикут потерял свою последнюю дикую индейку в 1813 году, а Массачусетс — в 1851.

К 1920 году этот вид полностью исчез в восемнадцати штатах, то есть в трех четвертях прежнего ареала. Этому

способствовало и заболевание каштанов, лишившее индеек их основного корма.

Тогда судьба индейки начала привлекать внимание специалистов по охране природы, и одним из первых к разрешению этой проблемы приступил пенсильванский департамент. Дикие индейки, выращенные в государственных хозяйствах, выпускались в подходящих для их обитания местностях, но они были слишком ручными и недостаточно закаленными, чтобы зимовать в естественных условиях. Тогда пенсильванские лесничие предприняли следующий эксперимент — полудомашние самки с подрезанными крыльями помещались в проволочных вольерах в горных лесах, где еще сохранились дикие индейки. Дикие петухи перелетали через ограждение и спаривались с обитательницами вольер, обеспечивая более жизнестойкое потомство. Так постепенно уничтожалась изнеженность, вызванная одомашниванием.

Однако наилучшие результаты дает следующий метод: с помощью сетей, снабженных пороховыми ракетами, накрываются целые стаи диких индеек, подманенных на корм. Пойманных птиц перевозят в подходящие новые места, и там выпускают. Этот метод применяется теперь почти по всему прежнему ареалу диких индеек, и таким образом удается поселить птиц даже там, где прежде они никогда не водились.

В настоящее время в горах Пенсильвании бродит около 40 тысяч диких индеек. Многие птицы перебрались и в штат Нью-Йорк, где, кроме того, выпускаются и свои дикие индейки. Коннектикут и Массачусетс также возродили свои стаи. Совсем недавно двенадцать птиц были выпущены в охраняемом лесу под Плимутом, где когда-то высадились «отцы-пилигримы». Та же программа проводится по всей стране от Новой Англии до Аризоны и штата Вашингтон. Окруженные такой заботой, индейки быстро увеличиваются в числе.

Белые цапли и спрос на перья

В первые годы XX века дамские шляпы было чрезвычайно модно украшать перьями. И речь шла отнюдь не об одном-двух перышках, нет, на шляпах сплошь да рядом красовалась целая птица, которая, пожалуй, вносила заметную диспропорцию в фигуру модницы, если была достаточно крупной.

Центрами шляпной промышленности были в те дни Лондон, Париж и Нью-Йорк; в эти города поступали миллионы птичьих шкурок — цапель, попугаев, колибри, райских птиц и еще многих и многих других. Любая птица с пышным оперением была желанной добычей. Всего за один сезон в 1892 году один-единственный «торговец перьями» из Джексонвилла во Флориде отправил в Нью-Йорк 130 тысяч птичьих шкурок. В том же году не меньшие партии этого модного товара поступили на мировой рынок из других областей Северной Америки, а также из Южной Америки, из Африки, Азии, Австралии и с Новой Гвинеи. Торговля перьями была очень обширна, хорошо организована и привлекала значительные капиталы.

Главными ее жертвами в Северной Америке были снежная цапля (*Leucophoyx thula*) и большая белая цапля (*Casmerodius albus*) — очень красивые птицы, одно время широко распространенные там повсюду. Эти два вида селились колониями, невысокие деревья в болотах Юга бывали усеяны сотнями гнезд. Брачный наряд этих птиц включает особые хохлы, так называемые эгретки, которые особенно ценились модницами. Охотники за перьями, найдя гнездовую колонию, совершенно разоряли ее за день-два. Взрослых птиц они убивали и забирали с собой,

а яйца и птенцов оставляли на произвол судьбы. Естественно, что популяция белых цапель катастрофически уменьшалась.

На рубеже XX века белые цапли почти совсем исчезли во Флориде — главном месте их обитания в Соединенных Штатах. В других южных штатах положение было таким же, за исключением Луизианы, где довольно большая стая белых цапель еще гнездилась в относительной безопасности в частном заказнике Эйвери-Айленд, который содержал на свои средства богатый любитель природы Э. Макиленни. Он и горстка его единомышленников делали все, что было в их силах, чтобы сохранить цапель.

Эту борьбу возглавляли Одюбоновские клубы, с 1885 года возникавшие по всей стране. Первого крупного успеха они добились в 1901 году, когда во Флориде был введен закон, охраняющий неохотничьих птиц, и в том числе все виды, перья которых особенно ценились. В следующем году клубы утвердили свои позиции, объединившись в Национальную ассоциацию одюбоновских обществ, первым председателем которой стал Уильям Датчер, энергичный борец за сохранение дикой природы.

Вмешательство Одюбоновских клубов было более чем своевременным; в 1903 году по всей Флориде удалось обнаружить только восемнадцать белых цапель — в гнездовье Катберт в болотах Эверглейдс.

Одюбоновское общество немедленно наняло четырех служащих для охраны гнездовий в этом штате. Территория одного из них, молодого Гая Брэдли, в частности, включала прибрежные островки Лоуэр-Кис.

Восьмого июля 1905 года Брэдли услышал выстрелы на Ойстер-Ки — острове, ближайшем к его дому. Он отправился на лодке посмотреть, в чем дело,— и больше никто не видел Брэдли живым, кроме убивших его браконьеров, которые не понесли никакого наказания, так как юридически веских улик против них найти не удалось. Но убийцы были известны, и постепенно их собутыльники узнали, что произошло. Брэдли подъехал к стоявшей на якоре шхуне браконьеров в ту минуту, когда двое из них возвращались на нее в шлюпке, нагруженной убитыми птицами. Брэдли попытался их арестовать, но его застрелил третий браконьер с палубы шхуны. Трое негодяев поспешили поднять якорь и убраться прочь, а тело Брэдли с пробитым пулей затылком было найдено только несколько часов спустя в его дрейфующей шлюпке.

«У каждого благородного начинания бывают свои мученики...— объявил Уильям Датчер, когда узнал о его гибели,— и Гай Брэдли — первый мученик дела охраны птиц».

Это убийство вызвало в стране всеобщее негодование против охотников за перьями, которое еще более усилилось в 1908 году, когда второй одюбоновский служащий был убит при попытке защитить гнездовье в Южной Каролине. Общественное возмущение и порожденная им широкая кампания в печати, начатая Национальной ассоциацией одюбоновских обществ, помогли в 1910 году провести в нью-йоркском законодательном собрании «Одюбоновский билль о перьях». Этот закон запрещал какую бы то ни было торговлю перьями в пределах штата, включая и Нью-Йорк — американский центр производства дамских шляп. В 1913 году был введен федеральный закон, запрещавший ввоз перьев диких птиц в Соединенные Штаты. После этого один штат за другим последовали примеру Нью-Йорка, вводя запрет на торговлю перьями. И битва была выиграна.

Восстановление чуть ли не полностью истребленной популяции белых цапель в Соединенных Штатах было почти чудом. Но теперь в период гнездового сезона их можно встретить повсюду на юге и большей части востока страны, а во время перелетов и по всем Соединенным Штатам.

Глава 5

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

> Охрана природы обеспечивает
> гармонию между человеком и землей.
> «Земля» тут означает совокупность всего,
> что есть на ней, над ней и в ней.
> Гармоничные отношения с землей подобны
> гармоничным отношениям с другом: нельзя ласково
> поглаживать его правую руку и одновременно рубить
> топором левую. Иными словами, нельзя любить дичь
> и одновременно ненавидеть хищников, нельзя
> беречь воду и одновременно оголять горы,
> нельзя восстанавливать лес и одновременно
> истощать пашню. Земля — единый организм.
>
> *Олдо Леопольд*

В начале 20-х годов нашего века активные сторонники сохранения природы уже могли с законной гордостью ука-

вать на достижения последних двух десятилетий. Худшие эксцессы промысловой охоты были в какой-то мере взяты под контроль, а добыча перьев запрещена вовсе. Международный договор обеспечивал охрану котиков, а также водоплавающих и других перелетных птиц. Некоторые виды крупных животных под защитой более строгих законов об охоте тоже начали почти чудом восстанавливать свою численность.

Примером этому могли служить олени: на рубеже веков их численность упала до наиболее низкого уровня, а во многих областях они были и вовсе истреблены, но их охрана дала немедленные результаты — поголовье оленей восстанавливалось почти повсеместно в пределах прежнего ареала. И уже казалось, что любому виду для нормального существования требуется только защита закона и правильное регулирование охоты, а также уменьшение количества опасных для него хищников. Во всяком случае так полагали очень многие.

Однако кое-какие темные тучки омрачали горизонт, бросая тень сомнения на эту простенькую философию. Наука о сохранении диких животных была еще в пеленках, и многие факторы, определяющие состояние диких популяций, либо были неизвестны, либо ими пренебрегали. Но практика доказала, что наиболее очевидный путь не всегда бывает самым верным. Об этом, например, свидетельствует история оленей, обитавших на плато Кайбаб.

В 1906 году президент Рузвельт объявил Национальным охотничьим резерватом Кайбабское плато — засушливое плоскогорье площадью примерно в 400 тысяч гектаров у северной границы Большого каньона на севере Аризоны. Сделано это было главным образом для того, чтобы сохранить трехтысячное стадо чернохвостых оленей, обитавших в этом районе. Сразу же была начата энергичная кампания по истреблению хищников, и к 1920 году на Кайбабском плато было уже убито в общей сложности 674 пумы, 120 рыжих рысей, 11 волков (эти хищники были практически истреблены уже давно) и около 3000 койотов. Олени, не тревожимые ни двуногими, ни четвероногими охотниками, начали стремительно размножаться, и к 1924 году их число достигло 30 тысяч, а по мнению местных жителей, так и целых 100 тысяч. Но каким бы ни было это число, в любом случае оленей оказалось намного больше, чем могло прокормить Кайбабское плато, особенно в тяжелые зимы. От постоянного недоедания олени слабели. Начались эпи-

зоотии, и в течение нескольких зим животные гибли тысячами.

Излишняя плотность популяции имела и другое вредное последствие: голодающие олени уничтожили на плато всю съедобную растительность. «У плоскогорья был такой вид, словно его опустошила саранча,— писал один очевидец.— И оно лежало... изуродованное, серое, объеденное и умирающее».

Несмотря на это наглядное доказательство, «любители животных» по-прежнему протестовали против всякой попытки контролировать рост численности оленей с помощью выборочной охоты. И что еще хуже, официальная политика истребления хищников продолжалась.

Однако были люди, понимавшие пороки подобной программы, и они упорно боролись за более научный подход к разрешению проблемы. Среди них особенно выделялись Гриннел и Шелдон, члены Клуба Буна и Крокетта. И еще Олдо Леопольд, помощник окружного лесничего в Альбукерке в штате Нью-Мексико. Его уже давно интересовало сложное взаимодействие факторов, влияющих на популяции диких животных, и он наблюдал судьбу кайбабских оленей непосредственно на месте. В 1925 году он изложил некоторые свои теории в статье «Новое в управлении крупной дичью», которая появилась в Бюллетене Американской ассоциации защиты дичи. «Мы убедились, что для успешного сохранения промысловой дичи ей нужно обеспечить возможность активного размножения, а не пассивную охрану...— отмечал он.— Короче говоря, мы убедились, что дичь — это своего рода урожай, который Природа взрастит, и взрастит обильно при условии, что мы обеспечим семена и подходящую среду».

Леопольд понял, что решающим моментом в ситуации была именно «подходящая среда». Все, что нарушало экологическое равновесие в данной местности, одновременно оказывало воздействие (полезное или вредное) на обитающих в ней различных диких животных. И в тех случаях, когда происходил избыточный рост популяции, это неизменно вело к беде.

В 1929 году Висконсинский университет пригласил Леопольда прочесть курс лекций об охране дичи. Четыре года спустя вышла его книга «Управление дичью», которая и по сей день признается основополагающим трудом охотоведения. В 1934 году Леопольд стал первым в Висконсинском университете — и во всей стране — профессором,

читающим подобный курс. С тех пор теории Леопольда получили широкое признание, и в наши дни его называют отцом «современных методов охотоведения».

К настоящему времени с помощью методов, рекомендованных Олдо Леопольдом, популяция чернохвостых оленей на Кайбабском плато постепенно была приведена в соответствие с имеющимися запасами корма.

Кризис земли и воды в 30-х годах

В конце 20-х годов специалистам по охране природы пришлось столкнуться с целым рядом проблем, помимо тех, которые создал избыток чернохвостых оленей на Кайбабском плато. Так, численность водоплавающих птиц в стране без видимых причин стала резко сокращаться. В начале 20-х годов утки и гуси начали было размножаться весьма многообещающе. Договор об охране перелетных птиц защищал их в течение решающего брачного сезона и регулировал отстрел во время осенней охоты. И все-таки к концу 20-х и началу 30-х годов последовал крутой спад. Почему? Казалось, вновь возникла та же проблема, что и с кайбабскими оленями, только наоборот.

Однако обнаружить причины уменьшения численности водоплавающих птиц оказалось вовсе нетрудно. Ежегодно мелиоративные работы в северных штатах и в Канаде отнимали у них все новые и новые участки их гнездовых территорий, превращая их родные болота в луга и пахотные земли. Каждый год оросительные каналы забирали все больше и больше воды из западных рек, так что птичьи озерца и болота пересыхали. Именно так были погублены в штате Юта болота реки Бэр, некогда самые богатые водоплавающими птицами на всем континенте.

Недостаток жизненного пространства скоро начал сказываться на утках и гусях; возникала скученность, а это приводило к развитию эпизоотических заболеваний. Год за годом миллионы птиц гибли в загнивающих болотах реки Бэр; они становились жертвами ботулизма, смертельной болезни, вызываемой анаэробными бактериями, которые заражают только загрязненную или бедную кислородом воду.

Признав, что эти болота превратились в смертоносную ловушку для водоплавающих птиц, федеральное правительство в 1928 году объявило весь их район заказником и приняло срочные меры по строительству водохранили-

ща, чтобы болота вновь стали пригодными для обитания уток и гусей. А весной конгресс утвердил закон об охране перелетных птиц, выделявший, в частности, средства на приобретение по всей стране болотистых участков как убежищ для водоплавающих и других перелетных птиц. Это были шаги в правильном направлении.

Но осенью 1929 года произошел мировой экономический кризис, повлекший за собой долгие годы тяжелейшей депрессии. Экономика страны расползалась по швам, и правительству было не до убежищ для птиц. Теперь речь шла о людях, которые нуждались во всем — в работе, в уверенности, в надежде.

Депрессия сковала страну, как хроническая болезнь. Но этим беды еще не исчерпывались; теперь природа в свою очередь сыграла жестокую шутку с людьми. В 1931 году в прериях и на равнинах дождя выпало гораздо меньше обычного. Так началась великая засуха, которая длилась четыре долгих года. Горели на корню хлеба, верхний плодороднейший слой почвы превращался в пыль, и ее уносил ветер. Над миллионами гектаров кружили огромные пылевые смерчи. Из года в год эту почву вспахивали, траву на ней уничтожал пасущийся скот, и никто не заботился о ее сохранении. Прерии, былая житница страны, превращались в бесплодную пустыню.

В марте 1933 года в должность вступил тридцать второй президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт. Он сразу же начал проводить в жизнь множество программ, которые должны были положить конец депрессии, поддержать разоряющихся фермеров, а также помочь иссушенной, загубленной земле. «К 1934 году,— пишет историк Артур Шлезингер,— были наконец предприняты массовые национальные усилия, чтобы остановить эрозию, укрепить почву и очистить реки, то есть чтобы обеспечить физическую основу американской цивилизации».

К этому времени популяция водоплавающих птиц страны, страдавших сначала от мелиоративных работ, а затем от засухи, достигла самого низкого уровня за всю свою историю. Согласно наиболее оптимистическим оценкам, по всей Северной Америке сохранилось лишь 27 миллионов водоплавающих птиц всех видов, то есть меньше одной пятой популяции 1900 года.

Понимая серьезность положения, президент назначил особую «утиную комиссию», в которую вошли Олдо Лео-

польд, Динг Дарлинг и Томас Бек, издатель еженедельника «Кольерс уикли». Их задачей было изучить ситуацию и найти какой-нибудь выход. Очень скоро они пришли к тому же выводу, который уже был сделан в 1929 году: водоплавающей птице нужно больше болот, где она могла бы гнездиться, а также находить корм и отдыхать во время перелетов. Но на этот раз практические шаги для разрешения этой проблемы были предприняты немедленно.

Президент назначил Дарлинга начальником Бюро биологической службы, а Дарлинг поставил во главе отдела заказников своего помощника, молодого энтузиаста Кларка Сейльера, который видел цель своей жизни в том, чтобы спасать гибнущие виды диких животных. Он без устали колесил по всей стране в поисках местностей, подходящих для заказников. Много лет спустя он заметил: «Есть старинная квакерская поговорка, утверждающая, что для самых великих и благородных начинаний нужно только, чтобы это кого-то заботило. Ну, так нас всех это заботило».

Конгресс внес свою лепту, проведя в 1934 году закон о введении платных разрешений на охоту за водоплавающей дичью, с тем чтобы эти средства шли на устройство заказников. Вскоре в 32 новых заказниках, да и в большинстве прежних уже приступили к работе члены только что организованного Гражданского корпуса по охране лесов и мелиорации. Они строили подъездные дороги и административные здания, возводили плотины и дамбы, рыли каналы и рыбные пруды, сооружали водохранилища. Они сажали деревья и травы, которые обеспечивали диких животных кормом — короче говоря, выполняли множество работ, жизненно важных для сохранения дикой природы, которыми тем не менее так долго пренебрегали. Этот корпус имел двоякое значение: давал работу голодающим безработным и помогал сохранять природные богатства страны.

Еще раз государство оказало помощь водоплавающей птице в 1937 году, когда договор об охране перелетных птиц был заключен и с Мексикой. В том же году конгресс провел закон Питтмена Робертсона, вводивший налог на продажу охотничьего снаряжения. С тех пор доход от этого налога распределяется между штатами, Департаментом охотничьих резерватов и заказниками и используется для улучшения последних.

Новые организации по охране природы

Под руководством Дарлинга Бюро биологической службы непрерывно разрабатывало все новые идеи и проекты. Так, была создана Программа сотрудничества в изучении дикой природы, координировавшая научную работу в этой области, которую вели разные высшие учебные заведения. В ряде колледжей и университетов в те дни вводились курсы по охране природы и охотоведению. Наука о природных богатствах и их сохранении наконец-то приобретала права гражданства.

«За одно десятилетие охрана природы превратилась в профессию сотен молодых специалистов,— указывал несколько лет спустя Олдо Леопольд.— Многие из них были плохо подготовлены, большинству ставило рогатки бюрократическое начальство, но почти все они были беззаветно преданы своему делу».

Одновременно с развитием науки об охране природы возникло множество соответствующих новых организаций, которые часто носили сходные названия, что приводило к большой путанице. В 1934 году было организовано Общество защиты дикой природы, указавшее в своей программе, что «дикая природа является ценнейшим естественным богатством, принадлежащим народу, и ее сохранение ради образовательных, научных и развлекательных целей представляет существенную часть программы сохранения природного равновесия, имеющей жизненно важное значение для нашей цивилизации...». В 1935 году начал свою деятельность Американский институт Охраны природы, который к настоящему времени преобразовался в весьма уважаемый и влиятельный Институт охраны дикой природы и охотоведения. В том же 1935 году появилось общество «Утки — неограниченно», которое посвятило себя сохранению и восстановлению гнездовий водоплавающей дичи. К настоящему времени оно приобрело и успешно сохранило более 400 тысяч гектаров птичьих болот, по большей части в Канаде.

В следующем 1936 году возникла Национальная федерация охраны дикой природы — детище первой Североамериканской конференции по охране природы, созванной в Вашингтоне по инициативе Динга Дарлинга. В настоящее время эти конференции происходят ежегодно, и Федерация принадлежит к крупнейшим в мире организациям такого рода.

В 1937 году было организовано Общество охраны дикой природы, в которое входят профессиональные лесничие, охотоведы и деятели охраны природы. Оно выпускает свой журнал «Джорнел оф Уайдлайф менеджмент», который с самого начала стал ценнейшим пособием по методам и результатам научно-исследовательской работы в области охраны и использования охотничьих животных.

Благодаря деятельности всех этих организаций и обществ за последнюю четверть века было собрано большое количество важнейших практических сведений. Было выявлено множество взаимозависимых факторов, которые воздействуют на дикую природу и нередко оказываются совершенно различными для разных видов животных и разных типов местности. В настоящее время эти сведения и новые методы по всей стране приходят на помощь животным, которым угрожает опасность. Однако для некоторых видов помощь, возможно, пришла слишком поздно.

Глава 6

НА ГРАНИ

И солнца свет, и ветер — не для них.
Их нет в лесах, нет в дали голубой.
Их время погребло в песках своих —
Сражавшихся и проигравших бой.

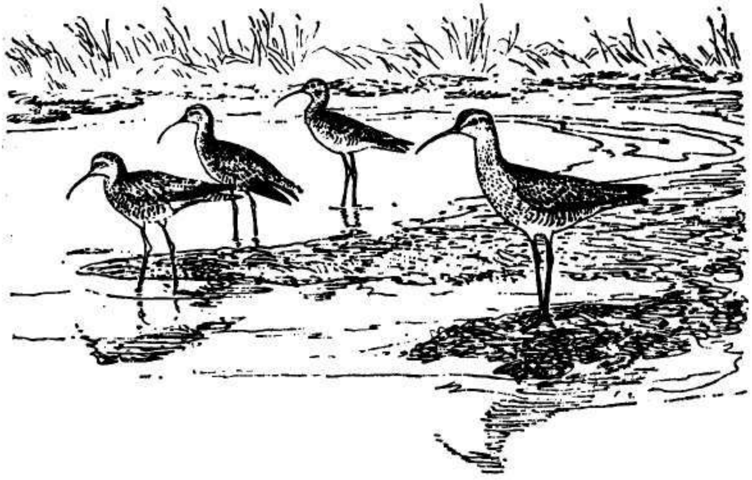
А. Кьюлик

Полвека назад по меньшей мере пять видов диких американских животных, сохраняющихся и теперь, находились уже на грани вымирания. Это эскимосский кроншнеп, белоклювый дятел, черноногий хорек, калифорнийский кондор и американский белый журавль. В настоящее время численность всех живущих представителей этих видов, взятых вместе, возможно, не превышает и трехсот особей. Все они по-прежнему на волоске от гибели, и не исключено, что мы уже опоздали и никакие самые решительные меры не смогут их спасти.

На стене обезьянника в Нью-йоркском зоопарке висит зеркало, снабженное следующей надписью, которую посетитель читает, посмотрев на себя:

«Вы смотрите на самое опасное животное в мире. Только оно за все время существования Земли было способно истреблять — и истребляло! — целые виды».

Как это верно! Но при этом человек отличается от всех прочих обитателей Земли тем, что он обладает особым высокоразвитым мозгом. Только он один может понять уроки прошлого и извлечь из них пользу — если захочет. А пока есть жизнь, есть и надежда.



Эскимосский кроншнеп (Numenius borealis)

Эскимосский кроншнеп — изящная коричневая птица из отряда куликов — еще сто лет назад ошеломлял своей многочисленностью. Гнездился он в тундре на северо-западе Канады, а каждую осень улетал на восток, на Лабрадор, откуда большими стаями отправлялся на юг вдоль восточного побережья и через открытое море в Южную Америку. Там он зимовал в аргентинской и чилийской пампе. Весной он возвращался на север в родные гнездовья уже другим путем — через Южную Америку и Мексиканский залив, и дальше через прерии Соединенных Штатов и Канады.

По пути огромные стаи кроншнепов опускались на только что вспаханные поля в поисках насекомых и становились добычей профессиональных охотников, которые нередко одним выстрелом из дробовика убивали десяток и больше птиц. Убитых кроншнепов отправляли целыми фургонами на рынки, где они нередко шли всего по шесть центов за штуку. С неменьшей жадностью на эскимосских

кроншнепов охотились и во время осеннего перелета, когда они были особенно жирными благодаря ягодной пище. Обитатели Новой Англии даже называли эскимосского кроншнепа «сдобной птичкой». Джон Джеймс Одюбон писал, что мясо эскимосского кроншнепа «нежно, сочно и обладает изысканным букетом».

К 1890 году эскимосский кроншнеп стал уже редкостью. Год за годом численность его сокращалась, и наконец в 1932 году на Лабрадоре была убита одна-единственная одиноко летевшая птица. Затем время от времени еще сообщалось о том, что где-то видели эскимосского кроншнепа. А потом в течение семи лет — ничего.

И вдруг в 1945 году поступило сообщение, что на острове Галвестон у побережья Техаса были замечены два эскимосских кроншнепа. Ошибка? Неизвестно. Во всяком случае прошло еще четырнадцать лет, а эскимосского кроншнепа никто нигде не видел. Казалось, этот вид вымер.

Однако в 1959 году группа опытных орнитологов наблюдала на острове Галвестон одного эскимосского кроншнепа. В 1960 году и в 1961 годах там опять была зарегистрирована одна птица. Зато на следующий год их появилось две. Численность известной популяции удвоилась.

В 1963 году во время весеннего перелета один эскимосский кроншнеп был замечен близ Рокпорта, тоже в Техасе. В ту же осень кулик, подстреленный во время осеннего перелета на острове Барбадос, был затем опознан как эскимосский кроншнеп; впервые с 1932 года представитель этого вида стал жертвой охотника. Был ли он последним? Дать ответ на этот вопрос может только время *.

Белоклювый дятел
(Campephilus principalis principalis)

Этот крупнейший из американских дятлов — удивительно красивая птица. И у самцов и у самок клюв белый с чуть желтоватым отливом, как слоновая кость, а оперение глянцевито-черное с большими белыми пятнами на крыльях. Самца украшает алый хохол. За белоклювого дятла иногда принимают более мелкого хохлатого дятла. Но у этого последнего белые пятна на крыльях значительно меньше, а клюв почти весь черный.

* В 1964 и 1965 годах отмечали единичных птиц в том же районе.— *Прим. ред.*

Некогда белоклювый дятел обитал в кипарисовых болотах и лесах южных штатов от Северной Каролины до востока Техаса. Основной его корм составляли насекомые-древоточцы, которых он отыскивал в коре старых засохших деревьев. Вот почему белоклювый дятел мог жить только в диких нерасчищенных лесах и каждой паре требовалась большая кормовая территория.

Белоклювый дятел с самого начала был довольно редкой птицей и, как писал Одюбон, особенно ценился охотниками «из-за своей красоты и пышного хохла, который вместе с верхней челюстью используется в боевом наряде большинства наших индейцев или же как украшение патронташей наших поселенцев и охотников».

Но роковой для белоклювого дятла оказалась систематическая вырубка и расчистка лесов, лишавшая его корма. К 1885 году белоклювый дятел совершенно исчез в северной части своего прежнего ареала. А через тридцать лет лишь отдельные птицы еще сохранялись кое-где в Южной Каролине, Луизиане и Флориде. В 1925 году многие орнитологи уже считали этот вид вымершим, но затем несколько экземпляров были зарегистрированы на севере Луизианы в Сингер-Трэк, а также в болотах реки Санти в Южной Каролине.

Когда белоклювый дятел оказался на грани вымирания, Национальное одюбоновское общество поручило Джеймсу

Тэннеру заняться подробным изучением биологии этой птицы в надежде, что полученные сведения помогут разработать меры, которые спасут вид. К тому времени сохранилось, по-видимому, не более 25 белоклювых дятлов: пять-шесть в Сингер-Трэке, где с 1935 по 1939 год вел свои наблюдения Тэннер, а большинство остальных — во Флориде. Во время второй мировой войны леса в Сингер-Трэке были вырублены, и белоклювые дятлы исчезли.

Флоридская популяция также сошла на нет после второй мировой войны, и начиная с 1950 года никаких надежных сообщений о белоклювых дятлах оттуда не поступало, так что почти все считали этот вид вымершим. Однако, по слухам, этих птиц еще иногда видели, а в 1961 и 1962 годах пришли более или менее достоверные сообщения о нескольких белоклювых дятлах, которые были замечены на востоке Техаса. В 1966 году сначала Всемирный фонд охраны дикой природы, а затем Бюро спортивной охоты и рыболовства поручили Джону Деннису, профессиональному орнитологу и специалисту по дятлам, обследовать возможные места обитания белоклювого дятла, чтобы установить, действительно ли эти птицы еще сохранились. Обследовав леса на востоке Техаса зимой 1966/67 года, Деннис сообщил, что наблюдал минимум одного белоклювого дятла в долине реки Нечес и обнаружил признаки того, что в этой местности обитает их не менее пяти пар.

Многих орнитологов такие доказательства не убедили. У других они пробудили надежду, что уцелевшие леса Юга действительно еще прячут редких белоклювых дятлов.

Черноногий хорек (Mustela nigripes)

В 1851 году Джон Джеймс Одюбон и Джон Бахман, работавшие тогда над рисунками и текстом своего фундаментального труда «Живородящие четвероногие Северной Америки», были очень обрадованы, получив шкуру какого-то, похожего на хорька животного, убитого вблизи реки Платт неподалеку от Ларами в нынешнем штате Вайоминг. Они убедились, что это еще неизвестный вид, и первыми описали животное, которое стало затем называться черноногим хорьком.

Этот хорек, величиной примерно с норку, был кремово-желтого цвета, но лапы и кончик хвоста у него были черными, как и широкая «маска» вокруг глаз. Прошло еще 25 лет, прежде чем появилось новое сообщение об этом

зверьке. В 1896 году, когда маммолог Харт Мерриэм, глава Бюро биологической службы, начал подробное изучение куньих Северной Америки, в его распоряжении были четыре-пять шкурок черноногого хорька. По-видимому, в исторические времена он всегда встречался нечасто. В настоящее время он — одно из самых редких животных Северной Америки, если вообще не самое редкое.

Первоначально ареал этого хорька включал равнинные местности от северного Техаса и Нью-Мексико до Монтаны и Северной Дакоты, причем животные эти попадались иногда и в горах на высоте до трех тысяч метров. Находили их почти всегда поблизости от поселений луговых собачек. По-видимому, именно эти грызуны составляют главную добычу черноногого хорька, а их норы он использует как готовое жилье.

Лет сто назад численность луговых собачек была поистине астрономической. По оценке известного натуралиста Эрнеста Сетона-Томпсона, она достигала минимум пяти миллиардов. Орды этих грызунов оспаривали корм у домашнего скота, а потому в течение пятидесяти с лишним лет их систематически истребляли на большей части их первоначального ареала. В настоящее время их поселений осталось очень мало и сами луговые собачки превратились в вид, которому грозит вымирание. По мере того как их численность убывала, черноногий хорек, и без того очень редкий, исчез почти совсем.

Исчерпывающее обследование, проведенное Американским комитетом Международной организации охраны дикой природы, обнаружило только 42 сообщения о черноногих хорьках в Соединенных Штатах за период с 1946 по 1953 год. В этих сообщениях в общей сложности упоминалось 50—70 хорьков.

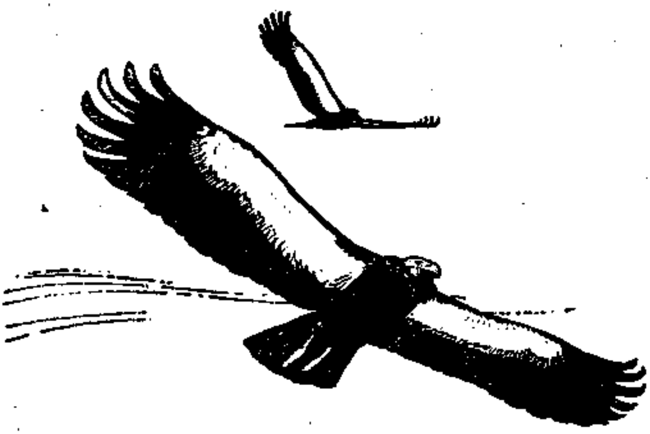
С тех пор сообщения о черноногих хорьках поступали еще реже, причем все из Южной Дакоты. В этом штате сохранилось больше луговых собачек, чем где-либо еще в стране, и там для контроля над ними проводится наиболее обширная программа применения ядов. При этом часть поселений этих зверьков обязательно оставляется необработанной. Кроме того, по требованию Бюро спортивной охоты и рыболовства любое поселение луговых собачек перед обработкой должно осматриваться с тем, чтобы проверить, нет ли там хорьков. В тех случаях, когда удается обнаружить хорьков, поселение не трогают, а хорьков по возможности вылавливают и перевозят в охраняемые участки. Это требование выполняется, но многие считают, что подобные поиски хорьков бесполезны, поскольку они производятся днем, когда хорьки прячутся в норах. Однако хорьки оставляют следы на почве, и по ним, а также по другим признакам специалисты могут обнаружить присутствие этих животных.

О биологии черноногих хорьков до сих пор почти ничего не известно. Чтобы меры по их спасению оказались эффективными, необходимо узнать гораздо больше. И в настоящее время в Южной Дакоте предполагается начать подробное исследование биологии черноногого хорька по Программе сотрудничества в изучении дикой природы.

Калифорнийский кондор (Gymnogyps californianus)

Паря в вышине на распростертых крыльях, размах которых достигает почти трех метров, огромная хищная птица высматривает корм на расстилающейся внизу земле. Оперение у нее черное, но на внутренней стороне крыльев тянутся широкие белые полосы; кожа на голой голове и шее оранжевая. И вот, заметив далеко внизу тушу оленя, кондор (потому что речь идет именно о нем) стремительно планирует к ней.

Если посетителю заказника этих птиц на юге штата Калифорния повезет, он может увидеть парящего кондора и испытать благоговейное удивление, какое охватывало



первобытного человека, когда он тысячелетия назад следил за полетом такой «птицы-грома». Судя по палеонтологическим находкам, в доисторическую эпоху ареал кондора, по-видимому, простирался до Флориды, но в исторические времена эта птица встречалась только на Тихоокеанском побережье от Нижней Калифорнии до бассейна реки Колумбия в нынешних штатах Вашингтон и Орегон.

В дни калифорнийской «золотой лихорадки» старатели имели обыкновение хранить золотой песок в полых стержнях маховых перьев кондора. Скотоводы и фермеры стреляли кондоров ради развлечения или опасаясь за свой скот. К 1860 году в северной части своего ареала эти птицы были совершенно истреблены. А к 1910 году кондоры исчезли практически повсюду; несколько экземпляров сохранилось в Нижней Калифорнии и около шестидесяти птиц в долине Сан-Хоакин на юге штата Калифорния. Вскоре кондоров не стало и в Нижней Калифорнии. Теперь осталось лишь шестьдесят кондоров в штате Калифорния.

Чем объяснялось такое сокращение численности кондоров? По-видимому, роковую роль сыграли сразу несколько факторов. Во-первых, хотя эти кондоры доживают до сорока с лишним лет, они дают относительно немногочисленное потомство. Половозрелыми эти птицы становятся в шесть лет и размножаются только раз в два года. Кладка содержит обычно одно яйцо, которое насиживается на каком-нибудь каменистом уступе. Насиживание длится около сорока двух дней, и покрытый пухом беспомощный

птенец требует родительской заботы по меньшей мере еще семь месяцев. К тому же кондоры пугливы и, если их что-нибудь встревожит, могут покинуть кладку.

Во-вторых, число кондоров, несомненно, снизилось из-за того, что они поедали отравленную приманку, которая применяется для борьбы с хищниками. Немало их также пало жертвами беззаботных стрелков, которые либо считают, что всех хищных птиц следует истреблять, либо просто не могут удержаться от искушения при виде такой заманчивой мишени, как огромная птица, парящая высоко в воздухе. А между тем вопреки всевозможным местным легендам кондоры питаются только падалью и никогда не нападают на живых животных.

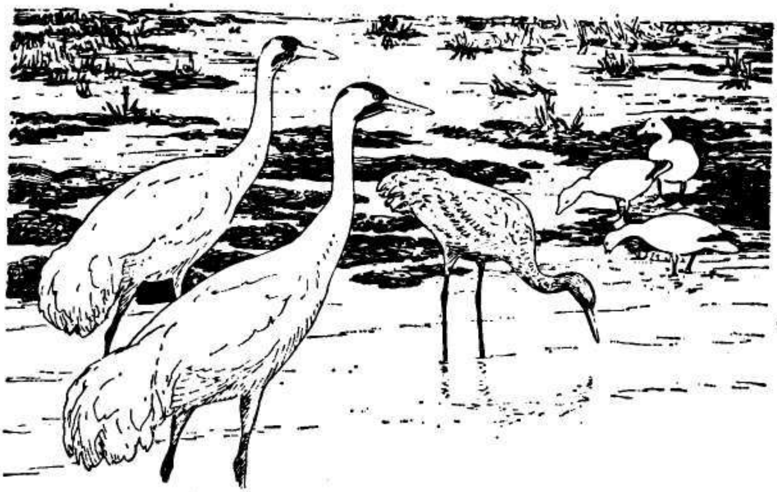
К 1950 году подавляющее большинство калифорнийских кондоров (их все еще было около шестидесяти) гнездилось на двух небольших горных участках Национального лесного резервата Лос-Падрес примерно в 110 километрах северо-западнее Лос-Анджелеса. В конце 40-х годов орнитолог Карл Кофорд по поручению Национального одюбоновского общества подробно изучил там весь жизненный цикл этих птиц. В результате Служба охраны леса США отвела 22 тысячи гектаров под заказник Сеспе, где кондорам обеспечена полная неприкосновенность. Несколько позже второй заказник, поменьше, был учрежден километрах в восьмидесяти к западу от первого.

В течение многих лет Национальное одюбоновское общество возглавляло борьбу за спасение калифорнийского кондора. Вместе с Национальным географическим обществом и Калифорнийским университетом оно предприняло еще одно изучение этих птиц в 1963 и 1964 годах. Тут выяснилось, что, несмотря на все усилия, сохранилось всего около сорока кондоров, за пятнадцать лет их число сократилось на треть, что внушало серьезные опасения.

В 1965 году кондорам начала угрожать новая опасность — проект постройки плотины и организации зоны отдыха у северной границы заказника Сеспе, а также прокладки шоссе непосредственно через весь заказник. Этот проект подписывал птицам смертный приговор. «В который раз,— писал один горячий защитник кондоров,— проблема охраны природы сводится к простому выбору между спасением вида, находящегося на грани вымирания, и отдыхом на воде в сочетании с местной политикой».

Пока верх в этой схватке, по-видимому, взяли защитники кондора, и для плотины подыскали другое место. Два

служителя бдительно охраняют заказник, а сотрудники Патуксентского центра научного исследования дикой природы в Мэриленде изучают группу кондоров, пойманных в Андах, надеясь найти новые пути спасения их диких родичей в Калифорнии.



Американский журавль *(Grus americana)*

История американского белого журавля за последнюю четверть века, пожалуй, ярче всего демонстрирует проблемы охраны природы и положение всех видов, которым в современном мире грозит вымирание. На нем уже более пятидесяти лет назад был поставлен крест, но эта великолепная птица завоевала всеобщую симпатию тем мужеством, с каким она выдерживает все превратности в борьбе за возможность выжить. Отчасти такое благожелательное внимание объясняется ее царственным видом.

Американский журавль, достигающий роста в полтора метра и весящий около одиннадцати килограммов,— несомненно крупнейший из пернатых обитателей наших болот. Он весь снежно-белый, если не считать черных кончиков крыльев, алой шапочки и лихих черных «усов». Взрослые самцы и самки по внешнему виду неразличимы.

Прежде американские журавли были широко распространены во внутренних областях Североамериканского континента от Мексики до тундры и от Скалистых гор до

некоторых восточных штатов, хотя их численность всегда была относительно невелика.

Когда после окончания войны Севера с Югом на Запад хлынул поток переселенцев, весенние и осенние перелеты стали для американских журавлей чрезвычайно опасными. Какой охотник мог устоять перед искушением выстрелить в большую белую птицу? Но еще губительнее для них оказалось стремительное вторжение человека в область их гнездований. Озерки и болотца в прериях осушались и распахивались, на местах первозданных травянистых равнин теперь тянулись обработанные поля.

Число журавлей, гнездящихся в прежних местах, непрерывно уменьшалось; последнее гнездо в Айове было зарегистрировано в 1883 году, в Миннесоте — в 1889. После 1907 года на территории Соединенных Штатов не удалось обнаружить ни одного гнезда американского журавля. Такое же положение сложилось и в Канаде после 1922 года, когда поступило последнее сообщение о единственном гнезде в Саскачеване. После этого в течение тридцати лет никто не видел ни одного гнезда американского журавля. Еще сохранившиеся 30—40 птиц, несомненно, где-то выводили птенцов, но никто не знал, где именно. Специалисты по охране природы с горечью готовились внести американского журавля в список вымерших видов.

В 1937 году, когда организация заказника для водоплавающих птиц была в самом разгаре, на техасском побережье Мексиканского залива вблизи устья реки Сан-Антонио был создан еще один национальный заказник — Арансас. Он охватывал около 19 тысяч гектаров прибрежных болот и островков, и на нем находилось зимовье последней крохотной стаи американских журавлей; по оценке первого директора заказника, число птиц в ней весной 1938 года не превышало 14—18.

Кроме этих техасских птиц имелась еще небольшая стая примерно в десяток американских журавлей, которые круглый год жили в Луизиане, на берегах озера Уайт-Лейк. Местность эта в отличие от Арансаса не была заказником, и в течение десяти лет журавли там исчезли.

Но и будущее их техасских собратьев также, казалось, не обещало ничего хорошего. Хотя в Арансасе они находились под охраной, условия их жизни там были далеки от идеальных. В заказнике разрешалось проводить бурение нефтяных скважин, а на пересекающем его Береговом канале велись работы по расчистке. В довершение всего рас-

положенный поблизости остров Матагорда служил учебной целью для летчиков военно-воздушных сил, практиковавшихся в прицельном бомбометании. В 1942 году численность американских журавлей достигла своего низшего предела: весной этого года из Арансаса в полет к неведомому гнездовью отправилось только пятнадцать птиц.

Однако к концу второй мировой войны число журавлей, несмотря ни на что, увеличилось до 22. Тогда же Департамент охоты и рыболовства США в сотрудничестве с канадским Департаментом охраны природы и Национальным одюбоновским обществом приняли совместную программу помощи американским журавлям, целью которой было оказание содействия этим птицам в их борьбе за жизнь.

Для этого в первую очередь требовалось узнать как можно больше о жизненном цикле и потребностях этого вида, а также отыскать их неведомое гнездовье. За выполнение этих задач взялся Роберт Аллен, орнитолог Одюбоновского общества. Для начала он обосновался в Арансасе и приступил к изучению журавлей. Кроме того, он попробовал получить потомство от двух птиц в большой вольере (их пришлось поместить туда, потому что обе были покалечены). Из яйца вывелся птенец, но вскоре исчез — по-видимому, он стал жертвой енотов.

В следующие несколько лет численность американских журавлей то падала до 21 птицы, то поднималась до 28. Все это время активные поиски их гнездовья не приносили результатов. Затем летом 1954 года удача улыбнулась исследователям: канадский противопожарный патруль, облетавший леса на небольшом самолете, заметил пару американских журавлей с птенцом в глухом уголке национального парка Вуд-Баффало, там, где он заходит в Северо-Западные территории. Так наконец было найдено заветное гнездовье.

Роберт Аллен отправился туда на следующий же год и подробно изучил гнездовые привычки птиц и условия окружающей местности. Парк Вуд-Баффало — это настоящий рай для диких зверей и птиц, еще не тронутый человеком, где обитают последние дикие бизоны Северной Америки. И там американские журавли находили уединение, которое необходимо им, чтобы выводить птенцов.

В 1956 году, когда цели упомянутой выше программы были в основном достигнуты, состоялась посвященная американским журавлям конференция, которой предстояло выработать наилучшие способы охраны и восстановления

этого вида. Мнения разделились: одни утверждали, что для решения проблемы достаточно поймать несколько пар диких журавлей и начать их разведение в неволе, другие (в том числе представители Национального одюбоновского общества) считали, что сохранение вида только в неволе лишь немногим лучше полного его вымирания.

В 1957 году пришло замечательное известие, что Жозефина и Крип — самка и самец американского журавля, содержавшиеся в Новоорлеанском зоопарке,— вывели двух птенцов, которые, правда, с помощью людей благополучно выросли. В 1958 году у Жозефины и Крипа появился еще один птенец, а их дикие сородичи также внесли свою лепту в восстановление вида, вернувшись осенью в Арансас с девятью молодыми птицами. Дела американского журавля как будто пошли на поправку.

Весной 1962 года арансасская стая насчитывала 38 диких журавлей, а в зоопарках содержалось еще семь птиц. Но тут их количество роковым образом вновь сократилось. Дикая стая в этом году потеряла десять взрослых птиц, и впервые за много лет уцелевшие вернулись осенью в Арансас без единого молодого журавля.

Но вид снова доказал свою жизнестойкость: осенью 1963 года с родителями в Арансас прилетело 7 птенцов, а в 1964 году их прилетело 10 — рекордное число. В арансасской стае было теперь 42 птицы.

В 1965 году конгресс под впечатлением мужественной борьбы американского журавля за жизнь выделил 350 тысяч долларов на проведение научных исследований для помощи видам, которым угрожает вымирание, поручив организацию их Бюро спортивной охоты и рыболовства. В Патуксентском научно-исследовательском центре в Лореле (штат Мэриленд) был создан специальный отдел для изучения вымирающих видов, список которых возглавляли американские журавли. Этот отдел немедленно разработал широкую программу получения птенцов от содержащихся в неволе канадских журавлей. Эксперимент уже два года проводился в колорадском заказнике Монте-Виста. Наблюдения над канадскими журавлями могли помочь в выработке методов выращивания их близких родственников — американских журавлей.

В 1967 году события начали развиваться бурно. Исследования в Патуксенте показали, что канадские журавли вполне благополучно размножаются и растут в неволе, и решено было испробовать те же методы на американских

журавлях. В мае в парке Вуд-Баффало началась давно задуманная операция «Похищение яиц», в которой участвовали и представители канадского Департамента по охране природы. Канадец Эрни Кайт обнаружил с вертолета восемь гнезд американских журавлей, и в июне Эриксон и его канадские помощники собрали шесть яиц — по одному из шести разных гнезд. Обычно американские журавли откладывают по два яйца, но выращивают только одного птенца, и забирая яйца, люди рассчитывали, что самка отложит еще одно яйцо и начнет насиживание, словно ничего не произошло.

Шесть собранных журавлиных яиц были срочно отправлены в Патуксент на самолете. Один птенец проклюнулся в самолете и погиб. Остальные пять яиц были помещены в Патуксенте в инкубатор, и из всех вывелись птенцы. Четверо из них благополучно выросли.

Пара журавлей в зоопарке Сан-Антонио также вырастила в 1967 году одного птенца. Таким образом, в неволе теперь имелось уже 12 птиц, а это позволяло надеяться и на их дальнейшее размножение. А главное, в ноябре 1967 года из Канады в Арансас прилетело 48 американских журавлей — в том числе 9 подросших птенцов. Итак — 60 американских журавлей! Самая высокая цифра за полвека!

Однако в 1968 году одного самца в Арансасе подстрелил возле заказника охотник. К счастью, в марте осиротевшая самка приняла одинокого самца, не имевшего пары, и вскоре они вместе с остальной стаей отправились к своему гнездовью в Вуд-Баффало, где вновь повторилась операция похищения яиц. В конце мая из десяти гнезд изъяли девять яиц и одного птенца и сразу же отправили на реактивном самолете в Патуксент. Из всех яиц вывелись птенцы, и в середине лета восемь из них чувствовали себя прекрасно. Число американских журавлей в неволе достигло теперь двадцати, так что вся популяция насчитывала не меньше шестидесяти семи птиц, причем она могла еще увеличиться, если диким журавлям и паре в Сан-Антонио также удалось бы благополучно вырастить птенцов.

Опыт 1967 и 1968 годов показал, что американский журавль сделал большие успехи в борьбе за жизнь. Если у американских журавлей и у людей, которые стремятся им помочь, дела и дальше пойдут так же хорошо, этот вид еще долго останется с нами.

Глава 7

НАРАСТАЮЩИЙ КРИЗИС ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (С 1940 года по настоящее время)

Америка теперь достигла вершины своего богатства и мощи, и все же мы живем в стране, где красота утрачивается, безобразие растет, просторов остается все меньше, а природа повсюду терпит ежедневный ущерб от загрязнения, шума и безразличия. Таков, короче говоря, развившийся в 60-х годах тихий кризис окружающей нас среды.

Стюарт Юдолл

В декабре 1941 года Соединенные Штаты стали участником второй мировой войны и задачи охраны природы вместе с другими гражданскими интересами временно отошли на задний план.

Однако за предыдущие восемь лет рузвельтовского «Нового курса» было сделано очень многое. Президент Франклин Рузвельт, как в свое время Теодор Рузвельт, считал охрану природных богатств страны — земли, вод, лесов и диких животных — одной из важнейших своих обязанностей. В 1936 году, закладывая первый камень нового здания министерства внутренних дел, он выразился так: «Это целесообразное сооружение представляется мне символом огромных природных богатств нашей страны, которые мы присягали сберечь, а этот камень — краеугольным камнем той политики охраны природы, благодаря которой будущим американцам будет обеспечена вся полнота их наследия».

Вторая мировая война наконец окончилась осенью 1945 года, и страна, которую теперь возглавлял президент Трумэн, вступила в атомный век. Началась тревожная эпоха «холодной войны», которая для Соединенных Штатов скоро перешла в «горячую», когда в 1950 году они приняли участие в военных действиях, развернувшихся в Корее. В 1953 году на пост президента был избран Дуайт Эйзенхауэр, виднейший американский военный деятель времен второй мировой войны. Политика Эйзенхауэра по сравнению с двумя его предшественниками была чисто консервативной, он стремился только сохранять, а не развивать дальше социальные достижения предыдущих лет. Первым министром внутренних дел в его правительстве был Дуглас Мак-Кей, бывший губернатор Орегона. Подоб-

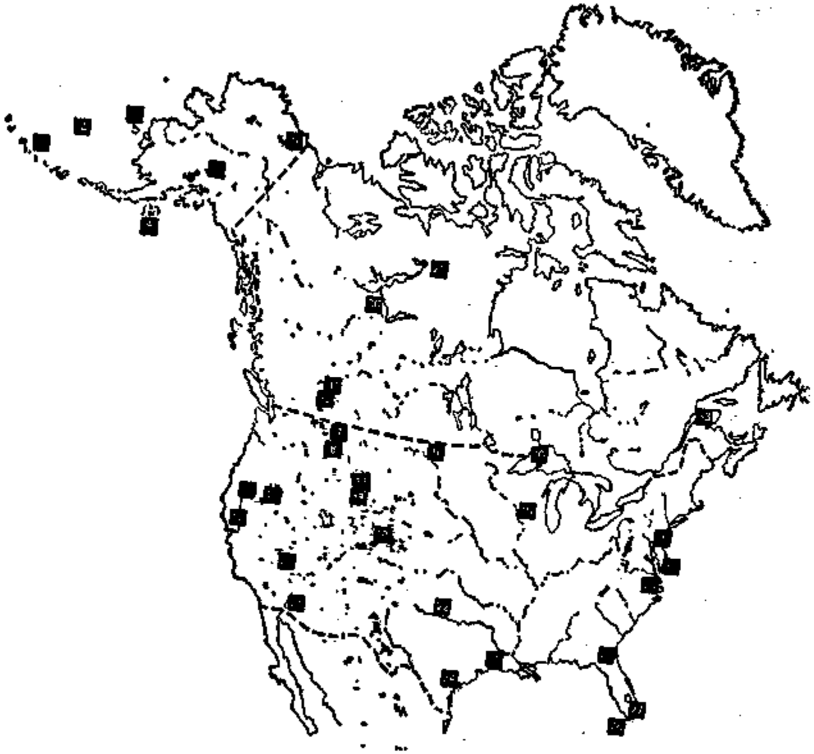
но многим и многим министрам во всех американских правительствах Мак-Кей был только политиком и имел довольно слабое представление о практической важности сохранения природных богатств. Он враждебно относился к идее государственного контроля над ними и был убежденным сторонником частной инициативы в их разработке и использовании. За короткие два года пребывания Мак-Кея на посту министра внутренних дел в коммерческую аренду было сдано больше площадей государственных заказников, чем за все годы со времени их основания, вместе взятые. В Департаменте охоты и рыболовства многие сотрудники были заменены политически полезными людьми. В результате министерство лишилось лучших своих специалистов.

«Покончим с охраной природы раз и навсегда!» — так была определена политика Мак-Кея в статье, опубликованной «Харперс мэгезин» в августе 1954 года. И далее: «За полтора года дельцы на административных постах полностью изменили ту последовательную политику сохранения природы, которую Соединенные Штаты вырабатывали более семидесяти лет, стремясь ввести разумное использование природных богатств вместо бездумного их разграбления во имя прибылей тех или иных корпораций... Все действия нашего нынешнего правительства в области охраны природы шли вразрез с общественными интересами — другими словами, с интересами будущего — и благоприятствовали только некоторым частным интересам».

Мак-Кей ушел с поста министра внутренних дел в 1955 году, и при его преемнике положение улучшилось. В 1956 году конгресс принял закон об охоте и рыболовстве, учреждавший пост заместителя министра внутренних дел по вопросам охоты и рыболовства. Департамент охоты и рыболовства получил особые Бюро промыслового рыболовства и Бюро спортивной охоты и рыболовства. В таком виде он сохраняется и по сей день.

Тихий кризис

Новая эра в охране природы началась в 1961 году, когда президентом стал Джон Кеннеди. Кеннеди подобно Теодору Рузвельту и Франклину Рузвельту был глубоко убежден в жизненной важности сохранения природных богатств. Министром внутренних дел в его правительстве стал Стюарт Юдолл, чьи энергичные усилия и умение ви-



Расположение некоторых наиболее важных резерватов, заказников и национальных парков в Соединенных Штатах и Канаде

Соединенные Штаты:

1 — Алеутские о-ва (Аляска), 2 — о-ва Прибылова (Аляска), 3 — о. Нунивак (Аляска), 4 — о. Кодьяк (Аляска), 5 — Национальный парк Маунт-Маккинли (Аляска), 6 — Арктик (Аляска), 7 — Национальный парк Глейшер (Монтана), 8 — Национальный бизоний резерват (Монтана), 9 — Аппер-Сури (Сев. Дакота) им. Кларка Сейльер (Северная Дакота), 10 — Айл-Ройал (Мичиган), 11 — Лоуэр-Кламат (Калифорния), 12 — им. Чарльза Шелдона (Невада), 13 — Национальный парк Йеллоустон (Вайоминг), 14 — Национальный парк Грэнд-Титон (Вайоминг), Национальный резерват вапити (Вайоминг), 15 — Аппер-Миссисипи (Иллинойс, Айова, Миннесота, Висконсин), 16 — Бригантин (Нью-Джерси), 17 — Сакраменто (Калифорния), 18 — Национальный парк Роки-Маунтин (Колорадо), 19 — Чинкотиг (Мэриленд), 20 — Дезерт (Невада), 21 — Кофа (Аризона), 22 — Уичито-Маунтинз (Оклахома), 23 — Маттамаскит (Северная Каролина), 24 — Арансас (Техас), 25 — Сабин (Луизиана), 26 — Окафеноки (Джорджия), 27 — Национальный парк Эверглейдс (Флорида), 28 — Национальный резерват виргинского оленя (Флорида)

Канада:

29 — Телон (Северо-Западные территории), 30 — Вуд-Баффало (Альберта), 31 — Национальный парк Банф (Альберта), Национальный парк Джаспер (Альберта), 32 — Национальный парк Глейшер (Британская Колумбия), Национальный парк Кутеней (Британская Колумбия), Национальный парк Йохо (Британская Колумбия), 33 — Гаспези (Квебек)

деть далеко вперед открыли глаза многим американцам на необходимость охраны природы и на сопряженные с этим трудности.

Положение с охраной природы в начале 60-х годов во многом могло показаться вполне удовлетворительным. Беспощадному истреблению дичи был почти полностью положен конец, и общественное мнение неизменно поддерживало введение любых правил, необходимых для сохранения тех или иных диких животных. Система государственных заказников была расширена. Теперь их стало более трехсот на пространстве от Аляски и Алеутских островов до Гавай и островов Флорида-Кис с общей площадью свыше 11 миллионов гектаров. И каждый год экология и охотоведение обогащались все новыми и новыми сведениями, необходимыми для сохранения различных животных, которым грозит вымирание.

И, несмотря на все это, дикая американская природа еще никогда не находилась в таком критическом положении, как именно в 60-е годы. Как нетрудно догадаться, виновником этого был человек. Дикой природе и ему самому угрожали теперь четыре новые опасности — радиоактивные осадки, массовое применение смертоносных ядохимикатов, загрязнение промышленными отходами и рост населения, в результате чего оставалось все меньше мест, где естественная среда еще сохраняла свою первозданность.

В результате испытаний нового, ядерного оружия на землю повсюду с дождями выпадали радиоактивные осадки. Каков будет конечный результат этого для жизни на земле, предсказать невозможно, но во всяком случае хорошим он вряд ли окажется.

Суша и море после 1945 года систематически получают и другие, не менее страшные «осадки» — ядохимикаты. ДДТ и его смертоносные производные, разработанные после второй мировой войны, применяются все шире по всему миру для борьбы с вредными насекомыми. Они «разливаются страшным губительным дождем по земной поверхности», как выразился один эколог, и злоупотребление ими может стать одной из самых серьезных угроз для диких животных за всю историю. Джордж Уоллес, одним из первых изучавший воздействие ДДТ на певчих птиц, еще в 1958 году предсказал, что, если употребление подобных ядов не будет ограничено, «мы станем свидетелями того, как за одно десятилетие животный мир Земли понесет

больше непоправимых потерь, чем за всю предыдущую историю человечества».

В 1962 году Рашел Карсон выступила с тем же предостережением в своей знаменитой книге «Безмолвная весна». Фабриканты ядохимикатов, а также многие видные и преданные своему делу ученые объявили подобную точку зрения неоправданно панической и заявили, что такие яды — необходимые и полезные союзники человека в его борьбе за высокие урожаи. Этот спор продолжается по-прежнему, хотя доказательств вреда, который причиняют диким животным и самому человеку ядохимикаты, становится все больше. И опять-таки неизвестно, каким может оказаться конечный результат их применения. Но во всяком случае значительные количества ДДТ были обнаружены в организмах антарктических пингвинов и арктических карибу, а также бесчисленных других животных на всем пространстве между этими крайними точками земного шара.

Дикой природе и человеку угрожает еще одна опасность, и, пожалуй, самая грозная. Она связана со стремительным ростом населения.

В 1800 году население Соединенных Штатов равнялось примерно 5 миллионам человек. В 1900 году оно составляло уже 75 миллионов, а в настоящее время превышает 200 миллионов человек. Если темпы роста останутся теми же, то в 2000 году эта цифра перевалит за 350 миллионов человек. Население других стран растет так же быстро или еще быстрее. Современные 3,5 миллиарда народонаселения Земли за ближайшие тридцать лет могут удвоиться. А если вспомнить, что половина людей на Земле ведет полуголодное существование, нетрудно представить себе, какой может оказаться обстановка в мире к началу XXI века *.

По мере того как число людей растет, неизбежно увеличивается и их давление на дикую природу. Все больше земли требуется под новое жилье, новые промышленные предприятия, аэропорты и автострады. Каждый год в Америке бульдозеры уничтожают по 400 тысяч гектаров еще нетронутой земли, и города все больше и больше вторгаются в сельские местности. Болота уменьшаются, превращаясь в пашни или в новые городские районы.

* На этот счет мнение ученых разделяется (см. послесловие).— *Прим. ред.*

Миллионы автомобилей на улицах и шоссе выбрасывают в атмосферу отработанные газы, проносясь мимо унылых пустырей, занятых кладбищами машин и городскими свалками. Промышленные отходы загрязняют и отравляют наши ручьи и реки и воздух наших городов. Это еще одна серьезная угроза для существования всего живого.

В 1963 году вышла книга Стюарта Юдолла «Тихий кризис», в которой рассматривается все усиливающееся губительное воздействие человека на природу. Юдолл предостерегает, что наши леса, болота и культурные земли — все то, что составляет среду нашего обитания, подвергается смертоносному натиску со всех сторон.

Это, естественно, приводит к тому, что дикие животные оттесняются на отдельные островки дикой природы, которые все уменьшаются и уменьшаются. Уже намечается стремление приспособить эти островки для отдыха и иных «цивилизованных» нужд, и скоро нашим диким животным некуда будет отступать. И что тогда — зоопарки для горстки наиболее «удобных», остальные же присоединятся к странствующему голубю и дронту в музейных витринах.

Чтобы подчеркнуть эту опасность, Бюро спортивной охоты и рыболовства опубликовало в 1964 году список диких американских животных, которым грозит вымирание. На следующий год министр внутренних дел Юдолл в своем ежегодном отчете предостерег, что мы «по-прежнему проигрываем битву за спасение тех американских рыб, зверей и птиц, которым угрожает вымирание... Если вся страна не осознает нынешнего кризиса окружающей среды, мы можем не только окончательно погубить эти виды, но и поставить под угрозу многие другие».

В ответ на это конгресс провел в 1966 году закон об охране животных, которым грозит вымирание, предоставив министру внутренних дел необходимые полномочия для разработки и проведения широкой программы охраны, сохранения и восстановления дикой природы в Соединенных Штатах и их владениях.

Однако денежных средств на осуществление этой программы выделено практически не было. Сведутся ли все эти добрые намерения к столь частому «слишком мало и слишком поздно»? Нет, если Бюро спортивной охоты и рыболовства и другие официальные и частные организации по охране природы сумеют этому воспрепятствовать. Однако, как станет ясно из следующих глав, времени для помощи многим и многим видам остается уже очень мало.

Часть вторая
ВОЗМОЖНЫЕ БУДУЩИЕ ЖЕРТВЫ

Горный склон,
лишенный лесного покрова,
воздух, отравленный смогом,
животные, погибшие из-за злоупотребления
ядохимикатами, — это тоже мрачные знаменья,
предрекающие темное и опасное будущее всему живому
на Земле. Если человек не превратится из хищника
в дальновидного хранителя своей планеты,
он может оказаться в одном списке
с американским журавлем, синим китом
и беркутом, как вид, которому
грозит вымирание.

Из редакционной статьи «Нью-Йорк таймс»

Глава 8

НЕСКОНЧАЕМАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ХИЩНИКОВ

Волки, выводившие жуткие рулады
вокруг костра одинокого путника, пали жертвой
мышьяка, и их дикая музыка смолкла навсегда...
Горный лев [пума] пугливо прячется, завидя
человека, и даже угрюмый «Старик Ефраим» —
медведь-гризли — ищет уединения в своих
берлогах и пещерах.

Фрэнсис Паркмен

Человек на протяжении долгих веков вел непримиримую войну против хищников: ведь они охотились на дичь, которую человек считал своей, и — что еще хуже — они иногда посягали на его домашний скот или даже нападали на него самого. Неудивительно, что еще в доисторические времена человек видел в них заклятых врагов.

В наши дни мало кому из нас приходится по-настоящему опасаться ущерба, который способны причинить хищники. Но старые предрассудки живучи, и очень многие по-прежнему убеждены, что все плотоядные животные — это «вредные твари» и ничего больше. Фермер ненавидит лисиц, забывая о том, что они оберегают его поля от кроликов, сурков и других грызунов. Скотоводы считают, что любой медведь, волк или пума в радиусе сотен километров представляет непосредственную опасность для их овец, коров и быков. И многие охотники все еще видят в каждом хищнике бессовестного разбойника, беззаконно истребляющего дичь, убивать которую (видимо, по божественному предначертанию) имеет право лишь человек. Такое отношение к хищникам никак не меняется, хотя после катастрофы с кайбабскими оленями в 20-х годах исследователи собирают все новые доказательства того, насколько больше приносят хищники пользы, чем вреда, регулируя численность животных, на которых охотятся.

Уже много лет специалисты-биологи выступают против системы премий, назначаемых за убитых хищников. Эти премии превращаются для охотников в побочный заработок, открывают возможность для всяческого рода обманов, не способствуют сохранению природы и не приносят ощутимой пользы сельскому хозяйству. И все же не далее как в 1960 году 33 штата выплатили более двух миллионов

долларов как премии за уничтожение хищников и других «вредных животных». В настоящее время эти цифры, к счастью, уменьшаются, так как за последние годы в ряде штатов система премий была вовсе отменена или же многие животные были изъяты из списка подлежащих уничтожению.

Был у хищников и еще один враг — Отдел контроля над хищниками и грызунами при Бюро спортивной охоты и рыболовства. Только в 1965 году этот отдел израсходовал около шести миллионов долларов, чтобы истребить 90 тысяч койотов и несколько меньше других хищников. Во многих районах эти операции потребовали расходов, значительно превышающих ущерб, якобы причинявшийся этими хищниками.

По мнению многих специалистов, федеральное правительство в конечном счете стремится тут не столько к «контролированию» популяций хищников и грызунов, сколько к полному их уничтожению. Эта точка зрения получила новое подтверждение в 1964 году, когда Совет по охране природы при министерстве внутренних дел представил министерству доклад, резко критиковавший деятельность Отдела контроля над хищниками и грызунами.

В этом докладе пять самых видных и уважаемых специалистов по охране природы в Америке указывали, что «контроль постепенно превращается в самоцель, и, согласно закону Паркинсона, его аппарат увеличивается вне всякой зависимости от реальных потребностей». Совет рекомендовал изменить программу работ отдела так, чтобы его деятельность отвечала интересам всего народа, а не только скотоводов и сельскохозяйственного капитала. Он подчеркивал неотложную необходимость разработки репеллентов, которые могли бы использоваться вместо ядов, убивающих не только вредных животных, но и полезных. В заключение Совет настаивал на полном изменении задачи и способов действия отдела с тем, чтобы операции по контролированию производились только в строго определенные сезоны и только там, где в них возникает реальная необходимость.

В ответ министр внутренних дел Стюарт Юдолл весной 1967 года изложил новые принципы контролирования популяций хищников и грызунов: полный отказ от системы премий, проведение контрольных операций только там, где они действительно необходимы, и в определенное время, а также выдвижение на первый план борьбы с животны-

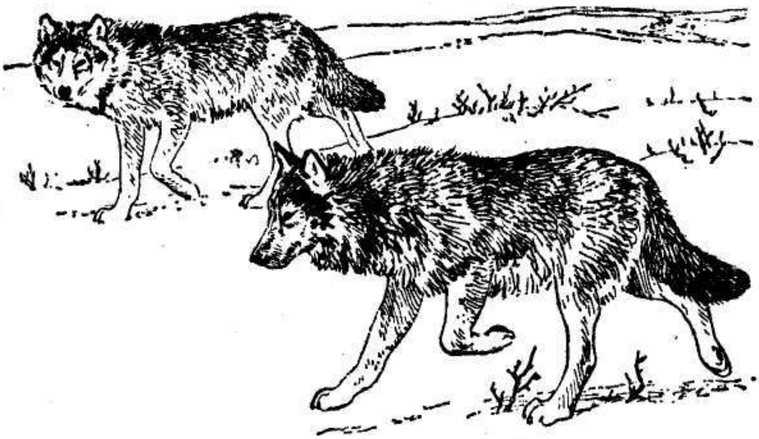
ми — разносчиками инфекций, с птицами, стаи которых представляют опасность для аэродромов, и с городскими грызунами. В ознаменование этой новой программы деятельности Отдел контроля был переименован в Службу охраны дикой природы.

«Наша задача теперь,— заявил Джон Готтшалк, директор Бюро спортивной охоты и рыболовства,— заключается в том, чтобы претворить принципы в конкретную рабочую программу». Пожалуй, это легче сказать, чем сделать, так как прочно укоренившиеся идеи и привычные программы имеют большую власть над человеческим сознанием.

Но все-таки новые принципы контроля над популяцией хищников в масштабе страны наконец сформулированы, и вытекающие из них методы постепенно вытесняют прежние. Исследователи в Денверском центре охраны природы, например, проводят эксперименты с ограничением рождаемости у койотов: в брачный сезон в местностях, где обитают койоты, разбрасываются приманки со стилбестролом, синтетическим женским гормоном, и самки, съевшие такую приманку, обычно не беременеют. Этот гормон открывает возможности безопасного контроля над ростом популяций не только койотов, но и других видов, которые сейчас изучаются.

Серый волк (Canis lupus)

Дни серого волка в 48 штатах к югу от Канады практически сочтены. Только три-четыре штата могут похвастать еще уцелевшими остатками последних популяций в лесной глуши у канадской границы. Мичиган отменил премию за убитого волка в 1961 году, и в его пределах, возможно, наберется 25 этих животных. В Висконсине волков почти сто, и они значатся в списке охраняемых животных этого штата. Больше всего их в Миннесоте, в северных лесных графствах, где сохранилось триста, а то и четыреста этих хищников. Премия за убитого волка была в Миннесоте недавно отменена, несмотря на бурные возражения некоторых фермеров и охотников-любителей. Эти последние утверждали, что волки там угрожают оленьим стадам, хотя на самом деле олени Миннесоты — одни из самых здоровых в стране, да и вообще наиболее удачной оленья охота, как правило, бывает в тех местах, где водятся волки.



Кроме этих штатов на берегах Великих озер волки встречаются еще в Монтане в Национальном парке Глейшер, куда десятка два их периодически заходит из Канады.

Еще в одном национальном парке, занимающем остров Айл-Ройал на озере Верхнем, вместе с шестью сотнями лосей живет около 25 волков. Впервые они появились на острове в 1949 году, забежав туда по льду из канадской провинции Онтарио. С тех пор их численность остается поразительно стабильной. Исследование взаимоотношений лосей и волков, которое проводит на острове Айл-Ройал известный знаток диких животных Деруорд Аллен со своими аспирантами из университета Пардью, с достаточной убедительностью показывает, что волки благотворно воздействуют на лосей, контролируя их численность. В 30-х годах, когда волков еще не было, лоси на Айл-Ройал излишне размножились, что привело к вытаптыванию пастбищ и ухудшению растительности на острове.

Во многих областях Канады и Аляски волки все еще встречаются не так уж редко, и популяция их там исчисляется тысячами. И там их по-прежнему часто считают виновниками в сокращении численности карибу, лосей, снежных баранов и других копытных, несмотря на научные доказательства обратного. В Канаде и на Аляске до сих пор выплачивается премия за убитого волка. В 1966 году за каждого из убитых на Аляске 1350 волков было выплачено по пятьдесят долларов. Год за годом в

Северной Америке становится все меньше мест, где еще можно услышать волчий вой — этот истинный голос первозданной глуши *.

***Рыжий волк** (Canis niger)*

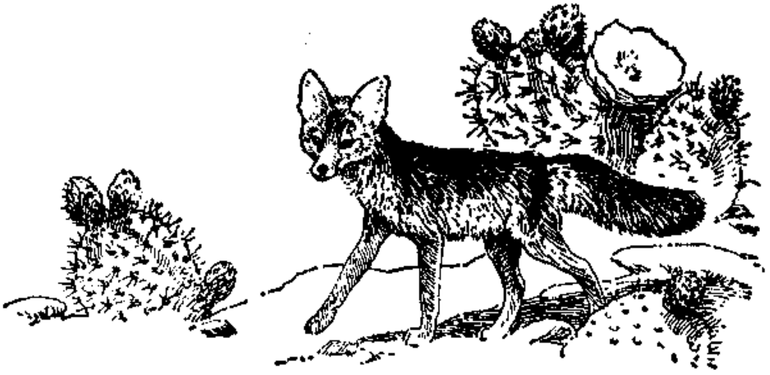
Рыжий волк, занимающий по росту промежуточное положение между серым волком и койотом, некогда встречался повсюду от Флориды до Техаса и на север до Индианы. Долгое время рыжий волк считался особым видом, однако последние исследования дают основания полагать, что, возможно, это особая форма койота. Почти на всем протяжении своего прежнего ареала рыжие волки истреблены и сохраняются теперь лишь в очень небольших количествах кое-где в глухих местностях на юге Арканзаса и в соседних с ним штатах.

Оценить хотя бы приблизительно современную численность рыжих волков очень трудно потому, что их нередко путают с койотами. Но какой бы ни была его нынешняя популяция, рыжему волку грозит полное вымирание из-за мер, которые принимаются против него так же, как и против койотов.

* В настоящее время в США только на Аляске еще сохранилось более пяти тысяч волков; численность волков заметно упала и в Канаде. Создано Канадско-Американское общество по охране волка, которое издает свой журнал «Howl» (Вой). Рабочая группа по волку Международного союза охраны природы и природных ресурсов разработала программу совместных исследований экологии этого вида.— *Прим. ред.*

В 1967 году очередная конференция Американского общества маммологов обратила внимание на критическое положение рыжего волка и призвала полностью прекратить операции по контролированию популяций этих хищников в Арканзасе и на востоке Техаса или хотя бы свести эти операции до минимума. Кроме того, конференция подчеркнула необходимость немедленного экологического изучения рыжего волка.

Во всяком случае эта последняя рекомендация выполняется. И Департамент спортивной охоты и рыболовства и Всемирный фонд охраны дикой природы выделили средства на изучение рыжего волка в природных условиях.



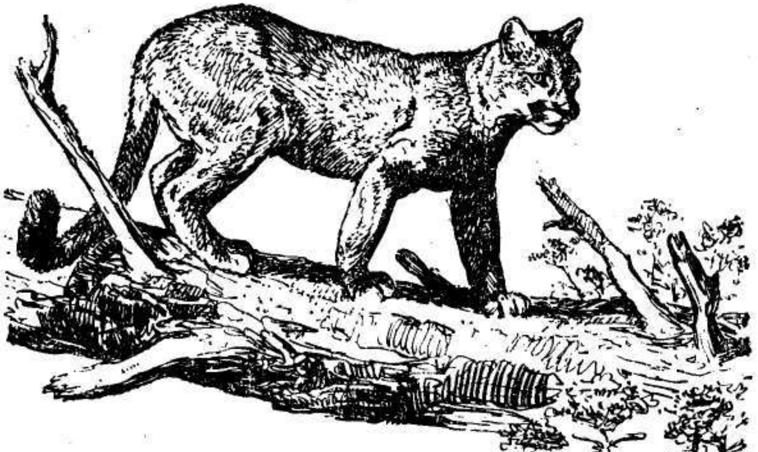
Карликовая и проворная лисица
(Vulpes macrotis и Vulpes velox)

Очень хорошенькая, величиной с кошку, карликовая лисица обитает в западных пустынях и предгорьях. Шерсть у нее золотисто-коричневая, уши очень большие, а кончик хвоста черный. Эти лисицы днем прячутся в норах, которые выкапывают в песчаной почве, и выходят только по ночам охотиться на грызунов и других мелких зверьков пустыни. Другой вид маленькой лисицы, очень похожей на карликовую, только немного крупнее,— проворная лисица — водится на плоскогорьях от Канады до Мексики.

Симпатичные и безобидные карликовые и проворные лисицы лишены той изворотливости и хитрости, благодаря

которым рыжие лисицы и койоты прекрасно приспосабливаются к самым неблагоприятным условиям. В течение многих лет эти маленькие лисицы постоянно погибали, съев отравленную приманку, предназначавшуюся для грызунов или койотов, и на большей части своих прежних ареалов либо исчезли вовсе, либо стали очень редкими.

Еще одной форме — санхоакинской карликовой лисице — тоже грозит серьезная опасность полного вымирания. Она водится лишь в прославленной своим плодородием калифорнийской долине Сан-Хоакин и становится жертвой не только планомерных кампаний уничтожения грызунов с помощью ядов, но и охотников, а также превращения мест ее обитания в культурные земли. Калифорнийская комиссия охоты и рыболовства поместила эту лисицу в список охраняемых животных, и ее популяция к настоящему времени, возможно, насчитывает несколько сот животных.



Пума (Felis concolor)

До появления на Американском континенте европейцев пумы водились во всех лесных и горных областях Нового Света — от северо-западной Канады до Магелланова пролива. Первые поселенцы называли ее по-разному — пантерой, горным львом, американским львом, кугуаром, пу-

мой и так далее. Охотились пумы главным образом на оленей и дичь помельче, но при случае не брезговали и домашним скотом. Поселенцы боялись и ненавидели пум и рьяно их преследовали.

Задолго до 1900 года большая песочно-коричневатая кошка была на восточном побережье истреблена почти повсюду. В Пенсильвании, где прежде их водилось очень много, последняя документально зарегистрированная пума была убита в 1893 году, в штате Нью-Йорк — в 1900. Вскоре после этого восточный подвид пумы был признан вымершим. Небольшая популяция другого подвида — флоридской пумы все еще сохраняется в болотах Эверглейдс и кое-где в соседних глухих местностях. По самой оптимистической оценке, в настоящее время этих пум осталось, вероятно, не более ста.

На западе континента происходило то же самое. По меньшей мере восемь западных штатов до самого последнего времени выплачивали премии за убитых пум, и в результате эти большие кошки исчезли во многих местах своего прежнего ареала. Маммолог Виктор Кэйлен провел в 1960 году примерный подсчет их численности и пришел к выводу, что на всей территории страны их сохранилось от четырех до шести тысяч. С тех пор эта цифра, вероятно, стала заметно ниже. Наиболее крупные популяции в настоящее время, по-видимому, обитают в Калифорнии, Аризоне и Айдахо.

Для этих западных кошек блеснул луч надежды, когда Британская Колумбия и все западные штаты, кроме Аризоны, отменили премию за их уничтожение. Теперь эти штаты либо вообще запретили охоту на них, либо ограничили ее, что означает значительный шаг вперед по сравнению с их прежним положением «вредных тварей». С другой стороны, Аризона выплатила по 65 долларов за каждую из трехсот пум, убитых там в 1967 году. При таких темпах все пумы в этом штате будут истреблены в ближайшие годы.

Несколько лет назад в Айдахо по Программе сотрудничества в изучении дикой природы было предпринято подробное исследование биологии пумы с тем, чтобы получить как можно больше сведений о поведении этих животных, их корме и территориальных потребностях. Было отловлено почти сорок пум, которых затем пометили и выпустили для дальнейших наблюдений. Эти и им подобные исследования должны дать достаточно материала для вы-

работки действенных мер по охране и поддержанию животных этого вида в будущем.

На противоположной стороне континента в последние годы появилось много сообщений о песочно-коричневатых длиннохвостых кошках, которых видели в лесистых и горных областях от Нью-Брансуика до южных отрогов Аппалачских гор. Хотя восточный подвид пумы считался вымершим вот уже шестьдесят лет, большинство маммологов склонно думать, что несколько экземпляров все-таки могло уцелеть в малодоступной глуши. И если взять их под защиту, они могли бы вновь заселить те части своего прежнего ареала, которых еще не коснулась цивилизация.

Гризли *(Ursus horribilis)*

Истинный монарх дикой глуши, медведь-гризли * весит от 200 до 450 килограммов, вооружен грозными зубами и когтями и отличается непредсказуемым поведением. Горб на плечах и вдавленный профиль придают его внеш-

* Гризли, как и следующий описываемый медведь,— подвиды, относящиеся к одному виду бурых медведей *Ursus arctos*, обитающему и в Евразии.— *Прим. ред.*

ности особое своеобразие. Косматая шерсть бывает всех оттенков — от кремового до почти черного.

В конце XVIII века ареал гризли охватывал почти весь запад Северной Америки — от Аляски до севера Мексики, доходя на востоке до обеих Дакот и Миннесоты. Конечно, первые поселенцы на Западе не могли терпеть по соседству с собой такого огромного и опасного зверя, и они объявили гризли беспощадную войну. Большое число этих медведей было истреблено во время калифорнийской «золотой лихорадки», так как старатели скоро убедились, что их мясо вполне съедобно, а шкура служит отличной постелью.

На давно заселенном испанцами юго-западе вакеро (конные пастухи) из лихости иногда ловили гризли живьем, заарканивая их лассо с лошади. Лассо накидывалось на все четыре лапы, и растянутый на земле медведь оказывался совершенно беспомощным. Тогда его крепко связывали и торжественно везли в ближайший городок, где нередко приковывали цепью к столбу на потеху зевакам.

Не менее удивительна и эпопея массачусетского сапожника Адамса, прозванного Гризли Адамсом. В эпоху «золотой лихорадки» он отправился на Запад и разбил свой лагерь в калифорнийских горах Сьерра-Невада. Он был бесстрашным охотником и убил много гризли, но интересно другое: он поймал нескольких медвежат и приручил их. Его ручная медведица Леди Вашингтон сопровождала хозяина в охотничьих экспедициях и тащила на спине все снаряжение. Другого своего ручного гризли по кличке Бен Франклин он с нежностью называл «украшением своего медвежьего племени, моим верным другом, опорой и спутником моей старости». И действительно, Бен Франклин однажды спас жизнь своему хозяину, схватившись с диким гризли, который на него напал.

С появлением на Западе домашнего скота некоторые гризли принялись нападать на коров и овец. Скотоводы боялись и ненавидели их даже больше, чем волков, и охотились на них так же беспощадно. Такие гризли иногда причиняли значительный ущерб. Один из самых знаменитых, Старик Моуз, колорадский гризли, почти 35 лет наводил ужас на обширную горную область. Его след узнавали по отсутствию двух пальцев на лапе. По слухам, за долгое время своего тиранического царствования он задрал по меньшей мере восемьсот коров, много лошадей и овец, а также убил пятерых людей. Хитрый и лов-

кий, он, точно призрак, ускользал от охотников, мечтавших получить тысячу долларов назначенной за него премии. Только в 1904 году охотник, собакам которого удалось остановить Старика Моуза, всадил восемь пуль в старого разбойника и положил конец его подвигам.

Постоянные преследования, естественно, приводили к тому, что гризли становилось все меньше, и в одном штате за другим они исчезали вовсе. Калифорния, чей флаг и печать украшены изображением этого медведя, потеряла своего последнего гризли около 1922 года, Аризона и Мексика простились с ними примерно тогда же. К началу 30-х годов гризли к югу от канадской границы практически исчезли. Только в национальных парках Йеллоустон и Глейшер и в их окрестностях они еще удерживали клочок своего былого ареала.

В настоящее время в Йеллоустоне обитает около двухсот гризли, а в Глейшере — примерно сто. Несколько медведей бродят по прилегающим диким местам Вайоминга и Монтаны. В Айдахо осталось около пятидесяти гризли, а в Колорадо их не наберется и десяти. Этим и исчерпывается популяция гризли к югу от Канады. Возможно, десятка два этих медведей сохранилось в Мексике в горах Чиуауа. Мексиканское правительство запретило охоту на них, но в 1962 году несколько из медведей, по-видимому, погибло, съев отравленную приманку, которая разбрасывалась там в ходе обычной операции «контроля над хищниками».

Однако гризли в Канаде и на Аляске еще удерживает свои позиции. По последним оценкам, в Канаде имеется от 11 до 18 тысяч гризли, а на Аляске — от 8 до 10 тысяч гризли и больших бурых медведей. В этих северных краях еще сохранились обширные площади первозданной глуши, а именно в ней гризли и нуждаются больше всего. Но кто может сказать, что останется от этих островков нетронутой природы через сто лет?

Последние семь лет два специалиста по диким животным, Джон и Фрэнк Крейхеды, занимались изучением биологии гризли в Йеллоустоне. За это время они поймали более двухсот медведей, либо заманивая их в клетку-ловушку, либо стреляя в них ампулами с транквилизаторами, которые временно парализуют зверя, но не причиняют ему никакого вреда. Пойманные медведи измерялись, взвешивались и метились — кольцом в ухе и татуировкой под мышкой передней лапы. На некоторых, кроме того, надевались ошейники с крохотными радиопередатчиками. По

сигналам такого передатчика можно проследить странствования медведя и узнать многие его секреты. Крейхеды надеются, что их исследования помогут получить сведения, благодаря которым удастся сохранить этих медведей как часть нашей фауны.

Гризли слишком опасны и поведение их слишком непредсказуемо, чтобы современный человек мог позволить им жить по соседству с ним. Тем не менее в Национальном парке Глейшер со времени его открытия в 1910 году побывали миллионы посетителей, и ни разу ни один из них серьезно не пострадал от встречи с гризли. А потом как-то ночью в начале августа 1967 года гризли на протяжении двух часов напали на два лагеря, разделенные расстоянием километров в тридцать, и два человека умерли от нанесенных им ран.

Подобные редкие, но трагические случаи вызывают у многих людей сомнение: а не следовало ли бы ради безопасности посетителей удалить гризли из Йеллоустона и Глейшера? Однако, как правило, гризли причиняют гораздо меньше хлопот, чем «ручные» черные медведи, которые утратили страх перед человеком — как и человек перед ними.

Знатоки гризли рекомендуют тем, кто путешествует в местах их обитания, погромче разговаривать, свистеть или петь: предупредите медведя о своем приближении, дайте ему возможность незаметно уйти. И тогда можете ничего не опасаться — неприятное столкновение с гризли будет практически исключено *.

Большой аляскинский бурый медведь (Ursus middendorffi) и его родичи

Большие бурые медведи Аляски очень похожи на гризли, но у них нет такого заметного горба на плечах, как у последнего. В среднем они даже еще крупнее, и вес самых больших экземпляров достигал 700 килограммов и более. Соперничать с ними за право считаться наиболее

* Причиной нападения гризли на людей были открытые свалки пищевых отбросов. Здесь концентрировались медведи и возникали конфликтные ситуации. Привыкшие находить здесь пищу медведи бродили по палаточным лагерям у кемпингов и иногда нападали на людей. Ликвидация открытых свалок, запрещение подкормки медведей и отстрел агрессивных животных постепенно уменьшают опасность нападения зверей.— *Прим. ред.*

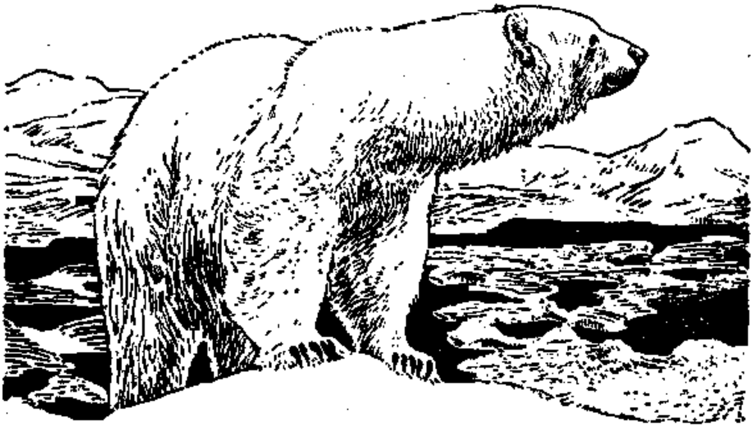
крупными из сухопутных хищников могут только белые медведи.

На побережье и островах от Унимака и полуострова Аляска до северных районов Британской Колумбии обитает не менее восьми подвидов больших бурых медведей. В настоящее время их положение, по-видимому, опасения не внушает, хотя рыбаки и ворчат на ущерб, который они наносят промыслу лосося, а разработка лесных массивов угрожает некоторым частям их ареала.

Кадьякский национальный заказник, включающий острова Кадьяк и Уганик в заливе Аляски, обеспечивает сохранение в неприкосновенности примерно семь тысяч квадратных километров территории, где обитает кадьякский бурый медведь. По заказнику бродит около полутора тысяч медведей, и ежегодно охотники получают разрешение на отстрел 150—200 животных, чтобы поддерживать популяцию в равновесии.

Кадьякский — самый крупный из бурых медведей, но и остальные аляскинские подвиды также отличаются большой величиной. Однако степень их родства между собой, а также с гризли пока еще точно не установлена. Этим храбро занялся в 1918 году маммолог Харт Мерриэм, но, изучив все имевшиеся в наличии черепа и шкуры американских гризли и бурых медведей, он вывел жутковатый итог — 87 наименований! Причем отдельных видов он насчитал не более и не менее как 77! Такие таксономические тонкости только окончательно запутали вопрос, и по сей день никакой ясности внести в него не удалось. Од-

нако современные маммологи считают, что все подвиды гризли и аляскинских бурых медведей вместе с бурыми медведями Европы и Азии входят в один вид.



Белый медведь (Thalarctos maritimus)

Нанук — так называют эскимосы огромного белого медведя, обитающего среди арктических льдов. В былые дни, когда в распоряжении эскимосов было только первобытное оружие, охотник, убивший белого медведя, считался героем, и многие гибли, пытаясь совершить этот подвиг. Взрослый самец, свирепый и опасный зверь, достигает в длину почти трех метров и весит до полутонны. Если верно, что один экземпляр весил, как утверждают, 783 килограмма, то это, бесспорно, был самый крупный когда-либо зарегистрированный медведь.

Белые медведи обитают на льдах и суровых берегах северных земель, окружающих Северный полюс. Значительную часть жизни они проводят на дрейфующих ледяных полях, где подстерегают свою главную добычу — тюленей. До появления в их владениях цивилизованного человека им некого было бояться — кроме разве косаток.

Однако в XIX и XX веках в полярных водах начали все чаще появляться китобои и охотники на тюленей, и количество убитых белых медведей непрерывно возрастало. В 1924 году только норвежские зверобои добыли 714 шкур белого медведя. Теперь эскимосы и северные ин-

дейцы также обзавелись современными ружьями с высокой начальной скоростью пули, заметно облегчившими охоту на свирепых великанов. По этим причинам ареал нанука начал заметно сокращаться.

В настоящее время в Канаде охота на белых медведей разрешается только коренным обитателям Дальнего Севера, которые занимаются ею с тем большим усердием, что цены на шкуры все повышаются. Однако на Аляске белый медведь из законной добычи эскимосов превратился в трофей спортсменов-охотников, которые нанимают опытных проводников и отправляются в свое арктическое сафари на самолете. Чаще всего самолетов бывает два, и они облетают ледяные поля, пока не будет обнаружен медведь. Тогда один самолет приземляется, а другой остается в воздухе — на всякий случай или же для того, чтобы подогнать медведя под выстрел. Охотник выходит из самолета на лед и добывает свой трофей. Несколько минут спустя он уже летит туда, где его ждет топящийся камин и возможность похвастать своим подвигом среди уюта и комфорта. Такие сафари приносят аляскинской экономике сотни тысяч долларов, но их едва ли можно считать спортивной охотой. Клуб Буна и Крокетта, ведущий учет охотничьих успехов, изъял белого медведя из списков учитываемой крупной дичи, пока «нечестная охота» с самолетов не будет прекращена.

Встревоженный поголовным истреблением белых медведей в его штате сенатор от Аляски Э. Бартлетт стал инициатором созыва в Фэрбенксе в 1965 году конференции, посвященной этому животному. В работе конференции приняли участие представители всех стран, на территории которых водится белый медведь,— Соединенных Штатов, СССР, Канады, Дании (Гренландии) и Норвегии. Охотники всех этих стран за предыдущий сезон убили в общей сложности около 1325 белых медведей. Первенство в их охране, несомненно, принадлежит Советскому Союзу, где с 1956 года охота на них была полностью запрещена, не считая незначительного отстрела по специальным разрешениям для научных целей. И только Соединенные Штаты, где около трехсот медведей было убито на побережье Аляски и на ледяных полях, разрешали охоту с самолета *.

* С 1 июля 1972 года на Аляске запрещено применение самолетов при охоте на белых медведей.— *Прим. ред.*

Никто из участников конференции не знал, ни какое количество белых медведей еще осталось в мире (оценки колебались от восьми до двадцати тысяч), ни какой годовой отстрел этот вид может выдерживать без непоправимых последствий. Поэтому делегация Советского Союза настаивала на немедленном объявлении пятилетнего запрещения всякой охоты на белого медведя. После долгих обсуждений конференция наконец выработала следующую программу: каждая из стран-участниц должна принять все необходимые меры для сохранения белого медведя как международного полярного богатства; охота на медведиц с медвежатами полностью запрещается и все страны обязуются продолжить изучение белых медведей, обмениваясь полученными сведениями. Кроме того, принято решение о регулярном созыве подобных конференций и в будущем.

С тех пор изучение белого медведя пошло усиленными темпами. И, что еще важнее, в январе 1968 года в Швейцарии была проведена вторая посвященная ему конференция, на этот раз созванная Международным союзом охраны природы и природных ресурсов. Все это поддерживает надежду, высказанную сенатором Бартлеттом в 1965 г.: «Усилия каждой страны в сочетании с международным сотрудничеством не могут не обеспечить выживание белого медведя» *.

Глава 9

КОПЫТНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Всякое живое существо лучше мертвого —
и люди, и лоси, и сосны. И тот, кто понимает это,
будет оберегать жизнь, а не губить ее.

Генри Дэвид Торо

Копытные животные всегда были добычей, которую человек — охотник ценил выше всего. Мясо оленей, бизонов, антилоп вкуснее мяса большинства других животных,

* В 1971 году было проведено третье, а в 1972 году четвертое совещание по охране и изучению белого медведя. Принят ряд ограничений в охоте и в 1973 году заключено Международное соглашение между Советским Союзом, Соединенными Штатами, Канадой, Данией и Норвегией об охране белого медведя.— *Прим. ред.*

а их выделанные шкуры дают самую лучшую кожу. Первобытный человек изготовлял из их рогов орудия и утварь, а современные охотники украшают ими стены своих комнат.

Каждую осень в Соединенных Штатах миллионы охотников отправляются в леса, надеясь подстрелить оленя,— и у них есть все основания для такой надежды. Около 17 миллионов белохвостых и чернохвостых оленей обитает сейчас в стране, в дни первых поселенцев их было несравненно меньше. Вырубка лесов и появление сочного подлеска привело к возрастанию их численности, чему, кроме того, способствовали строгие правила охоты, уничтожение хищников и современные методы охраны природы. Каждый год охотники добывают свыше двух миллионов оленей. И если бы не это, избыточные олени погибли бы от голода, так как на всех них не хватило бы пастбищ.

Ну, а подвиды с ограниченным, все время уменьшающимся ареалом? А некоторые другие копытные, такие, как карибу, овцебыки и бараны-толстороги? У подавляющего большинства из них дела обстоят не так хорошо.

Белохвостый олень Флорида-Кис
(Odocoileus virginianus clavium)

Самый мелкий из многочисленных подвидов белохвостого оленя, олень Флорида-Кис, имеет высоту в плечах не больше 75 сантиметров, а средний вес взрослой особи колеблется от 25 до 40 килограммов. По величине он уступает крупной собаке. Много веков эти миниатюрные олени обитали в тропических зарослях островов Флорида-Кис, кочуя с острова на остров и находя обильный корм в непроходимой чаще мангров, западных буков и пальм.

Но когда на Флорида-Кис начали селиться люди, в судьбе тамошних оленей произошли печальные перемены. Браконьеры устраивали на них ночные охоты с фонарями или загоняли в воду, чтобы без всякого труда убивать их с лодок. Им не давали покоя стаи собак, а также все растущее число автомобилей, мчавшихся по федеральному шоссе № 1 из Майами на Ки-Уэст. К 1949 году, по наиболее оптимистическим оценкам, сохранилось всего 30—40 оленей Флорида-Кис, и дни их, казалось, были сочтены.

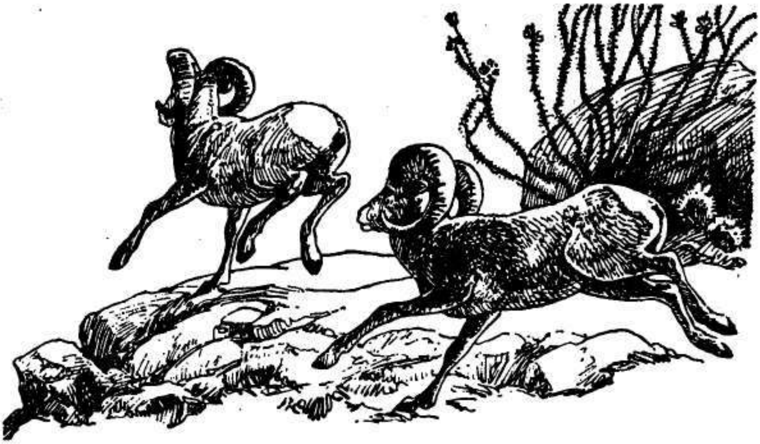
Это глубоко тревожило любителей природы. В 1951 году благодаря совместным усилиям Национального одюбонов-

ского общества, Клуба Буна и Крокетта, Национальной федерации охраны природы и других организаций была создана должность егеря для охраны главных мест обитания этих оленей. Три года спустя федеральное правительство учредило для них заказник на взятой в аренду земле. В том же году Североамериканский фонд охраны дикой природы выделил 10 тысяч долларов на покупку земли под заказник — на острове Биг-Пайн-Ки, где олени были наиболее многочисленны. В судьбе оленей Флорида-Кис наступил благоприятный перелом, особенно после того, как конгресс выделил еще 35 тысяч долларов на расширение заказника.

С тех пор острова Флорида-Кис превратились в популярный зимний курорт. Цены на землю взлетели до небес, и там, где раньше бродили олени, появились здания современных отелей и пансионатов. Однако расширился и заказник. К 1965 году он занимал в целом 2700 гектаров, но почти шесть седьмых этой площади было арендовано — государству принадлежало там менее 350 гектаров. В следующем году Национальное одюбоновское общество получило в дар почти миллион долларов на покупку еще

246 гектаров наиболее подходящей для оленей территории и сразу же сдало эту землю в аренду федеральному правительству для расширения заказника.

Благодаря таким усилиям в настоящее время заповедные заросли населяют около четырехсот оленей Флорида-Кис, и их существование, правда в ограниченном числе, кажется обеспеченным.



Снежный баран, или *толсторог* *(Ovis canadensis)*

Когда Льюис и Кларк в 1805 году побывали в предгорьях Скалистых гор, они увидели там множество снежных баранов. Дивясь ловкости, с какой эти животные взбирались по самым крутым склонам, Льюис записал: «В этих недоступных местах они находятся в безопасности от всех врагов». Однако он забыл про человека. Когда в 40-х годах XIX века в Скалистые горы явились золотоискатели и другие искатели приключений и наживы, они перебили множество толсторогов, потому что мясо их было очень вкусно. Популяция их заметно уменьшилась и продолжала уменьшаться после того, как в предгорьях обосновались фермеры и домашний скот начал оспаривать у них пастбища. Толстороги отступали все выше и выше в горы и в конце концов во многих районах вовсе исчезли.

В настоящее время снежные бараны Далла на Аляске и толстороги Канады как будто сохраняют свои позиции,

но к югу от канадской границы их осталось не более 10 тысяч. Почти все они обитают в наиболее недоступных частях Скалистых гор или на пустынных кряжах Невады и Аризоны. Одюбоновский, или бэдлендский, подвид толсторогов, обитавший в дакотских Блэк-Хилс и в Бэдлендах, полностью истреблен уже давно.

Когда в начале века толстороги стали редкими животными, штаты один за другим начали запрещать охоту на них. Но это не останавливало браконьеров, да и домашний скот продолжал вытеснять их с остававшихся пастбищ. Скученные в своих горных убежищах, они тем легче заражались паразитами и болезнями домашних овец.

Толсторогам требуются обширные площади горных пастбищ, и чувствуют они себя хорошо, только если плотность их популяций достаточно мала. Стоит им сосредоточиться где-нибудь в одном месте, как почти обязательно начинаются опустошительные эпизоотии.

Пустынный толсторог (бледноокрашенный подвид, встречающийся в сухих предгорьях Юго-Запада) находит надежный приют в четырех федеральных заказниках: Кабеса-Приета и Кофа на юге Аризоны, Сан-Андрос в Нью-Мексико и в Дезерт — заказнике, занимающем около шестисот тысяч гектаров пустыни и гор неподалеку от города Лас-Вегас в штате Невада.

Овцебык (Ovibos moschatus)

Снег, лед и лютый мороз — вот обычные условия жизни овцебыка. Когда в плейстоценовый период большую часть северного полушария покрывали огромные ледники, ареал этого небольшого дикого быка доходил на юге до теперешней Пенсильвании и Канзаса. Но с началом отступления ледников овцебыки двинулись вслед за ними на север. В те доисторические времена их ареал охватывал все области суши на Крайнем Севере.

В настоящее время, однако, овцебык давно уже исчез повсюду, кроме Гренландии и канадских арктических областей. Общая численность овцебыков, по-видимому, не достигает и 20 тысяч.

Прекрасно приспособленный к своей суровой среде обитания, овцебык походит на небольшого рыжевато-черного быка с длинной косматой шерстью. Самцы весят от 225 до 400 килограммов, самки — несколько меньше. И у сам-

цов и у самок есть широкие рога, которые загибаются книзу, но острый конец обращен вперед и вверх. Если возникает опасность, овцебыки образуют круг с телятами внутри. Взрослые животные выставляют головы вперед, так что врага встречает кольцо острых рогов. Такая тактика очень полезна при нападении волков или других четвероногих хищников, но охотник с ружьем может спокойно перестрелять чуть ли не все стадо.

К 1865 году этот вид был полностью истреблен на Аляске, численность популяции в других местах тоже резко шла на убыль. Однако бойня продолжалась; только Компания Гудзонова залива с 1862 по 1916 год скупила более 15 тысяч шкур овцебыка.

Канада полностью запретила всякую охоту на своих овцебыков в 1917 году, когда, по самым оптимистическим оценкам, на Американском континенте их оставалось не более пятисот. После этого число овцебыков начало медленно увеличиваться, и в настоящее время их насчитывается около полутора тысяч. Наиболее крупная их группа в несколько сот животных обитает в канадском резервате Телон, расположенном к северо-востоку от Большого Невольничего озера. Подавляющая часть остальной популяции овцебыков живет на арктических островах дальше к северу и на северном побережье Гренландии.

В 1930 году Соединенные Штаты закупили 34 гренландских овцебыка с тем, чтобы восстановить этот вид на Аляске. Сначала животные были переданы на опытную

станцию Аляскинского университета вблизи Фэрбенкса. В 1935—1936 годах стадо перевезли на остров Нунивак, расположенный у побережья Аляски и объявленный резерватом, и выпустили там на свободу. Овцебыки отлично прижились на Нуниваке, и число их там теперь превышает 700. Это примерно столько, сколько может прокормить остров, скудную растительность которого с овцебыками делят домашние северные олени и дикие северные олени карибу. Бюро спортивной охоты и рыболовства в настоящее время предполагает перевезти часть овцебыков с Нунивака на материк для восстановления диких стад Аляски. Часть их можно использовать в экспериментах по одомашниванию — их мягкий густой подшерсток, как говорят, не уступает лучшему козьему пуху.

Американский дикий северный олень,* или *карибу
(Rangifer tarandy)

Весну за весной миллионы карибу огромными стадами по нескольку тысяч голов каждое отправлялись в безлесную канадскую тундру. Там они паслись, и там же самки приносили телят. С незапамятных времен северные индейцы и эскимосы поджидали эти стада у речных бродов

и на перевалах, чтобы запасти мясо и шкуры карибу на много месяцев вперед.

Этих крупных, плотно сложенных оленей с белыми гривами и широкими копытами, приспособленными для ходьбы по глубокому снегу, назвали карибу микмакские индейцы, на языке которых это слово означает «копатель». По-видимому, тут отразилась привычка этих оленей разгребать передними ногами снег, чтобы добраться до лишайников и другого корма. От всех остальных оленей они отличаются тем, что рога у них имеют не только самцы, но и самки. До начала заселения Североамериканского континента европейцами популяция карибу там достигала по меньшей мере нескольких миллионов; некоторые натуралисты полагали даже, что по численности они соперничали с бизонами.

Карибу бродили стадами и небольшими группами почти по всей северной половине континента, и одно время специалисты разделяли их на отдельные подвиды по ареалу и внешним признакам. В настоящее время все они считаются подвидами одного всемирного вида, включающего и евразийского северного оленя. В Америке имеются две основные формы: тундровый карибу, водящийся на севере Канады и Аляски, и лесной карибу, обитающий в лесах дальше к югу.

Некогда лесные карибу встречались в лесах почти всех северных штатов — от Мэна до Вашингтона. Но они давно уже исчезли там почти повсюду из-за интенсивной охоты, а также из-за сведения лесов. До 1963 года последнее надежное сообщение о карибу в штате Мэн было зарегистрировано в 1908 году: в окрестностях горы Катадин видели четырнадцать животных. Затем через пятьдесят лет Департамент охоты штата приобрел в Нью-Брансуике 24 карибу, которые были выпущены на горе Катадин. В течение следующих двух-трех лет их видели в различных местностях, разделенных большими расстояниями, но пока еще рано судить, сумеют ли они выжить и создать новую популяцию в Мэне.

Горстка лесных карибу еще держалась на севере Мичигана до первой мировой войны и в Миннесоте — до начала 30-х годов. В 1932 году в Миннесоте была предпринята попытка ввезти туда саскачеванских карибу, но она не дала результатов. И теперь к югу от канадской границы карибу не осталось совсем, если не считать нескольких десятков, которые время от времени забредают из Канады

в штаты Айдахо и Вашингтон. Но и на большей части своего канадского ареала лесной карибу становится редким животным.

На Аляске популяция тундровых карибу, по-видимому, преуспевает и в настоящее время насчитывает около 300 тысяч животных. Но положение на севере Канады далеко не так благополучно. Там огромные стада тундровых карибу за последнее время катастрофически уменьшились. В 1900 году их там предположительно было два миллиона, а по оценке 1948—1949 годов это число сократилось до неполных 700 тысяч. Цифры, полученные при подсчете в 1954—1955 годах, оказались еще более грозными — всего 280 тысяч животных. Другими словами, за пять лет популяция сократилась более чем наполовину. Канадский департамент охраны природы немедленно предпринял широкие исследования, чтобы установить причины такого сокращения. Тундровые карибу в течение тысячелетий были опорой существования коренных обитателей Дальнего Севера, и исчезновение этих оленей явилось бы для них настоящей катастрофой.

Многие считают, что тут виноваты волки, однако научные исследования ясно показывают, что эти хищники в конечном счете приносят стадам только пользу, истребляя слабых или искалеченных животных. Роковую роль играют лесные пожары, которые уничтожают не только леса, служащие приютом карибу, но и их основной корм — медленно растущие лишайники. Не менее губительны для них и лесоразработки, ведущиеся в местах их зимовок. Однако наиболее серьезную опасность представляет то обстоятельство, что в течение многих лет охота на карибу велась без каких бы то ни было ограничений. Например, в 1955 году, когда вся популяция насчитывала только 280 тысяч животных, было убито около 73 тысяч карибу, что превышало число родившихся телят. Современные скорострельные ружья облегчают бойню, и от пуль погибает гораздо больше животных, чем это необходимо.

Канада все еще оставляет за индейцами и эскимосами право охоты на карибу, обеспеченное в свое время договором, но правительство, пытаясь приостановить сокращение численности стад, запретило охоту на маток и телят и полностью запретило всякую спортивную охоту.

Глава 10

КИТЫ — ИСЧЕЗАЮЩИЕ ГИГАНТЫ МОРЕЙ

...Вопрос заключается в том, долго ли
сможет Левиафан выдерживать столь постоянные
преследования и столь беспощадное избиение,
и не будет ли он в конце концов совсем уничтожен,
и последний кит, подобно последнему человеку,
выкурит свою последнюю трубку и сам исчезнет
с последней затяжкой.

Герман Мелвилл

В настоящее время после нескольких веков охоты на китов они становятся настолько редкими животными, что мировая китобойная промышленность находится на краю гибели. Теперь сотрудники Бюро промыслового рыболовства США, вместо того чтобы убивать китов, загоняют им в слой жира двадцатипятисантиметровые стальные стрелы с номерками. Китам эта операция нисколько не вредит, но, если меченого кита впоследствии убивают и стрелу находят, ученые узнают еще что-то о миграции, продолжительности жизни и смертности китов. Да, положение сильно изменилось с XIX века, когда Соединенные Штаты имели самый большой китобойный флот в мире.

В эпоху наибольшего развития китобойного промысла — примерно с 1825 по 1860 год — сотни американских шхун бороздили океаны в погоне за морскими гигантами. Первое место в этом промысле принадлежало Новой Англии, а главными портами флотилии были Нантакет, Нью-Бедфорд, Нью-Лондон и Мистик. Крепкие китобойные суда нередко проводили в плавании по три-четыре года. Преследуя свою добычу, они нанесли на карту немало новых островов в южной части Тихого океана и весь его открыли для американской торговли и влияния.

Наиболее ценился в то время кашалот, или, как его часто тогда называли, спермацетовый кит, который принадлежит к подотряду зубатых китов. Пятиметровая нижняя челюсть кашалота оснащена коническими зубами, с помощью которых он захватывает свою добычу, главным образом гигантских кальмаров и осьминогов. Пораженный гарпуном кашалот представлял собой грозного противника, действия которого было трудно предугадать. «Либо кит убит, либо шлюпка в щепки!» — говорили китобои, и действительно, немало вельботов было разбито могучим ударом хвоста или сокрушено между гигантскими челюстями.

Иногда нападению подвергался даже корабль. Так, в 1820 году в Тихом океане пошел ко дну китобоец «Эссекс», протараненный разъяренным кашалотом.

Однако китобои охотно шли на риск, так как у каждого кашалота в голове имеется большая полость, заполненная воскоподобным спермацетом — высококачественным жиром, самым ценным продуктом китобойного промысла. Кроме того, у кашалотов гораздо чаще, чем у других китов, в кишечнике попадается амбра — пахучее сыроподобное вещество, за которое фабриканты парфюмерных изделий платили большие деньги.

Хотя в золотой век китобойного промысла наиболее желанной добычей были кашалоты, охота велась еще на четыре вида китов — на двух настоящих китов (в Атлантическом океане и в Тихом), на серого кита и на гренландского. Добывать их было относительно нетрудно, и все они, кроме серого, давали много жира, который перетапливался в ворвань. Вместо зубов их рот снабжен бахромчатыми гибкими пластинами из рогового вещества, которые свешиваются рядами по обеим сторонам верхней челюсти; это так называемый китовый ус, который находил самое разнообразное применение. Из них, например, изготавливались прокладки дамского корсета и гибкая основа для извозчичьих кнутов.

Самому же киту эти пластины служат цедильным аппаратом при добывании корма. Открыв рот, кит набирает в него воду с большим количеством планктона — крошечных рачков и других мельчайших морских животных. Затем кит закрывает рот и выбрасывает воду сквозь бахрому пластин, планктон же на ней задерживается, и кит его проглатывает. Таким способом киты, обладающие этим аппаратом, собирают за день до тонны корма.

К концу XIX века прежний китобойный промысел постепенно захирел. На смену ворвани пришел керосин, а с уменьшением численности кашалотов, настоящих и серых китов китобойные экспедиции начали приносить все меньше и меньше прибыли. Трех-четырехлетние плавания стали коммерчески невыгодными, и китобойные флотилии все сокращались, а в первом десятилетии XX века стали исчезать совсем.

Китобойный промысел в XX веке

Однако возникал китобойный промысел иного типа, опиравшийся на новые методы и оборудование. Пожалуй, решающим оказалось изобретение гарпунной пушки, которая поражает кита тяжелым гарпуном. Располагая таким оружием и быстроходными судами, китобои могли начать успешную охоту на синих и горбатых китов, а также на финвалов, которых прежде оставляли в покое, так как слой жира у них относительно невелик, а сами они очень быстры, поведение их трудно предугадать, и к тому же, убитые, они обычно тонут, а не остаются на поверхности, как настоящие киты. Последнее затруднение было разрешено следующим образом: в убитого кита накачивают воздух сразу же, как только в нем угаснет жизнь.

Поскольку в тропических водах киты почти исчезли, центр китобойных операций в 20-х годах переместился в антарктические моря. Тогда же возникла и была осуществлена идея плавучих баз. Эти огромные суда представляют собой и склады и фабрики, производящие полную обработку китовых туш, а кроме того, они снабжают и обслуживают целую флотилию небольших китобойцев, длиной от тридцати до пятидесяти метров. Новые методы обработки открыли и новые области для применения китовых продуктов. Теперь жир начал применяться для приготовления мыла, косметических кремов, красок, взрывчатых веществ и пищевых жиров. Мясо обрабатывалось для употребления в пищу людьми (в Японии) или шло на изготовление собачьих галет и тому подобное, а скелет перерабатывался в костную муку и клей.

К 30-м годам в Антарктике в среднем ежегодно добывалось свыше 40 тысяч китов. При таких темпах китобойная промышленность сама подписывала себе смертный приговор — мировая китовая популяция не могла бесконечно выдерживать подобный ущерб. Настоятельная потребность в международном соглашении и об охоте на китов стала особенно ясной после сезона 1937/38 года, когда по всему миру было убито около 55 тысяч китов.

Вторая мировая война дала китам столь необходимую им передышку. После ее окончания в 1946 году как первая серьезная попытка ввести какое-то регулирование китобойного промысла была создана Международная китобойная комиссия, под эгидой которой страны-участницы устанавливают собственные правила и верхний предел добычи

на каждый год. Обычно главную роль тут играли соображения о том, сколько китов окажется возможным добыть, а не каким их числом следовало бы ограничиться. При комиссии имеется Консультативный комитет из ученых, однако до последнего времени квоты устанавливались более высокие, чем указывалось в его рекомендациях.

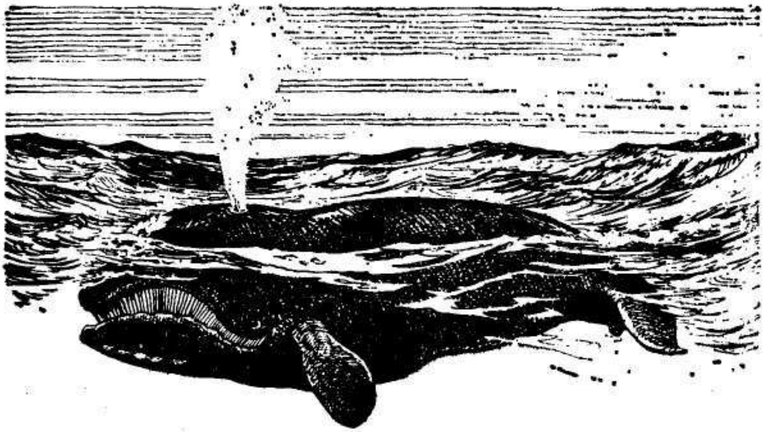
Тем временем методы охоты продолжали совершенствоваться, и китам приходилось все хуже. Теперь на поиски китов с плавучей базы поднимаются вертолеты, а суда оснащены эхолотами, позволяющими следить за китами под водой, радиолокаторными установками и радиопередатчиками для двусторонней связи, облегчающими поиски китов на поверхности. На носу каждого китобойца установлена мощная гарпунная пушка. Гарпун зазубрен, а острие несет заряд, рассчитанный так, чтобы он взорвался в теле кита. Несмотря на всю эффективность подобного оружия, морские великаны, даже и получив смертельную рану, умирают медленно. В настоящее время разрабатываются электрические гарпуны, убивающие почти мгновенно.

В результате применения подобных методов за сорок лет, с 1925 по 1964 год, по всему миру было убито 1,6 миллиона китов. К настоящему времени киты в антарктических водах стали встречаться гораздо реже. И неудивительно! А потому центр китобойных операций начал перемещаться на север Тихого океана. В 1963 году там в общей сложности было убито 18 тысяч китов, что впервые за всю эпоху применения современных методов превысило число китов, добытых в Антарктике.

В 1964—1965 годах в Антарктике действовало пятнадцать полностью оснащенных экспедиций. Два года спустя их там было только девять. Каждый год численность китов продолжает сокращаться. Ряду видов, в том числе синему киту, финвалу, гренладскому и горбатому китам, угрожает полное исчезновение. Номинально охота на гренландского кита ограничена с 1935 года, и все-таки число этих животных на севере Тихого океана, согласно оценке, не превышает тысячи, а в других местах их и того меньше. Горбачей же, китов с шишковатой головой и длинными плавниками, осталось так мало, что Международная китобойная комиссия с большим запозданием полностью запретила охоту на них к югу от экватора: до ноября 1969 года — в Северной Атлантике и до 1971 года — на севере Тихого океана. По-видимому, горбачей в мире осталось всего несколько сотен.

Но даже если бы охота была немедленно запрещена на все виды китов, для восстановления большинства популяций до уровня второй половины 40-х годов, по мнению некоторых специалистов, потребуется пятьдесят лет, если не больше.

«В настоящий момент вопрос стоит критически,— пишет Скотт Мак-Вей, посвятивший много лет изучению китов и китобойного промысла.— И в отношении не только антарктических вод, но и всего будущего китобойного промысла... Если эта лишь весьма условно ограниченная охота будет продолжаться, то единственный вид, еще сохраняющий экономическое значение — кашалоты, более 250 тысяч которых было убито за последние двенадцать лет — обречен стать памятником международного безрассудства. Только резкое уменьшение ежегодной квоты и введение строгих правил, которые будут неукоснительно соблюдаться, еще может обеспечить выживание последних из больших китов».



Настоящие киты — южный _(Eubalaena glacialis)_ **_и японский_** _(Eubalaena sieboldi)_

Настоящие киты получили свое название потому, что в старину они считались хорошей, настоящей добычей. В них было много жира, они двигались относительно медленно, а потому к ним нетрудно было приблизиться на бросок гар-

пуна; они нелегко приходили в ярость, и вдобавок ко всему, убитые, оставались плавать на поверхности.

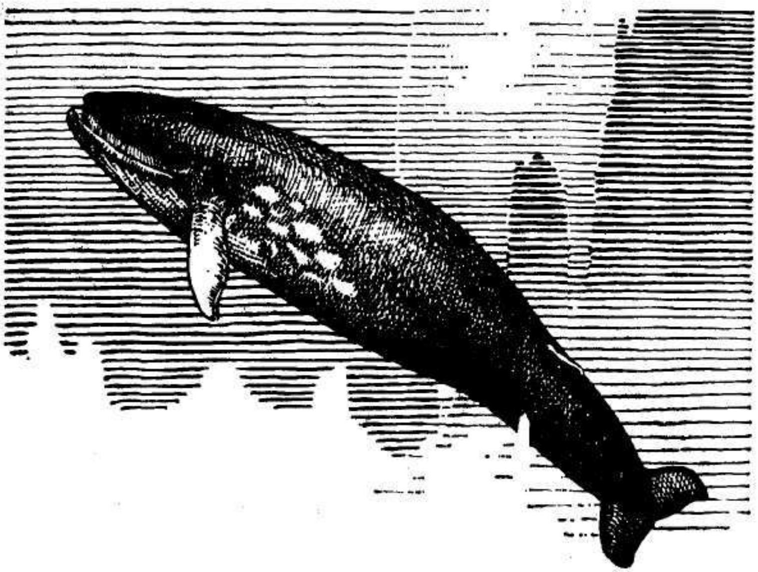
На атлантического настоящего кита охотились еще в средневековье, и к 1700 году он в европейских водах уже практически не встречался. Американские поселенцы начали преследовать его не менее рьяно, и во второй половине XIX века он почти перестал встречаться и в западной части Атлантики. Китобойная конвенция 1935 года требовала полного запрещения охоты на этого кита, к тому времени превратившегося в такую редкость, что китобоям почти никогда не выпадало случая убить его. В наши дни, по мнению экспертов, популяция настоящего кита насчитывает всего несколько сот животных в Атлантическом океане и примерно столько же в Тихом. Правда, можно указать на один обнадеживающий факт: после столетнего перерыва эти киты начали все чаще появляться в прибрежных водах Кейп-Кода.

Серый кит (Eschrichtus glaucus)

Жители Тихого океана, серые киты, проводят летние месяцы, нагуливая жир в районе Берингова моря. С приближением зимы они мигрируют на юг — к берегам Кореи в Азии и Калифорнии в Северной Америке. Плывя в непосредственной близости от берега, серые киты заходят в защищенные лагуны — чаще всего в лагуну Скаммон в Нижней Калифорнии — и там приносят детенышей, спариваются и зимуют.

Регулярно истреблявшиеся на протяжении XIX века серые киты почти вымерли уже к 1890 году, когда прежний китобойный промысел практически прекратился. Начало эры новых китобойных операций сказалось на серых китах более чем неблагоприятно, и к 1930 году в восточной части Тихого океана их остались считанные десятки. После полного запрещения охоты на них численность серых китов в американских водах обнадеживающе увеличилась. По подсчету, проведенному в 1954 году, их было примерно 4500, а в настоящее время калифорнийское стадо насчитывает, по-видимому, около 8000 животных.

Особенно удобно наблюдать миграцию серых китов с мыса Лома под Сан-Диего. С декабря по февраль киты проплывают мимо этого мыса поодиночке или небольшими группами, нередко всего в одном-двух километрах от берега. И каждый год тысячи людей поднимаются там на смотровую башню, чтобы полюбоваться морскими великанами.

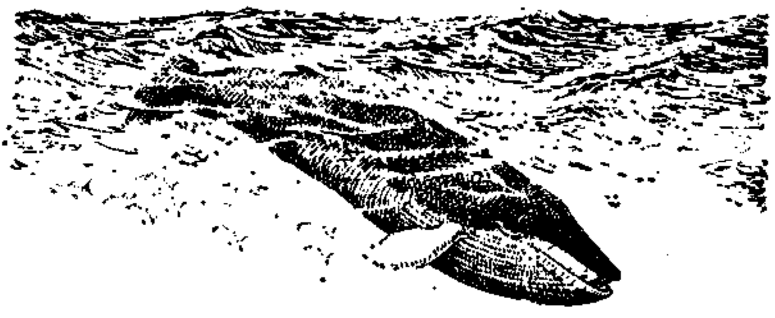


Синий кит (Sibbaldus musculus)

Самое большое животное, когда-либо обитавшее на Земле,— колоссальный синий кит — достигает порой 30 метров

в длину и веса свыше 130 тонн. Встречается он во всех океанах, но в исторические времена особенно многочисленным было стадо антарктических вод, где до начала новой эры в китобойном промысле китобои его почти не тревожили. Но в XX веке было убито по меньшей мере 325 тысяч синих китов; наиболее высокая цифра — 29 410 китов — приходится на сезон 1931—1932 года. С этого времени ежегодная добыча синих китов непрерывно шла на убыль. К 50-м годам общая популяция их настолько уменьшилась, что ежегодная добыча, хотя и значительно упавшая, все-таки превышала годовой прирост. В 1960—1961 году антарктические китобойные флотилии добыли около 1700 синих китов, в 1963—1964 году — только 112, а в 1964—1965 году всего 20. В 1966—1967 году, когда охота на синего кита была в этих водах запрещена, их было убито всего четыре. Но в предыдущем году 594 синих кита было добыто китобоями с береговых баз, по большей части в Перу и Чили.

В настоящее время, по мнению экспертов, популяция синих китов, возможно, уменьшилась настолько, что даже полнейшее запрещение всякой охоты и строгое его соблюдение уже не сможет спасти этот вид. В мире сейчас живет, вероятно, около шестисот синих китов. Быть может, к концу нашего века крупнейшее животное нашей планеты будет, подобно динозаврам, представлено только несколькими скелетами в биологических музеях.

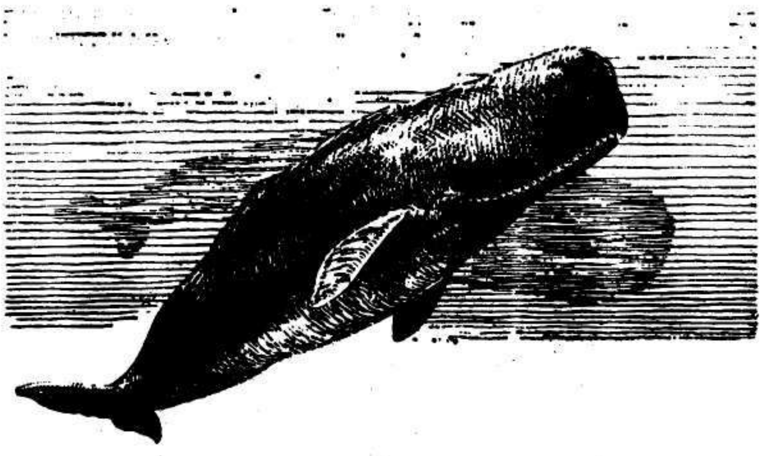


Финвал (Balaenoptera physalus)

Второй по величине из существующих китов, финвал, иногда достигает в длину 24 метра. В начале новой эры китобойного промысла это был, пожалуй, наиболее распространенный из всех крупных китов, и охотились на него

даже с еще большим пылом, чем на синего. С 1947 по 1951 год в Антарктике ежегодно добывалось около 18 тысяч финвалов. Затем, когда синих китов стало меньше, добыча финвалов увеличилась до 25 и более тысяч в сезон. Всего за десять лет, с 1950 по 1960 год, было истреблено почти 240 тысяч финвалов. Как и синие киты, финвалы не смогли выдержать подобного избиения. Ежегодная антарктическая добыча упала в 1963—1964 году до 14 тысяч, в следующий сезон сократилась вдвое, а в 1965—1966 годах не превысила 2500 животных. Если охота на финвалов не будет полностью прекращена, они скоро последуют за синими китами на самую грань небытия.

Если финвал исчезнет, то следующим на очереди окажется менее крупный сейвал *(Balaenoptera borealis)*, обитающий в Антарктике и Тихом океане, так как в настоящее время этот вид возмещает пробел, оставленный синими китами и финвалами. В 1964—1965 году было убито около 20 тысяч сейвалов из популяции, насчитывающей, по-видимому, не более 60 тысяч животных.



Кашалот* *(Physeter catodon)

Несмотря на беспощадное преследование в XIX веке и критическое сокращение его популяции, выносливый и жизнеспособный кашалот все-таки уцелел. Более того, за первую половину XX века он восстановил свою численность, так что в настоящее время кашалотов добывают

больше всех остальных китов. Возможно, что стойкость в эру антарктических китобойных флотилий объясняется полигамностью этого кита и его миграционными привычками. Самцы кашалоты собирают гаремы самок, и большую часть года стада кашалотов плавают в тропических водах. Самцы, самки и детеныши все вместе. Однако на несколько месяцев самцы отправляются в Антарктику, оставляя самок и детенышей в более теплых широтах, где до самого последнего времени на них почти не охотились. Часть самцов в антарктических водах становилась жертвой китобоев, но остальные возвращались в Атлантический, Тихий и Индийский океаны.

В последние годы, однако, центр китобойных операций переместился на север Тихого океана, и кашалоты вновь оказались в опасности. Ежегодно их добывают не менее 20 тысяч, а добыча 1964 года составила 29 тысяч. Номинально охота на них между 40-м градусом северной широты и 40-м градусом южной широты запрещена, но запрет этот часто игнорируется.

Моби Дик, самый живописный и интересный из всех китов, по-видимому, оказывается и самым жизнестойким. Так пусть же он еще долго останется таким, каким описывает его старинная песня китобоев:

И в штормы и в штиле там право — в силе,
И кит не знает забот:
Он всех сильней, он царь морей,
Владыка соленых вод.

Глава 11

ДРУГИЕ МОРСКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Маловероятно, чтобы человеку, несмотря
на всю его алчность и на всю его технику,
удалось полностью истребить какой-нибудь вид
морских рыб, но одно морское млекопитающее —
стеллерову морскую корову — он во всяком случае
уже уничтожил, а моржу, котику и другим
крупным морским животным, так же
как и многим питающимся рыбой четвероногим,
грозит опасность скорого вымирания.

Джордж Перкинс Марш

Промысловая охота в той или иной степени ведется сейчас только на четырех американских ластоногих — на северного морского котика, на моржа, гренландского тюле-

ня и хохлача. Котик находится под научным контролем и его надежно охраняет международное соглашение. За моржами в настоящее время охотятся только эскимосы и другие коренные жители Дальнего Севера, но даже и эти ограниченные потери оказываются для него опасными. Гренландский тюлень и хохлач в американских водах довольно многочисленны, однако на них ведется значительная промысловая охота, и их популяции год от года неуклонно сокращаются.

Два вида ушатых тюленей западного побережья — сивуч и калифорнийский морской лев — в настоящее время почти перестали служить объектом промысловой охоты, однако канадские и аляскинские рыбаки считают сивучей вредными животными и утверждают, что они рвут сети, а также пожирают лососей и другую ценную рыбу. Поэтому сивучей разрешается уничтожать, если они мешают рыболовству, но новейшие исследования показывают, что главную пищу этих животных составляет рыба, не имеющая промыслового значения.

Рыбаки западного побережья по той же причине недолюбливают обыкновенных тюленей. Аляска выплачивает за этот вид премии, и ежегодно в этом районе их убивают до 60 тысяч.

Из других тюленей в американских водах встречаются морской заяц, кольчатая нерпа и полосатый тюлень — в основном арктические виды. Они имеют большое значение для местных эскимосов, но промысловая охота на них не ведется.

Серые тюлени обитают главным образом в районе Британских островов, а на западе Атлантики существует лишь очень небольшая их популяция численностью около пяти тысяч животных. Большая часть их живет в заливе Св. Лаврентия и севернее, но мелкие колонии встречаются на островках у побережья Мэна. Недавно была, кроме того, обнаружена крохотная группа из 15—20 животных на песчаной отмели у острова Нантакет.

Гораздо многочисленнее всех остальных тюленей в американских водах гренландский тюлень, или лысун *(Phoca groenlandica)*, популяции которого в западной Атлантике составляет, по оценке, почти три миллиона. В Америке его называют еще и оседланным тюленем из-за продолговатых темных пятен на спине. Новорожденных тюленят называют бельками, потому что они покрыты густым мягким белоснежным мехом, который очень ценят охотники на тю-

леней. Но сохраняется он только первые девять дней жизни тюлененка. Затем детеныш линяет, меняя свой белый наряд на короткий серый мех в темных крапинах, который и сохраняет до наступления половой зрелости.

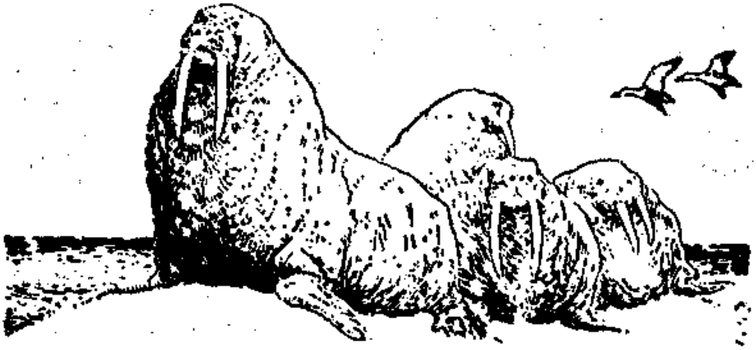
Существуют три совершенно отдельных стада гренландского тюленя. Два из них обитают у арктического побережья Европы; третье и самое большое проводит лето в арктических водах у берегов Гренландии, а с наступлением зимы откочевывает на юг, к местам своих традиционных щенных залежек в заливе Св. Лаврентия и у восточного побережья Ньюфаундленда.

В этих водах охота на гренландского тюленя ведется более двухсот лет. Некоторое представление о его былой численности дает следующий факт: в 1831 году у Ньюфаундленда было добыто свыше 687 тысяч тюленей. И почти наверняка подавляющее большинство из них было гренландскими тюленями, хотя среди них могли попадаться и хохлачи, также встречающиеся в этом районе. Мех молодых хохлачей голубовато-серебристый, и они также имеют промысловую ценность.

В старину охота на тюленей у берегов Ньюфаундленда и в заливе Св. Лаврентия была тяжелым и опасным делом, потому что суда часто попадали в торосящиеся льды, которые в любой момент могли их раздавить. Современный тюлений промысел также нелегок, но сопряжен с заметно меньшим риском. Впереди промысловых судов, прокладывая им путь, идут ледоколы, а охотники на ледяных полях постоянно поддерживают радиосвязь со своим судном. Воздушная разведка обнаруживает стадо, и вертолеты курсируют между судами и ледяным полем, перевозя охотников, снаряжение и шкуры. В целом каждую весну в этих водах все еще добывается более 300 тысяч гренландских тюленей, в подавляющем большинстве бельков. Ведут этот промысел главным образом Канада и Норвегия.

В последние годы в канадской печати развернулась широкая кампания возмущения против способа, каким убивают морских малышей (их бьют дубинками и сразу же обдирают). Кроме того, значительную тревогу вызвало сокращение стад. В настоящее время Канада ограничила добычу тюленей в заливе Св. Лаврентия 50 тысячами в год и ввела особые правила и инспектирование, чтобы обеспечить более гуманные способы их умерщвления. По-видимому, популяция тюленей в заливе Св. Лаврентия теперь стабилизировалась.

Однако основная охота на тюленей все еще ведется в международных водах у восточного берега Ньюфаундленда, и там не существует ни ограничений, ни правил. Стада уменьшаются с каждым годом, и если истребления их не прекратить, то в течение ближайших тридцати лет мы можем оказаться свидетелями полного уничтожения миллионов гренландских тюленей. Подсчеты с самолетов показали, что в ньюфаундлендских водах в 1961 году самки принесли всего 315 тысяч детенышей, тогда как за десять лет до этого их было 750 тысяч. Эти цифры указывают на сокращение популяции с трех миллионов до миллиона с четвертью, и сокращение продолжается. Для спасения гренландского тюленя, как и для спасения китов, необходимо международное соглашение.



Морж (Odobenus rosmarus)

В колониальные времена моржи иногда забирались довольно далеко на юг, появляясь на берегах штатов Мэн и Массачусетс. В 30—40-х годах XVII века суда Массачусетской колонии ежегодно отправлялись к острову Сейбл у Новой Шотландии добывать клыки и жир «морских лошадей». В результате эти гигантские ластоногие уже давно отступили далеко на север.

В настоящее время атлантические моржи встречаются на северных берегах Гудзонова залива, на Лабрадоре и дальше вплоть до западного побережья Гренландии. Общее число их оценивается в 20—40 тысяч животных, а эскимосы и другие коренные жители Дальнего Севера добывают ежегодно в среднем 2500 моржей.

У тихоокеанского моржа клыки длиннее и менее расходятся, чем у атлантического, и он считается особым подвидом. В настоящее время ареал этого моржа охватывает Берингово море, северные и западные берега Аляски и побережье полярной Сибири. Моржи — традиционная добыча эскимосов, но их бьют и охотники на тюленей, так что стада их в течение многих лет становились все меньше и меньше. Еще в 1881 году маммолог Э. Нельсон, сотрудник Бюро биологической службы США, подсчитал, что за предыдущие девятнадцать лет в аляскинских водах была истреблена половина тамошней популяции моржей. Только на островах Прибылова до 1890 года каждый сезон добывалось свыше пяти тысяч килограммов моржовых клыков.

Последние подсчеты показывают, что на американских берегах Берингова пролива еще осталось примерно 15 тысяч тихоокеанских моржей, и, вероятно, столько же их обитает на его сибирских берегах. Аляскинские эскимосы убивают каждый год около 1300 моржей, а в Сибири их добывают около пяти тысяч в год *. Даже и в наши дни охота на моржей приводит к напрасной и бесполезной гибели многих животных, поскольку подстреленный на льдине морж часто соскальзывает в воду и тонет. В среднем по крайней мере одно из каждых трех убитых животных не достается охотнику.

Теперь моржовая охота ведется главным образом из-за высокой цены на их клыки. Необработанный клык стоит пять и более долларов за килограмм, а клыки крупного самца нередко весят 9—10 килограммов каждый. Клык же, покрытый художественной резьбой, стоит уже от 55 до 220 долларов за килограмм. Каждая страна сама регулирует охоту на моржей в пределах своей территории, но международного договора о их защите не существует. А без такого договора скоро, возможно, защищать будет уже некого.

Гуадалупский морской котик (Arctocephalus philippi townsendii)

Гуадалупский морской котик, несколько уступающий по величине калифорнийскому морскому льву и отличающийся от него более вытянутой мордой, прежде обитал по

* В Советском Союзе добыча моржа строго лимитирована и разрешена только для местного населения побережья Восточной Сибири.— *Прим. ред.*

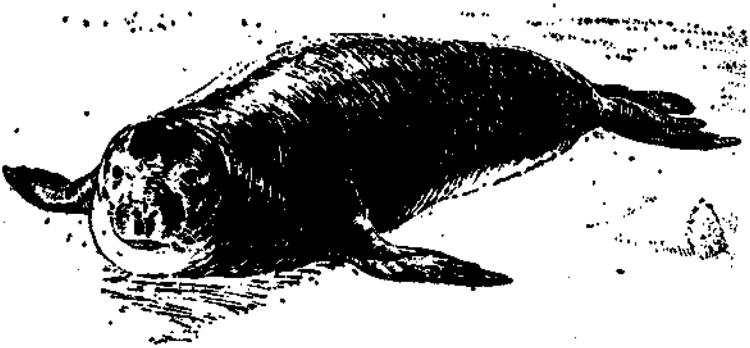
всему южному побережью штата Калифорния и Нижняя Калифорния и круглый год оставался на таких островах, как Фараллон вблизи Сан-Франциско и Гуадалупе у берегов Нижней Калифорнии. Сколько там было котиков, никому не известно, но во всяком случае популяция, несомненно, достигала значительной величины. Только в 1810 году восемь человек убили на Фараллонских островах в общей сложности 33 740 котиков. В конце концов гуадалупских котиков осталось так мало, что охота на них утратила смысл.

Когда Филип Таунсенд, сотрудник американского Музея естественной истории, посетил Гуадалупе в 1892 году, он и его спутники видели там всего семь морских котиков. В течение следующих тридцати лет этот вид считался вымершим или же настолько близким к вымиранию, что его уже можно было сбросить со счетов. В 1922 году Мексика объявила этот остров заказником, но шесть лет спустя там при инспекции не было обнаружено ни одного котика.

Однако в 1954 году на Гуадалупе было замечено 14 морских котиков, а два года спустя — 92. Нет, этот вид все-таки рано было сбрасывать со счетов. Теперь это стадо, находящееся под строгой охраной, насчитывает около 500 животных.

Тропический и гавайский тюлень-монах
(Monachus tropicalis и Monachus schauinslandi)

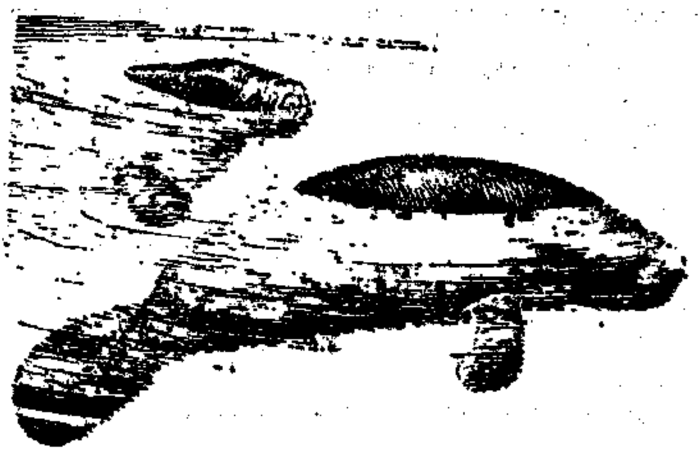
В отличие от многих других тюленей обитатель теплых карибских вод тропический тюлень-монах, щеголяющий серовато-коричневой спиной и бледно-желтым брюхом, ни-



когда не встречался в больших скоплениях. Однако при случае тюленебои добывали его, и уже к 1850 году он превратился в редкое животное. В 1886 году небольшое стадо появилось у островов Триангуло-Эсте вблизи Юкатана, и 49 животных было убито. Еще несколько тропических тюленей-монахов были обнаружены и убиты в том же районе в 1911 году, и Уильям Хорнедей, один из наиболее энергичных защитников дикой природы той эпохи, не сомневался, что этот вид полностью истреблен.

Одиннадцать лет спустя у Ки-Уэста был замечен одинокий тюлень-монах, после чего в течение четверти века никаких сообщений об этом виде не поступало. Однако в 1949 году два тропических тюленя-монаха были как будто замечены к югу от Ямайки, и если верить слухам, ходящим среди рыбаков, не исключено, что несколько тропических тюленей-монахов еще обитают в Карибском море.

Их близкий родственник — гавайский тюлень-монах находится в несколько лучшем положении. Этот вид, обитавший у атоллов Подветренной цепи на севере и западе Гавайских островов, тоже был близок к вымиранию сто лет назад. Но, взятый под защиту, он начал медленно оправляться, и к настоящему времени его популяция насчитывает полторы тысячи животных, а возможно, и больше. Почти все они обитают в пределах Гавайского национального заказника.



Флоридский ламантин
(Trichechus manatus latirostris)

Внешний вид ламантина довольно неказист: обвислые губы, щетинистые, словно надутые щеки, похожие на лопасти весел передние конечности, широкий плоский хвост. Вместе с дюгонями Старого Света и вымершей стеллеровой коровой он принадлежит к отряду сирен, получивших это название за предполагаемое сходство со сказочными морскими девами. Но принять морду ламантина и его грубую черную кожу за лицо и нежную грудь русалки могли, пожалуй, только моряки, успевшие за долгое плаванье несколько подзабыть, как выглядят красивые девушки.

Одно время ареал флоридского подвида охватывал прибрежные лагуны и речные эстуарии с солоноватой водой от Северной Каролины до техасского побережья Мексиканского залива. Другой подвид обитал в Карибском море и у восточного побережья Южной Америки. Ламантин питается только водяной растительностью; это удивительно безобидное животное, которое, если уж его удалось увидеть, очень легко поймать или убить. Большую угрозу его выживанию представлял тот факт, что его мясо, к несчастью, напоминает по вкусу свежую телятину. Индейцы, путешественники и европейские поселенцы рьяно охотились на него из-за его мяса и жира, так что к началу XX века он исчез почти по всему своему прежнему ареалу, а там, где еще сохранился, стал крайне редким животным.

Флорида издала закон, запрещающий охоту на ламантина, еще в 1907 году.

В настоящее время флоридский ламантин обитает только на юге этого штата, и его популяция не достигает и тысячи животных. Немало ламантинов гибнет из-за похолоданий, когда температура воды падает намного ниже нормы, а также под пароходными винтами. Удачливый наблюдатель все еще может увидеть ламантинов в реке Майами или в уединенных уголках Эверглейдса и флоридского побережья Мексиканского залива.

Ученые флоридского Атлантического университета в Бока-Рейтоне последнее время занимались изучением ламантинов в перегороженных каналах, проверяя, нельзя ли использовать их для борьбы с водяными гиацинтами, которые угрожают заполнить все флоридские реки.

Глава 12

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

...Три вещи непостижимы для меня,
И четырех я не понимаю:
Пути орла в небе,
Пути змеи на скале,
Пути корабля среди моря
И пути мужчины к сердцу девицы.

Притчи, 30, 18—19

Гора Блу-Маунтин в пенсильванском графстве Шайлкилл — одно из удобнейших в нашей стране мест для наблюдения миграций дневных хищных птиц. Иногда поодиночке, иногда группами в несколько десятков птиц ширококрылые канюки, направляющиеся на юг, к местам своих зимовок, планируют между горами на мощных бурых крыльях, используя теплые воздушные потоки сентября. В октябре стремительные соколы проносятся темными молниями иногда всего в нескольких метрах над вершиной, а вверху в одиноком величии парит могучий орел. Хищные птицы пользовались этим путем тысячи лет, и в первой трети нашего века гора Блу-Маунтин привлекала множество любителей спортивной охоты. В ясные осенние дни они целыми компаниями взбирались на вершину, чтобы предаться модному развлечению — стрельбе по канюкам. Это была прекрасная забава, а кое-кто еще и считал, что тем самым приносит большую пользу другим птицам

и зверькам. Что ни говори, а канюки и орлы были пернатым эквивалентом волков, лисиц и прочих «вредных тварей», не так ли?

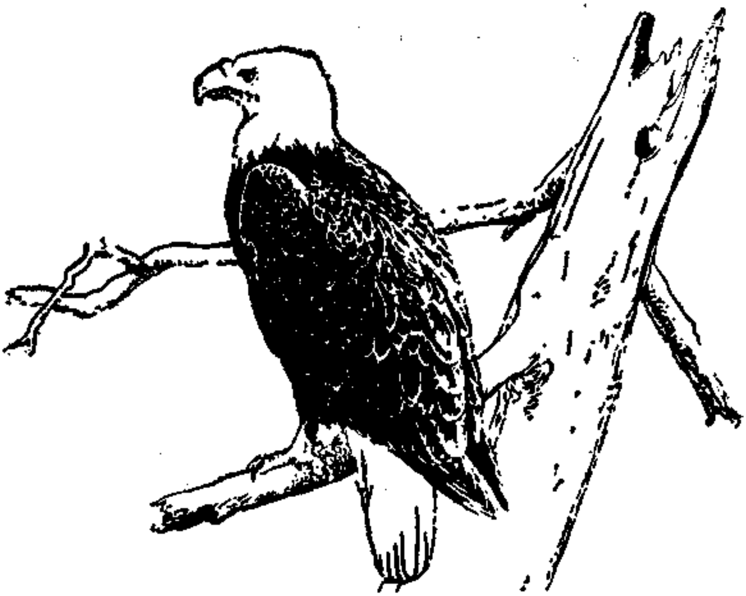
Но в начале 30-х годов верх начала брать более просвещенная точка зрения. В течение многих лет ученые пытались распределить хищных птиц по категориям «полезных» и «вредных» видов, исходя из того, приносят ли они больше экономической пользы или вреда. Однако Олдо Леопольд возмущался такими рассуждениями. «Экономика тут — второстепенный момент,— категорически заявил он.— А главное заключается в следующем: окажется ли лишенная канюков и сов сельская местность пригодной для жизни американцев, имеющих уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть. Канюки и совы — это неотъемлемая часть механизма природы».

С ним соглашались очень многие. И в том числе Розали Эдж, горячая сторонница защиты природы, которая в 1934 году решила воспрепятствовать истреблению канюков и других хищных птиц на Блу-Маунтин. Она добилась годовой аренды на Блу-Маунтин с правом дальнейшего приобретения этой местности в полную собственность, и заручилась помощью Мориса Броуна, молодого орнитолога, который с энтузиазмом взял на себя обязанности егеря, чтобы охранять мигрирующих птиц. Так возник заказник Хок-Маунтин (Гора хищных птиц), пользующийся теперь всемирной известностью.

Как рассказывает сам Броун в книге «Хищники в вышине», в первые годы ему пришлось пережить немало напряженных минут при встречах с негодующими охотниками, которые вовсе не собирались покорно отказаться от любимой забавы. Но постепенно они осознали, что он находится тут, чтобы защищать птиц, и будет их защищать. Все больше и больше людей (и в том числе немало прежних стрелков) начало приезжать туда, чтобы просто наблюдать за тем, как в вышине планируют большие птицы.

Канюки и орлы все еще часто становятся жертвами завзятых любителей палить по чему попало, но современные исследования доказали их истинную ценность в общей системе природы. И теперь подавляющее большинство людей, взбирающихся на вершины в дни миграций хищных птиц, хочет только насладиться изяществом и красотой птичьего полета. К тому же в настоящее время многие виды находятся под охраной закона в тех самых штатах, где прежде за них уплачивалась премия.

Однако, несмотря на все эти благоприятные перемены, число хищных птиц в стране уменьшается. Отчасти в этом по-прежнему повинна ружейная охота. Но гораздо опаснее для хищных птиц тот факт, что человек меняет, а то и портит природу, причем с помощью не только топора, пилы и бульдозера, но и всяких ядохимикатов.



Белоголовый орлан (Haliaeetus leucocephalus)

Царственная птица с размахом крыльев в два с лишним метра взрослый белоголовый орлан носит темно-бурое оперение, и только голова и хвост у него сверкают белизной. Эта долгоживущая птица обычно находит себе пару на всю жизнь и год за годом выводит птенцов в одном и том же громадном гнезде. Питается она рыбой и часто выполняет роль мусорщика, предпочитая дохлую выброшенную на берег рыбу живой добыче.

Некогда ареал белоголового орлана охватывал почти весь континент, и во многих областях он был довольно обычной птицей, но за последнее столетие численность его по ряду причин неуклонно падала. Молодых орланов,

окрашенных в однообразный темно-бурый цвет (белые перья на голове и хвосте появляются у них на четвертом-пятом году жизни), до сих пор стреляют, принимая их за крупных коршунов. Лесоразработки приводят к уничтожению деревьев с гнездами или так тревожат птиц, что они покидают гнездо. К 1940 году количество белоголовых орланов в Соединенных Штатах настолько сократилось, что федеральное правительство издало закон об охране этой птицы, изображенной на гербе страны. Но, несмотря на это, белоголовый орлан продолжал вымирать.

К югу от Канады белоголовые орланы в основном гнездились в Мэне, в штатах, прилегающих к Великим озерам, в окрестностях Чесапикского залива и во Флориде. Именно во Флориде удалившийся от дел предприниматель Чарлз Броли начал с 1943 года окольцовывать птенцов белоголового орлана. Орнитология стала его увлечением. С 1947 года он начал замечать, что число птенцов в гнездах сокращается с пугающей быстротой, а скоро и другие орнитологи столкнулись с тем же явлением. В 1963 году на всем атлантическом побережье Соединенных Штатов, включая Флориду, удалось найти только 230 гнезд белоголового орлана, в которых были кладки, причем многие из этих кладок так и не были насижены. С популяцией этого орлана творилось что-то неладное... И это «что-то» было серьезнее ущерба, наносимого стрелками и уничтожением гнездовых территорий.

Многие орнитологи считали — и по-прежнему считают,— что причиной этой беды было широкое применение ядохимикатов. Яды, распыляемые на обширных участках для уничтожения лесных и полевых вредителей, поглощаются насекомыми и микроорганизмами, которые находятся в основе пищевой пирамиды. Их в свою очередь поедают рыбы и другие более крупные животные, причем в их тканях происходит постепенное накопление яда во все более высоких концентрациях. Иногда такое животное гибнет, иногда просто становится бесплодным. Такая опасная аккумуляция, несомненно, происходит в организме многих орлов и других хищных птиц, так как лабораторный анализ выявил эти яды и в их тканях, и в яйцах.

Встревоженное судьбой белоголового орлана Национальное одюбоновское общество начало в 1960 году широкие исследования, чтобы выяснить, в каком положении находится популяция, и найти средство помочь ей. В начале 1968 года на территории Соединенных Штатов к югу

от Канады было зарегистрировано только 2772 белоголовых орлана.

В настоящее время основная популяция белоголового орлана находится на Аляске. Там эти птицы всегда встречались в большом количестве на морском побережье, где они собираются во время нереста лосося, питаясь мертвыми и умирающими рыбами. С 1917 по 1952 год на Аляске за убитого орлана выплачивалась премия, и за этот срок было уничтожено около 128 тысяч птиц. Но теперь охота на них полностью запрещена и на Аляске, где популяция орлана вновь начала увеличиваться. Регистрация гнезд в 1966 году показала, что популяция белоголового орлана на Аляске исчисляется в 10—15 тыс. птиц.

В настоящее время Национальное одюбоновское общество и Бюро спортивной охоты и рыболовства вместе со многими другими организациями развернули по всей стране кампанию за спасение белоголовых орланов во всех сорока восьми континентальных штатах. Флоридское одюбоновское общество подписало соглашение с землевладельцами, обеспечивающее охрану гнезд более чем на восьмистах тысячах гектаров частных владений в этом штате, а Бюро спортивной охоты и рыболовства и Управление национальными парками на время гнездового сезона закрыло во всех национальных заказниках доступ посетителей в места, находящиеся в непосредственной близости от гнезд орлана, если, конечно, эти гнезда не покинуты. Другие государственные и общественные организации также обеспечивают охрану гнезд белоголового орлана еще во многих районах страны. Кампания эта начинает находить отклик и у широкой публики.

И если удастся что-то сделать для урегулирования и ограничения применения ядохимикатов — а в этом направлении уже предпринимаются некоторые законодательные шаги,— то будущее живой эмблемы Соединенных Штатов станет еще более обнадеживающим.

Американский беркут (Aquila chrysaëtus canadensis)

Беркут, в глазах которого сверкает гордое мужество, а темно-коричневое оперение отливает тусклым золотом на голове и шее,— несомненно, один из самых красивых и величественных пернатых хищников мира. И к тому же один из самых известных, так как его ареал охватывает Северную Америку, Европу, Северную Африку и Азию. В Сое-

диненных Штатах центр его ареала находится на гористом западе страны. Иногда беркут ест падаль, но обычно он охотится на живую добычу.

Овцеводы прозвали беркута убийцей ягнят, но исследования, проводившиеся в Монтане по Программе сотрудничества в изучении дикой природы, показывают, что 37 процентов его пищевого рациона составляют зайцы, еще треть — кролики, а остаток приходится на других мелких зверьков. За несколько лет исследований не было зарегистрировано ни одного случая нападения на овец.

Тем не менее овцеводы издавна привыкли считать беркутов врагами, и переубедить их очень трудно. Многие беркуты зимуют на юго-западе страны, и скотоводы в тех местах ведут с ними ожесточенную войну, убив много тысяч этих орлов — особенно за период с 1940 по 1962 год. Стреляя из самолета, только один техасский летчик за шесть лет убил более 4800 беркутов. Естественно, что их число стремительно уменьшалось, пока в 1962 году встревоженные сторонники охраны природы не добились от Конгресса закона о защите этого вида. К этому времени численность беркута в Соединенных Штатах не превышала 10 тысяч птиц, а возможно, уже упала до 3 тысяч.

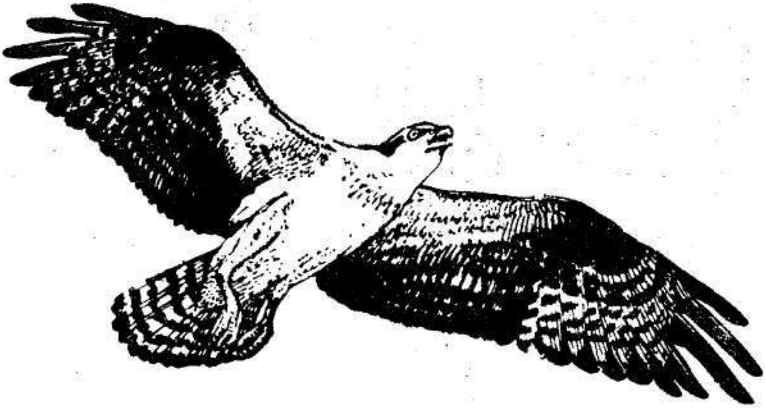
Закон этот уполномочивает министра внутренних дел разрешать сезонную охоту на беркутов для защиты домашнего скота. А потому во многих графствах Техаса и Монтаны в те месяцы, когда ягнятся овцы, отстрел беркутов продолжается.

Недавно Национальное одюбоновское общество, Национальная ассоциация овцеводов и Бюро спортивной охоты и рыболовства согласились провести в течение года совместное углубленное изучение беркута с тем, чтобы точно определить численность популяций, их передвижение, пищевой рацион, а также реальное воздействие беркута на стада домашних овец и коз.

Сапсан (Falco peregrinus)

Распространенный по всему миру красавец сапсан, которого в Америке называют еще утиным соколом, до второй мировой войны гнездился почти повсюду в северо-восточных штатах. Некоторые сапсаны даже устраивали свои гнезда на карнизах нью-йоркских небоскребов. Однако за последние двадцать лет он перестал гнездиться к югу от реки Св. Лаврентия. Орнитологи объясняют сокращение его численности в Северной Америке, как и в некоторых областях Старого Света, широким применением смертоносных ядохимикатов. Популяция канадских полярных областей, по-видимому, пока еще не пострадала.

Близкий родственник сапсана прерийный сокол *(Falco mexicanus)*, обитающий в западных штатах, также с каждым годом превращается во все более редкую птицу.



Скопа (Pandion haliaetus)

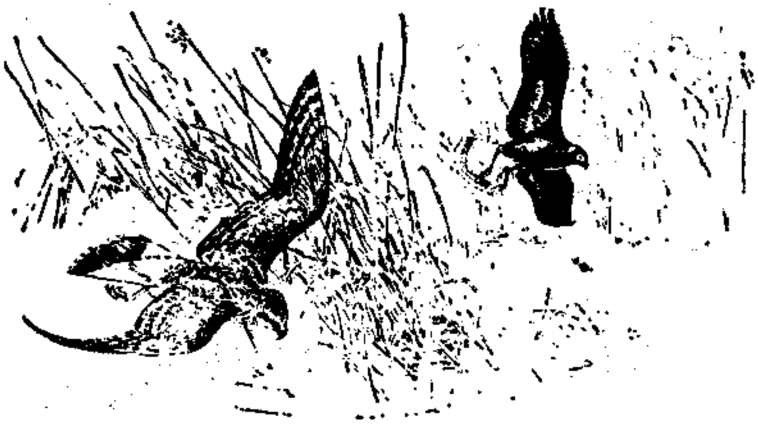
Скопа — это еще один широко распространенный вид, который всюду идет на убыль. Питаясь исключительно рыбой, она обитает у морских побережий и на внутренних водоемах по всему северному полушарию — всюду, где может рассчитывать на свою чешуйчатую добычу. В течение последних двадцати лет численность скопы быстро уменьшалась не только в Северной Америке, но и в Европе — и причина все та же: ядохимикаты.

Орнитолог Роджер Тори Питерсон указывает, что в 1954 году в окрестностях его дома в Олд-Лайме (штат Коннектикут) в радиусе пятнадцати километров было не менее 154 гнезд скопы. Однако десять лет спустя обитаемых гнезд осталось всего семнадцать. Следы ядохимикатов были найдены не только в рыбе, взятой из гнезд, но и в яйцах.

Кроме того, на скопу неблагоприятно воздействуют и другие факторы: спортивная охота, исчезновение подходящих гнездовий и усиливающееся загрязнение воды, влекущее за собой гибель рыб, которыми она питается.

Флоридский коршун-слизнеед
(Rostrhamus sociabilis plumbeus)

В начале 60-х годов флоридский коршун-слизнеед считался, пожалуй, самой редкой птицей Соединенных Штатов. По самым оптимистическим оценкам, этих птиц оста-



валось не больше двадцати — и все они держались в окрестностях озера Окичоби на юге Флориды. Родственные подвиды обитают на Кубе, в некоторых областях Мексики и в Южной Америке.

Алые глаза, оранжевые ноги и широкая белая полоса у основания хвоста позволяют сразу узнать коршуна-слизнееда, когда он парит над тростниками флоридских болот, выискивая крупных пресноводных улиток, составляющих его единственный корм. Увидев улитку, коршун хватает ее и летит на удобную ветку. Там, зажав раковину одной лапой, он тонким крючковатым клювом ловко извлекает моллюска и проглатывает его.

Эти коршуны встречаются только там, где водится много улиток, что, естественно, ставит их в очень невыгодное положение. Многие пресноводные флоридские болота, где улитки благоденствовали, были осушены под сельскохозяйственные культуры. А в последние годы значительная часть воды озера Окичоби, прежде питавшей болота Эверглейдс, стала использоваться для орошения и для городских водопроводов, в результате чего болота начали высыхать. Все это тяжело отразилось на улитках, а тем самым и на коршунах. Значительный ущерб им, кроме того, нанесли охота и возрастающее применение ядохимикатов.

Коршун-слизнеед, занесенный в список видов, находящихся в наиболее критическом положении, держится во Флориде буквально на волоске. Однако осенью 1967 года в районе национального заказника Локсахатчи к югу от

озера Окичоби было зарегистрировано более тридцати гнезд. Такого их числа уже давно никто не видел.

В настоящее время проблемой коршуна-слизнееда во Флориде занимается сотрудник одной из государственных биологических лабораторий. Кроме того, в Патуксенте содержатся в неволе девятнадцать южноамериканских коршунов-слизнеедов. Изучение этих близких родственников флоридского коршуна-слизнееда, возможно, подскажет, как помочь ему выжить в естественных условиях.

Глава 13

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ, БОЛОТНЫЕ И ДРУГИЕ ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ

...Вся Америка заинтересована в наших
перелетных птицах — и пока еще возможно,
мы должны сохранять для них нетронутые уголки,
где они могли бы в привычных для себя
условиях отдыхать и выводить птенцов.

Стюарт Юдолл

В настоящее время в Соединенных Штатах более 300 федеральных заказников, и по меньшей мере 250 из них основаны как убежища для водоплавающих птиц. Они расположены на всех главных миграционных путях и обеспечивают птицам необходимые территории для гнездовий, жировок и отдыха. Той же цели служат и многие заказники, принадлежащие штатам и частным лицам.

И тем не менее в наши дни популяции североамериканских водоплавающих птиц едва-едва держатся. А в большую засуху конца 50-х годов их численность снизилась почти так же резко, как в тяжелые времена после кризиса 1929 года.

Причина тут отчасти заключается в том, что далеко не все болота сохраняются как заказники — наоборот, значительная их часть ежегодно осушается для нужд сельского хозяйства. С 1940 по 1964 год, например, было осушено свыше 18 миллионов гектаров болот, где гнездились утки,— таких невозместимых потерь не может причинить водоплавающей птице никакая засуха. В то же время количество охотников на уток, достигавшее перед второй мировой войной полумиллиона, с тех пор утроилось, если не учетверилось. И птицы оказались между молотом и нако-

вальней: с одной стороны, мест, пригодных для их обитания, становится все меньше, а с другой — охотников они каждую осень встречают все больше.

Для того чтобы их популяции оставались здоровыми, водоплавающим птицам необходимы (причем даже больше, чем прежде) и достаточно обширные площади для гнездовий, и строжайшее регулирование отстрела. В настоящее время этими вопросами занимаются сотрудники Бюро спортивной охоты и рыболовства США, специалисты по водоплавающей птице, а также их коллеги в канадской Службе охраны природы и в мексиканском Департаменте охоты.

Эти учреждения внимательно следят за всеми изменениями численности популяций каждого вида, проводят регулярные учеты — на летних гнездовьях, в местах отдыха и жировок во время осенних перелетов и на основных зимовках. По результатам этих учетов устанавливается продолжительность охоты на этих птиц в различных районах на будущую осень, а также квоты отстрела для каждого вида.

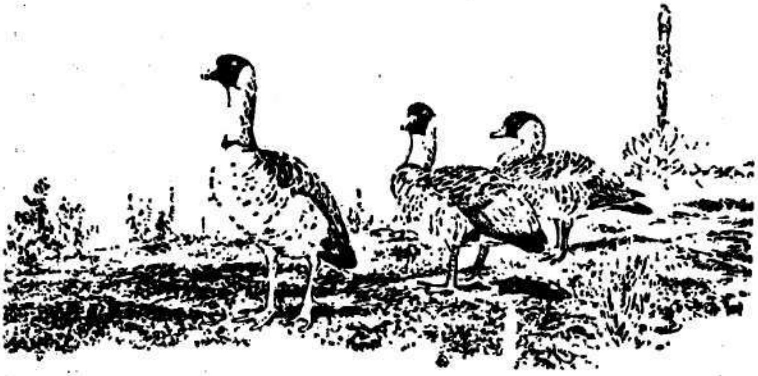
Признавая, что утки, гуси и другие водоплавающие птицы по-прежнему больше всего нуждаются в достаточной площади болот, конгресс в 1961 году утвердил семилетнюю программу приобретения дополнительного миллиона гектаров для заказников. По этому плану государство выделяет средства, которые затем будут возвращаться ему из доходов от продажи охотничьих лицензий. Когда в 1967 году срок действия этой программы истек, было приобретено менее половины намеченной площади, и конгресс продлил программу еще на восемь лет в надежде, что необходимые местности удастся сохранить прежде, чем они необратимо изменятся.

Примером вида, которому грозит гибель из-за потери привычных мест обитания, может служить мексиканская утка *(Anas diazi)*. Ареал этой близкой родственницы обыкновенной кряквы был ограничен юго-западом Соединенных Штатов и некоторыми областями Мексики. В Соединенных Штатах за последние пятьдесят лет она почти исчезла, как и в большей части своего мексиканского ареала, в связи с тем, что места ее обитания были в значительной степени уничтожены эрозией или обращены в поля и луга. Неблагоприятно сказывалась на этом виде и та легкость, с какой происходит скрещивание между ним и более распространенными и агрессивными кряквами.

В настоящее время болото Сан-Симон площадью в 240 гектаров на границе штатов Аризона и Нью-Мексико преобразуется в заказник главным образом для этого вида.

Потеря привычных мест обитания тяжело сказывается и на многих сухопутных охотничьих птицах. Воздействие человека на среду своего обитания, а также современные сельскохозяйственные методы — засевание огромных площадей одной сельскохозяйственной культурой, химическая борьба с вредителями полей и использование каждого клочка земли — не могут не отразиться на этих птицах самым неблагоприятным образом. Степному тетереву, например, для нормальной жизни требуются большие пространства прерий, заросшие высокой травой, но целинной прерии, так же как и болот, становится все меньше.

Некоторые водоплавающие, степные и болотные птицы оказываются в особенно угрожаемом положении, потому что в их ограниченных гнездовых ареалах (например, если они обитают на острове) начинают действовать новые вредные для них факторы. Другим же видам приходится выдерживать целые комплексы неблагоприятных воздействий, как показывают нижеследующие примеры.



***Гавайская казарка,* или *нене* (*Branta sandvicensis*)**

Некогда, в эпоху плейстоцена или в ледниковый период, несколько гусей — возможно, отдаленные предки нынешних канадских казарок — каким-то образом перебрались из Северной Америки на Гавайские острова. Может быть, они заблудились во время перелета с Аляски. Мо-

жет быть, их туда занес ураган. Но как бы то ни было, они очутились там. Приспосабливаясь к условиям своей новой родины, эти гуси перестали быть перелетными и отказались от водного образа жизни. За многие тысячелетия они обзавелись длинными ногами, а перепонку между пальцами почти утратили и со временем превратились в особый вид — гавайскую казарку, или нене.

Первоначальный ареал нене охватывал сухие лавовые склоны вулканических гор на островах Гавайи и Мауи. Когда в 1788 году там побывал капитан Кук, численность казарок достигала 25 тысяч, если не больше. Жители острова постоянно охотились на них, а позже ряды охотников пополнились командами китобойных судов, которые заготавливали гавайских казарок впрок бочками, чтобы разнообразить свое меню, состоявшее из солонины и сухарей. Полинезийцы, а за ними и европейцы ввезли на острова много новых животных — например, коз, рогатый скот, свиней, собак, кошек, крыс и мангустов. Все эти пришельцы оказались врагами нене: они уничтожали их гнезда, которые птицы устраивали на земле, их яйца и птенцов.

В начале XX века популяция гавайской казарки угрожающе уменьшилась. На них все еще разрешалась охота четыре с половиной месяца в году с квотой по шести птиц на охотника в день. В 1911 году охота на них была наконец полностью запрещена, но к этому времени диких гавайских казарок практически не осталось вовсе. Лишь в неволе сохранялось еще несколько птиц.

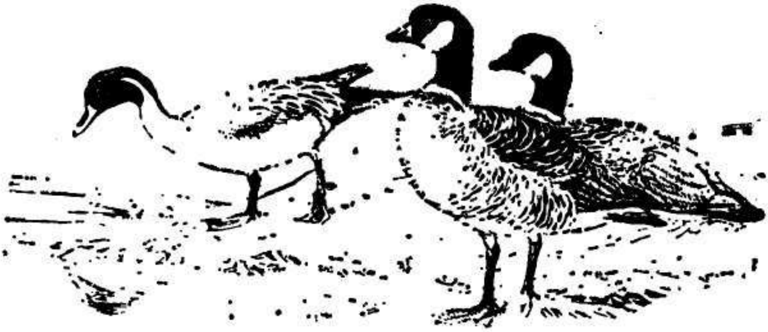
В 1918 году гавайский фермер Герберт Шипмен приобрел пару гавайских казарок, и к 1927 году их у него уже была небольшая стая. Тогда же он передал нескольких нене охотничьему хозяйству на острове Оаху, и там было выращено около тридцати казарок. Большую часть их выпустили там же, на острове, где гавайские казарки никогда прежде не водились, и они быстро исчёзли. В 1946 году почти все птицы Шипмена погибли от цунами; их уцелело всего семнадцать. После этого судьба гавайской казарки, казалось, была предрешена.

Однако в 1948 году на Гавайях были выделены средства для спасения нене, а десять лет спустя конгресс США утвердил дополнительный фонд для изучения гавайской казарки и восстановления вида. Несмотря на эти, правда запоздалые, усилия, в 1959 году, когда Гавайи стали пятидесятым штатом, там оставалось не более полусотни

пене. Тем не менее Гавайи сразу же избрали эту птицу своей эмблемой и предприняли попытку спасти ее — с некоторой надеждой на успех.

Три гавайские казарки из первоначальной шипменовской стаи были в 1951—1952 годах отправлены в Англию, во всемирно известный Слимбрижский центр охраны природы; там под наблюдением крупнейшего орнитолога Питера Скотта, директора центра, нене прекрасно размножились в неволе, и потомство этих трех птиц достигло нескольких сот. Разводили их и в охотничьем хозяйстве штата на Гавайях и в штате Коннектикут на ферме Диллона Рипли, известного орнитолога, ученого секретаря Смитсоновского института в Вашингтоне.

Затем часть этих выращенных в неволе птиц была выпущена на склоны Мауна-Лоа и кратера Килауэа на острове Гавайи и на склоны кратера Халеакала на Мауи. В настоящее время благодаря этой программе популяция гавайской казарки насчитывает уже свыше пятисот птиц, и с каждым годом это число увеличивается. Как заметил Диллон Рипли, это «ободряющий первый пример того, как дикая популяция редкой птицы была пополнена экземплярами, выращенными в неволе».



Канадская казарка с Алеутских островов
(Branta canadensis leucopareia)

Алеутский подвид канадской казарки отличается от всех остальных подвидов не только меньшими размерами, но и более темным оперением, а также более широкой белой полосой на шее. Ее гнездовья располагались на дале-

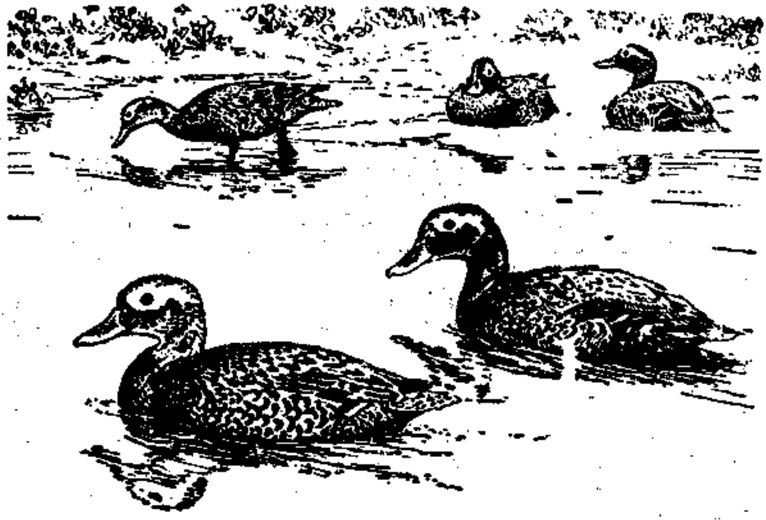
ких Алеутских островах — вулканической цепи, которая протянулась от полуострова Аляска к Японии более чем на полторы тысячи километров. Первоначально алеутская казарка выводила птенцов на островах Амчитка, Кыска, Агатту и многих других. Но по мере заселения Аляски там началось интенсивное развитие пушного промысла, и на многие Алеутские острова были завезены песцы. Они разоряли гнезда алеутской казарки, пожирали ее яйца и птенцов и на большинстве островов полностью истребили этот подвид.

Однако на крохотный остров Булдырь — длиной в шесть километров и шириной в три — песцов выпускать не стали, и в последнее время только на нем были обнаружены гнездовья алеутской казарки. В 1962 году там было зарегистрировано около трехсот птиц — возможно, эта цифра исчерпывала всю их мировую популяцию.

На следующий год специалисты из Бюро спортивной охоты и рыболовства поймали на Булдыре шестнадцать молодых казарок и отправили их на научную станцию Бюро в Монте-Виста (штат Колорадо), где их вырастили. Затем часть их была передана в Патуксент. Там в 1967 году эти птицы вывели птенцов, и 23 из них благополучно выросли. В 1968 году было выращено еще много птенцов, и в настоящее время Бюро планирует вернуть алеутскую казарку в былые места ее обитания, как это было сделано с нене на Гавайских островах. А тем временем на таких островах их прежнего ареала, как Амчитка, Кыска и Агатту, проводится уничтожение песцов, чтобы возвращенные казарки могли без помех прижиться там и выводить птенцов.

Лайсанский чирок (Anas laysanensis)

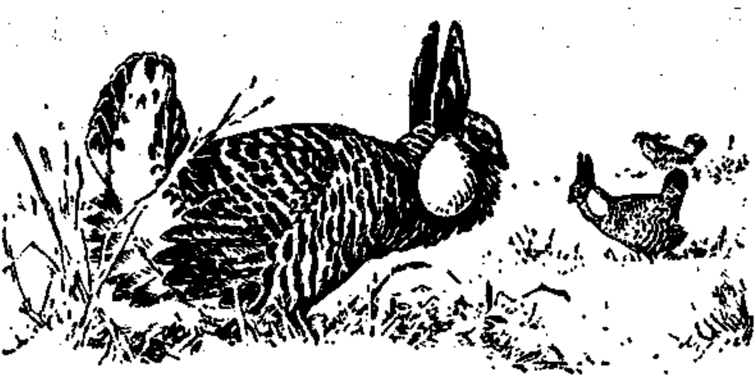
Обитающий только на крохотном островке Лайсан, черной точке в Тихом океане на полпути между островом Мидуэй и Гавайями, лайсанский чирок — небольшая утка в белой маске — населяет его пресноводные озерца. Остров Лайсан, в настоящее время необитаемый, входит в Национальный заказник Гавайских островов. Но в начале века его систематически посещали сборщики гуано, и они завезли туда кроликов, чтобы разнообразить свой стол на то время, которое они проводили там, добывая богатое азотом и фосфором удобрение, создававшееся бесчисленными поколениями морских птиц.



Кролики по своему обыкновению стремительно размножились и уничтожили на острове почти всю растительность, превратив его в настоящую пустыню. В результате вымерло несколько видов птиц — водившиеся только на Лайсане пастушок, мухоловка и цветочница, а лайсанскому чирку едва-едва удалось избежать такой же судьбы. В 1922 году экспедиция Бюро биологической службы обнаружила на острове всего 10 уток. В 1950 году другая экспедиция насчитала их всего 33. Однако к этому времени кроликов там уничтожили, и растительный покров начал медленно восстанавливаться. Согласно последнему учету, на острове обитает от 500 до 700 лайсанских чирков, и не менее 100 их, кроме того, живет в неволе.

Степной тетерев Эттуотера
(Tympanuchus cupido attwatori)

Из трех подвидов степного тетерева восточный подвид вымер в 1932 году. Другой подвид, населяющий прерии Среднего Запада, полностью или почти полностью истреблен практически на всем протяжении своего былого ареала. Третий подвид — степной тетерев Эттуотера — по-видимому, стремительно идет по пути восточного степного тетерева.

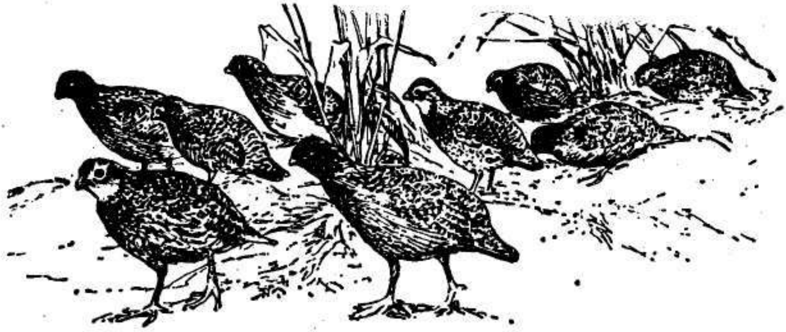


В 1900 году популяция степного тетерева Эттуотера, ареал которой простирался от запада Луизианы до Техаса, насчитывала, судя по всему, свыше миллиона птиц. Компании охотников нередко стреляли их сотнями просто для практики, а потом расходились по домам, оставляя в прерии кучки окровавленных трупов. В те же годы все большие и большие площади целинной прерии, где обитали эти птицы, навсегда исчезали под плугом. Такое двойное воздействие — охота и сокращение среды обитания — оказалось не под силу степным тетеревам Эттуотера. К 1941 году их осталось не больше четырех тысяч.

В настоящее время от их прерий не сохранилось почти ничего. И хотя охота на этих птиц в настоящее время совершенно запрещена, учет 1965 года выявил их всего 750. В том же году Всемирный фонд охраны дикой природы выделил 365 тысяч долларов на покупку в техасском графстве Колорадо 1400 гектаров целинной прерии — участка, достаточного для нормального существования 300—400 птиц. Однако для спасения степного тетерева требуется по крайней мере еще несколько таких же заказников. Только тогда можно будет не опасаться за его будущее.

Масковая виргинская куропатка
(Colinus virginianus ridgwayi)

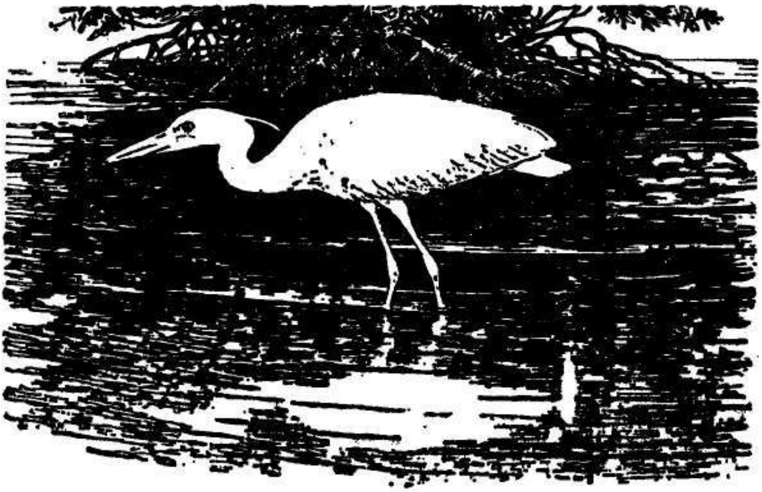
Масковая куропатка — южный подвид виргинской куропатки — отличается оперением самца, почти черным на голове и шее и кирпично-рыжим на груди. С самого на-



чала эта куропатка водилась только на травянистых равнинах южной Аризоны и пограничного мексиканского штата Сонора, но в Аризоне она исчезла уже полвека назад в результате засух и сведения травы, вытоптанной и уничтоженной огромными стадами домашнего скота.

Большинство орнитологов вообще считало ее вымершей. Затем в 1927 году ее вновь обнаружили в Соноре. Как рассказывают, честь этого открытия принадлежит двум натуралистам, которые остановились пообедать в придорожной гостинице и увидели там загончик с масковыми куропатками, которых тут же зажаривали по требованию клиентов. Некоторое время спустя биологи поймали в Мексике несколько масковых куропаток и привезли их в Соединенные Штаты. Эти птицы дали потомство в Нью-Мексико, но попытки выпустить их на волю оказались безуспешными. Аризонский Сонорский музей поставил в окрестностях Тусона опыт разведения этих птиц в неволе, но получил не слишком обнадеживающие результаты.

Однако в Тусоне два брата, Джеймс и Сеймур Леви, сохранили небольшую стаю масковых куропаток и в 1966 году отправили четыре пары их в Патуксент. В том же году в Патуксенте вывелось пять птенцов, которые благополучно выросли, и в 1967 году их было уже свыше сорока. Если размножение в Патуксенте и дальше пойдет столь же успешно, предполагается выпустить часть птиц в подходящих местах в Аризоне.



Флоридская белая цапля
(Ardea occidentalis occidentalis)

Издали флоридская большая белая цапля напоминает обыкновенную белую, но вблизи ее сразу можно узнать благодаря ее величине и желтовато-зеленым ногам. Гнездится она, как правило, в мангровых зарослях и обитает только на юге Флориды, причем в основном на прибрежных островах. Ареал другого подвида охватывает побережье и острова Карибского моря.

Флоридская белая цапля в пределах своего очень ограниченного ареала встречается довольно часто, но охота на нее запрещена. Значительные площади ее привычной среды обитания сохраняются в неприкосновенности в Национальном парке Эверглейдс, а также в заказниках на островах Флорида-Кис. Численность птиц колеблется от сезона к сезону в зависимости от ураганов, в которых гибнут и гнезда, и сами птицы. После сильнейшего урагана в сентябре 1935 года число цапель сократилось до 150. Другой сильный ураган в 1960 году уничтожил примерно половину предполагаемой популяции Эверглейдса. Однако в течение нескольких спокойных лет популяция быстро восстановилась до прежнего уровня.

В настоящее время над южной Флоридой летает около

1500 этих величественных птиц. Около 900 из них живет в Эверглейдсе, а еще 350 обитают в заказниках на Флорида-Кис.

Розовая колпица (Ajaia ajaia)

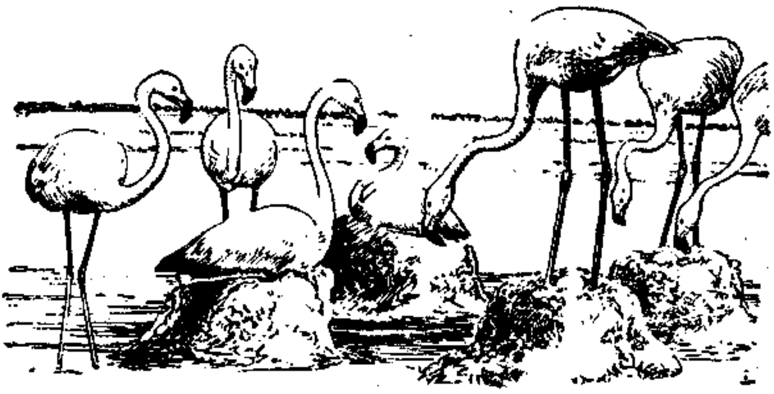
Длинный уплощенный клюв, а также ярко-розовые и карминно-красные крылья делают розовую колпицу одной из самых своеобразных и красивых птиц Северной Америки. Сто лет назад эта птица широко гнездилась во Флориде и по побережью Мексиканского залива, но вот уже пятьдесят лет, как в этой северной части своего ареала она стала редкостью. Вид этот, кроме того, гнездится по всему Карибскому морю, а также по побережьям Центральной и Южной Америки.

Охотники за перьями чрезвычайно ценили розовых колпиц и истребляли их настолько безжалостно, что к началу нашего века они совсем исчезли в Техасе и стали очень редки во Флориде. В конце концов спасенные от окончательной гибели благодаря запрещению торговли перьями, розовые колпицы столкнулись с новой опасностью: болота и мелкие заливчики, где они добывали корм и гнездились, теперь широко осушались под сельскохозяйственные угодья или под застройку.

К 1930 году во Флориде осталось не более тридцати розовых колпиц в единственном маленьком гнездовье на островке Боттлнек-Ки неподалеку от Таверньє. Под охраной одюбоновских служащих их число медленно увеличивается. В настоящее время Флорида может похвастать несколькими сотнями розовых колпиц, которые гнездятся на крохотных заросших манграми островках во Флоридском заливе и дальше вдоль побережья Мексиканского залива.

Около 1920 года розовые колпицы вновь появились в Техасе и образовали гнездовую колонию на островах Вент-э-Эн в Галвестонском заливе. Национальное одюбоновское общество в 1932 году устроило там для этих птиц заказник, где их никто не тревожит. В настоящее время и на побережье Техаса тоже обитает несколько сотен пар розовых колпиц.

Защита и сохранение необходимой среды обитания, возможно, со временем приведут к тому, что розовая колпица вновь расселится по некоторой части своего прежнего ареала, но пока на территории Соединенных Штатов у нее есть только эти два крохотных опорных пункта.



Фламинго (Phoenicopterus ruber)

Немыслимо длинные ноги и шея, изогнутый клюв с черным кончиком и ярко-розовое оперение придают фламинго поистине фантастический вид. Когда-то он гнездился не только на побережье Юкатана и северной части

Южной Америки, но и на многих островах Карибского моря. Некоторые орнитологи считают, что иногда он гнездился и на островах Флорида-Кис. Во всяком случае в XIX веке зрелище летящих фламинго в послегнездовой период было на Флоридском полуострове самым обычным. В наши дни, однако, увидеть там фламинго можно только в неволе и на положении полуручных птиц. Наиболее известна такая стая в парке Хайлеа в Майами.

Для успешного размножения фламинго требуется никем и ничем не нарушаемые тишина и покой. Еще в 1905 году только что возникшая Национальная ассоциация одюбоновских обществ была обеспокоена дальнейшей судьбой фламинго ввиду всевозрастающего наступления человека на места его обитания и обратилась к властям Багамских островов с ходатайством об охране имевшихся там гнездовых колоний этих птиц. В результате в 1905 году появился багамский закон об охране диких птиц. Однако браконьеры продолжали похищать из колоний яйца и птенцов, нередко распугивая взрослых птиц, которые больше не возвращались на свои гнезда. В 1912 году Уильям Хорнедей грустно указывал, что «эти птицы быстро исчезли из Флориды. Из шести больших гнездовых колоний фламинго на острове Андрос в Багамской группе сохранилось только две...».

Однако фламинго еще держались на Андросе до начала второй мировой войны, когда военные летчики завели обыкновение во время тренировок проходить бреющим полетом над гнездовыми колониями просто для того, чтобы полюбоваться розовыми облаками вспугнутых птиц. В результате к концу войны фламинго покинули Андрос.

В настоящее время фламинго оставили еще много прежних гнездовий, изгнанные оттуда наступлением цивилизации. Они все еще гнездятся на Бонайре в группе Малых Антильских островов, на побережье Юкатана, на острове Большой Инагуа, где Общество защиты фламинго на Багамских островах давно старается оказывать им всяческое содействие, и на восточной оконечности Кубы.

В 1966 году больше половины острова Большой Инагуа, расположенного на крайнем юго-востоке Багамской группы, было отдано под Багамский национальный парк площадью около 740 квадратных километров. Это было сделано главным образом для защиты наиболее крупной из сохранившихся гнездовых колоний фламинго, где около 3000 пар вывели в 1968 году около 2500 птенцов.

Глава 14

ДАЖЕ И МАЛАЯ ПТИЦА...

Человек, используя землю, преображал
ее по-своему, и большинство из этих изменений
были вредными для птиц. Некоторые виды...
стали многочисленнее в результате того, что человек
превратил первобытную глушь в города, деревни, парки.
Но на многие виды изменения, внесенные человеком,
подействовали неблагоприятно — они уменьшили
популяции одних местных птиц и вызвали
вымирание многих других.

Джоэл Уэлти

Каждый год в назначенный день во время рождественских или новогодних праздников группы опытных наблюдателей птиц, вооружившись биноклями, записными книжками, справочниками, списками и Питерсоновскими полевыми определителями птиц, еще до рассвета отправляются на особую охоту. Они принимают участие в ежегодно проводящемся по всей стране рождественском учете птиц, который организуется Национальным одюбоновским обществом в сотрудничестве с Департаментами охраны природы США и Канады. В настоящее время в этой операции принимают участие свыше восьмисот групп учетчиков от Аляски и Гавайских островов до южной Калифорнии и Ки-Уэста. Каждая группа учитывает птиц, которых ей удается увидеть в пределах круга диаметром в 24 километра. Обработка всех этих данных позволяет получить общее представление о зимней популяции птиц континента и сведения о росте или сокращении численности отдельных видов.

За движением численности американских птиц помогает следить также их кольцевание, проводящееся по всему континенту. Эту работу начала в 1909 году общественная организация — Ассоциация кольцевания птиц, но в 1920 году руководство этой программой взяло на себя Бюро биологической службы (теперь Бюро спортивной охоты и рыболовства). Оно ведет эту работу в тесном сотрудничестве с Департаментами охраны природы Канады и Мексики. В настоящее время уже окольцовано свыше 20 миллионов птиц, принадлежащих к шестистам с лишним видам. На лапку птицы надевается легкое алюминиевое кольцо с номером и штампом Департамента охоты и рыболовства. До сих пор было вновь поймано или подо-

брано мертвыми почти два с половиной миллиона окольцованных птиц. Сводка этих сообщений составляется на станциях изучения птиц в Лореле (штат Мэриленд), и важность их для получения наиболее полной картины передвижений, ареалов, гнездовых привычек и продолжительности жизни американских птиц невозможно переоценить.

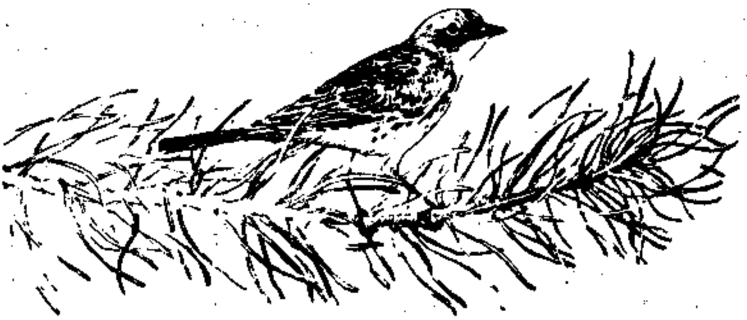
Разумеется, никто не знает точного числа птиц, обитающих в Северной Америке. Опираясь на все имеющиеся данные, включая сводки учетов и результаты кольцевания, орнитологи оценивают современную численность птиц в Соединенных Штатах в 50 миллиардов. Роджер Тори Питерсон считает, что в конце лета после завершения гнездового сезона общая популяция птиц на Американском континенте к северу от мексиканской границы, вероятно, достигает 20 миллиардов.

Может показаться, что такое количество птиц более чем достаточно. И вполне вероятно, что теперь в Соединенных Штатах в целом птиц больше, чем было в эпоху первых поселенцев, несмотря на потерю миллиардов странствующих голубей. Тем не менее, хотя сама эта цифра выше, разнообразие видов в большинстве районов стало заметно меньше. Значительная доля общего числа птиц приходится на горстку особо преуспевающих видов, которым то обстоятельство, что человек расчистил леса и изменил дикую природу, пошло только на пользу. Примером могут служить завезенные в Америку домовый воробей и скворец. Не менее процветают трупиалы, дрозды и воловьи птицы, которые нередко собираются в миллионные стаи. Судя по последним одюбоновским подсчетам, наиболее многочисленными видами в Америке являются скворец и краснаплечий трупиал.

Эти птицы, часто называемые вредными и саранчой невероятно размножились благодаря современной системе сельского хозяйства в Соединенных Штатах, при которой по экономическим причинам огромные площади отводятся под какую-то одну культуру. «Саранчовые» птицы, опускаясь тучами на бесконечные поля риса или других злаков, могут причинить колоссальный ущерб — и причиняют его. Фермеры и специалисты-биологи в борьбе с вредными птицами прибегают к помощи аэрозолей, сетей, ядохимикатов, ружей и разных шумовых средств, но все-таки численность их увеличивается. Ученые изыскивают новые методы, включая использование гормонов, по-

давляющих деятельность половых желез, чтобы ограничить рост этих популяций. Однако в конечном счете лучше всего разрешить эту проблему можно, внеся разнообразие в нашу систему распределения сельскохозяйственных культур.

Но если эти несколько видов угрожающе преуспевают, то многие другие все больше хиреют из-за изменений, которые человек вносит в среду их обитания. И некоторые уже находятся на грани небытия.



Сосновая древесница (Dendroica kirtlandii)

Эта хорошенькая древесница с желтым брюшком и серой спинкой в черных пестринах зимует на Багамских островах. Единственные известные гнездовья сосновой древесницы находятся в пределах нескольких графств на Мичиганском полуострове. Вся ее популяция включает около тысячи птиц.

К тому же гнездовые особенности сосновой древесницы очень специализированы. Она строит гнезда только на земле под группой молоденьких банксовых сосен при условии, что подлесок имеет определенную плотность. А банксова сосна выбрасывает семена, только когда вспыхивает лесной пожар и под воздействием высокой температуры ее шишки раскрываются. В свое время по полуострову время от времени прокатывалась волна естественных пожаров, и все было хорошо. Однако теперь эти леса тщательно оберегаются от огня. Но если нет пожаров, нет и молодых банксовых сосен, а без них нет и сосновой древесницы.

Поджигать лес, чтобы помочь виду — не странно ли? Но именно это и проделывается теперь в местах, где гнездится древесница. Служба охраны лесов США отвела в Гуронском национальном лесном резервате 1605 гектаров под заказник сосновой древесницы, и Департамент охраны природы штата Мичиган выделил с той же целью еще три участка по десять квадратных километров каждый. И теперь там под тщательным контролем периодически устраиваются местные пожары, с тем чтобы банксовы сосны выбросили семена и поднялась новая поросль молоденьких сосен, под которыми древесницы смогут укрыть свои гнезда.

Болотная древесница (Vermivora bachmanii)

Пожалуй, наиболее редкая из певчих птиц в Соединенных Штатах — болотная древесница была впервые описана в 1833 году Одюбоном, назвавшим ее в честь Бахмана, нашедшего этот вид под Чарлстоном (штат Южная Каролина). Это довольно невзрачная птичка с оливково-зеленой спинкой и желтоватым брюшком. Самца отличает черное пятно на темени и горле.

После Бахмана никто не видел этой древесницы еще лет пятнадцать. Собственно говоря, ее наблюдали так

редко, что мы знаем о ней очень мало. Известно только, что она зимует на Кубе и, по-видимому, гнездится в старых лесах по долинам рек на юго-востоке Соединенных Штатов. В начале нашего века ее встречали гораздо чаще, чем раньше или позже, хотя наблюдателей птиц было тогда несравненно меньше, чем теперь. За последние годы болотную древесницу видели всего дважды: одну птицу — под Лортоном в Виргинии, а другую наблюдали и сфотографировали под Чарлстоном в Южной Каролине, где в свое время и был впервые найден этот вид.

Как могло сказаться воздействие человека на этой птице, уже очень редкой? Это никому не известно. Некоторые орнитологи считают, что вырубка лесов по долинам юго-восточных рек в начале нашего века, по всей вероятности, уничтожила значительную часть той особой среды, которая требуется болотной древеснице для успешного размножения.

Удивительная овсянка
(Ammospiza mirabilis)

Судьба этой овсянки, встречающейся только в области пресных и соленых болот на юго-западном конце Эверглейдса, целиком зависит от того, что происходит с крайне ограниченным районом ее обитания. Эта маленькая птич-

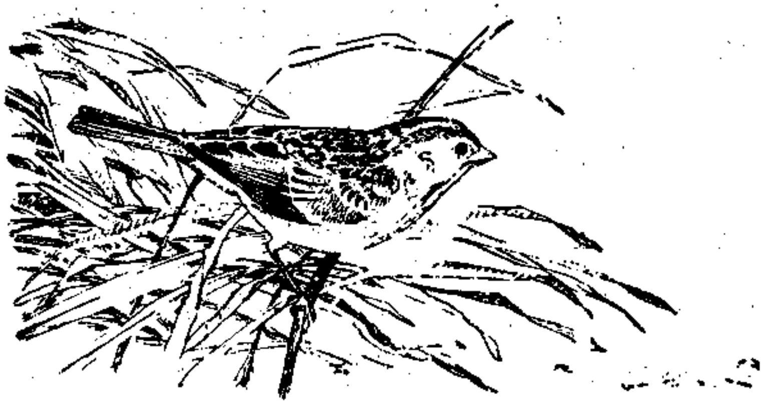
ка с оливково-серой головкой и спинкой и почти белым брюшком оказалась в очень опасном положении из-за засух, пожаров и ураганов, но особенную угрозу для нее представляют проводящиеся в последнее время осушение болот и застройка, лишающие ее необходимой ей среды обитания. По самым оптимистическим оценкам, ее численность не превышает 500—1000 птиц.

Приморская овсянка (*Ammospiza nigrescens*)

Численность приморской овсянки — темноокрашенной птички с полосками на брюшке, обитающей только в соленых болотах вблизи Центра космических исследований на мысе Кеннеди,— в последние годы сильно уменьшилась из-за борьбы с комарами, которая теперь там ведется. Ракетодромов и людей на мысе Кеннеди становится все больше, а потому усиливается и борьба с комарами. В результате эта маленькая птичка, вся популяция которой в настоящее время не превышает пятисот особей, легко может стать первой жертвой космического века среди диких животных Америки.

Островная овсянка (*Passerculus princeps*)

Эта песочного цвета птичка, гнездящаяся только на острове Сейбл у берегов Новой Шотландии, зимует среди дюн на атлантическом побережье Соединенных Штатов вплоть до Джорджии. Она стала уже очень редкой, и, возможно, это объясняется не только размыванием ее



родного острова Сейбл — низкой песчаной отмели, но и застройкой значительной части побережья, где она зимует.

Вымирающие гавайские птицы

Орнитологам давно уже известно, что в исторические времена на тихоокеанских островах вымерло больше видов птиц, чем во всем остальном мире. А из всех многочисленных островных групп Тихого океана сильнее всего в этом отношении пострадали, пожалуй, Гавайские острова.

До того как на прекрасный Гавайский архипелаг обрушилась цивилизация, там обитало около 64 видов местных птиц. В настоящее время орнитологи Роджер Тори Питерсон и Джеймс Фишер насчитали на архипелаге 86 видов птиц, но 36 из них — завезенные. За прошедшие двести лет вымерло целых четырнадцать местных видов. Среди них по меньшей мере четыре разных вида медососовых, восемь видов цветочниц и гавайский пастушок, которого в последний раз видели в 1884 году.

Но этими печальными цифрами история отнюдь не ограничивается. Комиссия Бюро спортивной охоты и рыболовства по редким и вымирающим птицам включила в свой список не более и не менее, как двадцать местных видов, ставших теперь редкими или находящихся на грани вымирания. Некоторые из них оказались в прошлом жертвами ничем не ограниченной охоты и так и не оправились, однако большинству опасность грозит в настоя-

щем: значительная часть их специализированной среды обитания непоправимо пострадала от мелиоративных работ, расширения сельскохозяйственных площадей и лесоразработок. Третьи же не выдерживают конкуренции с более выносливыми ввезенными видами или посягательств таких новых для них хищников, как кошки, собаки, крысы и мангусты.

В течение нескольких лет научный сотрудник Бюро Уинстон Банко изучал на месте положение этих птиц и собирал материал, который может способствовать их сохранению в будущем. И тут следует упомянуть одно обнадеживающее событие: в декабре 1967 года была заново открыта нукупу — цветочница с Мауи, которую в последний раз перед этим видели в 1896 году, а потом долго считали вымершей. Эта редчайшая цветочница, а также несколько представителей других вымирающих видов были обнаружены в долине Кипахулу на острове Мауи. Их там наблюдал Банко и другие члены экспедиции, организованной министерством внутренних дел совместно с Обществом охраны природы.

После этих находок Общество охраны природы развернуло кампанию за приобретение четырехсот гектаров нетронутой земли в этом районе, чтобы устроить там заказник.

Глава 15

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ И ЗЕМНОВОДНЫЕ В ОПАСНОСТИ

Пресмыкающиеся — неотъемлемая часть
первобытной природы, часть той среды,
в которой человек обрел нервную систему и гормоны,
делающие его человеком. Если мы допустим исчезновение
пресмыкающихся, значит, мы готовы допустить,
чтобы исчезла вся дикая природа.
Когда это случится, мы уже не будем
в полной мере человечными.

Арчи Карр

В своей книге «Пресмыкающиеся» герпетолог Арчи Карр с грустью предсказывает: «Если мир и дальше будет идти тем же путем, в один прекрасный день он станет миром без пресмыкающихся. Некоторые люди воспримут это с полным равнодушием, но мне эта перспектива внушает тревогу».

Пресмыкающимся грозит та же основная опасность, что и всей дикой природе — утрата привычной среды обитания в результате деятельности человека. Но этим дело не исчерпывается. По всему миру многие виды крокодилов, морских черепах и больших ящериц систематически и беспощадно уничтожаются в коммерческих целях — с той же безжалостностью, с какой в свое время истреблялись бизоны и странствующие голуби. Опасность для многих других пресмыкающихся, в частности для змей, усугубляется вековыми предубеждениями против них.

По мнению Карра, змеи, возможно, исчезают стремительнее всех остальных позвоночных. В Соединенных Штатах с их густой сетью автомобильных дорог все больше змей погибает под колесами машин. Эта гекатомба бывает особенно велика, когда змеи располагаются на асфальте погреться или же заползают на шоссе, спасаясь от половодья. А сколько змей ежегодно убивают палками только из предубеждения, от испуга или забавы ради — неизвестно никому. Таким образом, общая цифра должна быть колоссальной. Людям, которые измеряют цену природы на деньги, следовало бы задуматься над тем, что змеи, будь то безобидный уж или ядовитая гремучая змея,— это самые деятельные союзники человека в его борьбе с грызунами. А тем, кто боится ядовитых змей, возможно, станет легче (но скорее всего не станет!), если они

узнают, что в Соединенных Штатах ежегодно гораздо больше людей умирает от укуса пчелы или осы, чем от змеиного укуса.

Воздействие человека на природные условия оказывается особенно роковым для пресмыкающихся, приспособленных к жизни в очень ограниченной или специализированной среде. К ним относится, например, подвид подвязочной змеи, обитающей только возле водоемов в окрестностях Сан-Франциско. Вымирание грозит ей потому, что ее естественная среда обитания быстро исчезает в связи с застройкой, проведением водопроводов и обработкой земли. В таком же положении находится и игуана долины Сан-Хоакин.

Черепахи в отличие от змей не внушают нам безотчетного отвращения или страха, и тем не менее мы, как уже отмечалось, бездумно истребляем морских черепах, высоко ценя их мясо, яйца, панцирь, жир и кожу. Положение более мелких пресноводных черепах не столь опасно, хотя некоторые из них, например бугорчатая черепаха, каймановая черепаха и некоторые другие, считаются вполне съедобными и также идут на изготовление черепахового супа. Много тысяч только что вылупившихся украшенных черепашек ежегодно продаются в магазинах. Почти всех их ждет медленная смерть в тесном аквариуме.

Как и другие дикие животные, некоторые черепахи оказываются в угрожаемом положении из-за гибели их естественной среды обитания. Бюро спортивной охоты и рыболовства именно по этой причине поместило в список вымирающих видов пресноводную черепаху *Clemmys muhlenbergii*. Это миниатюрная черепаха с оранжевыми или желтыми пятнами по бокам головы. Она жила отдельными колониями в болотах и сырых низинах от Коннектикута до Северной Каролины и в последние годы стала большой редкостью, потому что значительная часть мест ее обитания была либо осушена, либо засыпана.

Крокодилы — древний отряд, восходящий к эпохе, отделенной от нас сотнями миллионов лет, когда землей владели пресмыкающиеся. Но в настоящее время их численность по всему миру быстро падает. Если этот процесс и дальше будет идти с той же скоростью, как в прошлом веке, через сто лет они могут совсем исчезнуть. В настоящее время миссисипский аллигатор стоит на грани вымирания; несмотря на все запреты, браконьеры продолжают охотиться на него из-за его ценной кожи. Его родствен-

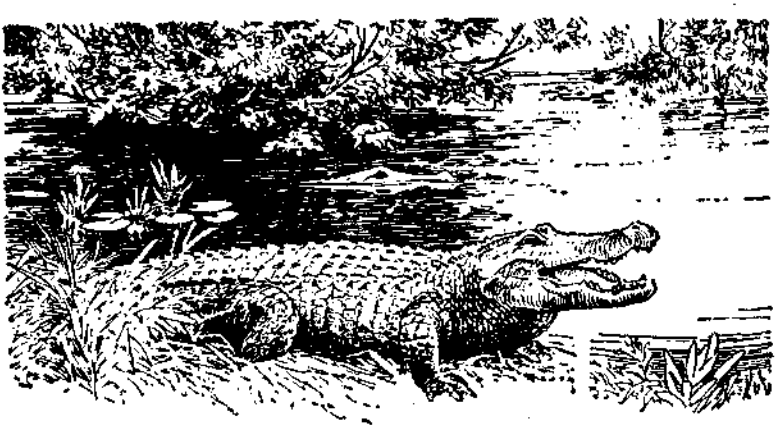
ник, узкорылый крокодил, не выдержал преследований и уже почти не встречается на юге Флориды и на островах Флорида-Кис. Но и в остальной части его ареала — на островах Карибского моря, в Центральной Америке и на севере Южной Америки — дела у него обстоят немногим лучше.

Земноводные — лягушки, жабы, саламандры — по крайней мере часть своей жизни должны проводить в воде. И по мере того как болота осушаются, а в отравленных озерах и реках жизнь оказывается невозможной, земноводных становится все меньше. Те же, чей ареал ограничен, могут быть уничтожены очень быстро, если что-то изменит или преобразит их среду обитания.

Минимум два вида саламандр и один вид жаб в настоящее время значатся в списке животных США, которым грозит вымирание. Первый из них — длиннопалая амбистома Санта-Крус — встречается только в двух районах на побережье Калифорнии, второй — техасская слепая саламандра, призрачно-белое животное с наружными жабрами — обитает только в глубоких колодцах и подземных речках техасского графства Хейс. Жаба — мелкий пятнистый вид, так называемая черная жаба — живет только в калифорнийском графстве Иньо, в долине Дип-Спрингс, со всех сторон окруженной пустыней. Все эти три вида оказались в опасности из-за изменений, которые человек вносит в их очень ограниченную и специализированную среду. А обе саламандры, кроме того, сильно пострадали из-за энтузиазма, с каким биологи ловили их для коллекций.

Чтобы спасти эти и другие виды, можно было бы объявить какую-то часть их местообитания «национальным памятником природы». Закон о животных, которым угрожает вымирание, предлагает именно этот способ спасения видов с ограниченным ареалом. Недавно Техасское общество охраны природы купило пещеру Эзелл, чтобы обеспечить техасской слепой саламандре привычную среду обитания. Если другим пресмыкающимся и земноводным с ограниченным ареалом не будет оказана такая же помощь, они почти наверное все вымрут в ближайшие годы.

Однако для спасения миссисипского аллигатора и зеленой черепахи требуются совсем другие меры.



Миссисипский аллигатор (Alligator mississippiensis)

«И вот он вырывается из тростниковой чащи. Его колоссальное тело вздувается. Высоко вскинутый зубчатый хвост скользит по озеру. Вода каскадом льется из его открытых челюстей. Струи дыма бьют из его расширенных ноздрей. Земля содрогается от его рева». Так пылко и «дымно» описал двести лет назад крупнейшее пресмыкающееся Америки натуралист Уильям Бартрем, который, как правило, в своих наблюдениях бывал точен и надежен.

Во времена Бартрема аллигаторов было множество, и часто они достигали действительно крупных размеров. Длина их, когда они вылупляются из яйца, не превышает 20—22 сантиметров, но затем они увеличиваются на 30 сантиметров в год, пока не достигают длины метра в два, после чего рост продолжается, но уже медленнее. В настоящее время они редко успевают вырасти как следует, но в XVIII веке аллигаторы длиной в четыре метра и больше были вполне обычны. Длина рекордного экземпляра равнялась 5 метрам 84 сантиметрам.

Питаются аллигаторы в основном рыбой, но не брезгуют ни черепахами, ни птицами, ни мелкими зверьками. Даже свиньи, собаки, олени и коровы иногда оказываются жертвами крупных особей. При исключительных обстоятельствах аллигаторы могут напасть и на человека, но неизвестно ни одного достоверного случая, чтобы аллигатор убил человека.

Весной после спаривания самка сооружает холмик из ила и травы и откладывает в углубление на его вершине от 20 до 60 яиц. Затем она остается поблизости и охраняет гнездо, пока детеныши не вылупятся. В отличие от большинства других пресмыкающихся самка аллигатора обычно держится вблизи детенышей весь первый критический год, отпугивая своим присутствием возможных врагов. Взрослые аллигаторы выкапывают на болотах глубокие пруды с длинной норой в одном из берегов. Эти пруды служат спасительным убежищем для рыб и других обитателей болот во время засухи.

Во времена Бартрема аллигаторы населяли реки и приморские болота от Северной Каролины до восточного Техаса. Теперь на большей части своего прежнего ареала аллигаторы исчезли — главным образом потому, что их ожесточенно преследовал человек. Их миллионами убивали ради шкур, которые идут на изготовление дорогих чемоданов, дамских сумочек и других высококачественных кожаных изделий. В XIX веке только во Флориде было убито около 2 500 000 аллигаторов. Но эта цифра покажется скромной рядом с 1 475 000 шкур, которые были добыты во Флориде за десять лет — с 1929 по 1938 год.

Наиболее многочисленна популяция аллигаторов во Флориде, но протоки дельты Миссисипи в штате Луизиана мало ей уступают в этом отношении. С 1940 по 1957 год там было добыто по меньшей мере полмиллиона шкур. И большая часть из них принадлежит аллигаторам метровой длины, то есть еще не достигшим половой зрелости. При таких темпах луизианская популяция с конца 40-х годов до конца 50-х сократилась, насколько можно судить, на девяносто процентов, упав до того уровня, когда два засушливых года подряд могут окончательно с ней покончить. В засушливые годы аллигаторы сосредоточиваются в уцелевших водоемах и, если их не взять под охрану, могут быть все перебиты без особого труда.

Но в южных штатах постепенно осознали, что аллигаторов становится все меньше и меньше. Во Флориде запретили всякую охоту на аллигаторов в 1961 году, а в большинстве других штатов приняты те или иные меры для сохранения еще уцелевших популяций. В Луизиане охота теперь разрешается только в определенных районах в течение двух месяцев в году, причем на животных длиной не менее полутора метров.

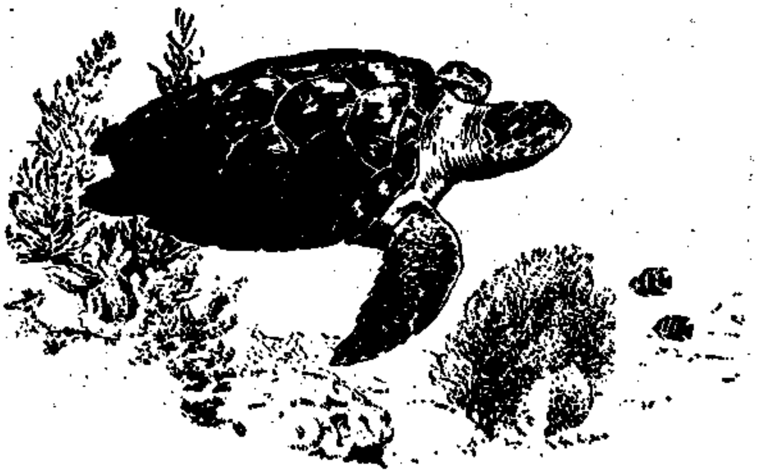
Но, несмотря на эту номинальную защиту, аллигатор продолжает стремительно исчезать из-за браконьеров. Браконьерство теперь поставлено на широкую ногу: охотники за шкурами пользуются быстроходными моторными лодками и радиотелефонами, чтобы предупреждать друг друга о появлении инспекторов. К тому же браконьер, даже взятый с поличным, отделывается предупреждением и незначительным штрафом, после чего он опять спокойно отправляется на охоту. В 1965 году браконьеры добыли во Флориде не меньше 50 тысяч шкур, ценой от двенадцати до двадцати долларов за метр. Только в Майами их было продано не менее чем на миллион долларов.

Лучшей защитой для аллигаторов был бы закон, запрещающий всякое использование их шкур. А если это невозможно, то следует хотя бы уже существующие законы об их охране сделать более действенными. В настоящее время в конгресс внесен билль, который как раз и может защитить аллигаторов именно таким способом: перевозка из штата в штат аллигаторов и других животных, убийство или содержание которых в неволе воспрещается, будет объявлена уголовным преступлением. Как бы то ни было, если браконьеры не будут обузданы в самое ближайшее время, одно из наиболее своеобразных и интересных животных американского Юга сохранится разве что в зоопарках.

Атлантическая зеленая черепаха
(Chelonia mydas mydas)

Морские черепахи, распространенные по всему миру,— это наиболее ценные пресмыкающиеся, во всяком случае с точки зрения человека. А из пяти их видов — кожистая черепаха, логгерхед, ридлея, бисса и зеленая черепаха — самой ценной считается зеленая черепаха. И в результате истребляется она наиболее рьяно. Человек ест яйца зеленой черепахи и ее мясо, использует калипи (хрящ, соединяющий пластины пластрона) для приготовления лучшего черепахового супа, а из кожи лап изготовляет бумажники и другие кожаные изделия высокого качества.

Зеленые черепахи обитают в теплых морях всего мира. Самки выходят на песчаные пляжи, выкапывают гнездовые ямки, откладывают в них яйца и возвращаются в море. Вылупившиеся дней через шестьдесят молоденькие



черепашки сразу же уходят в море и уплывают неведомо куда. Несколько лет спустя достигшие половой зрелости самки возвращаются на родной гнездовой пляж, чтобы в свою очередь отложить там яйца. Именно тогда они главным образом и становятся добычей охотников.

В XVII—XVIII веках атлантических зеленых черепах было очень много, и они откладывали яйца чуть ли не на всех пляжах в юго-восточных штатах и на островах, омываемых теплыми водами. Еще в 1620 году Бермудская законодательная ассамблея вынесла постановление, запрещающее убивать «наших молодых черепах», и объявила противозаконной добычу «столь превосходной рыбы», если ее панцирь был меньше восемнадцати дюймов в поперечнике. Правители этой колонии были предусмотрительны, но все их усилия оказались тщетными: зеленые черепахи давно уже не откладывают яиц на бермудских пляжах. Не выходят они на берег и у мыса Гаттерас, где когда-то их убивали по сто штук в день, и во Флориде, где в 1886 году один охотник добыл в окрестностях Себастьяна 2500 черепах. Короче говоря, на территории Соединенных Штатов не осталось ни одного гнездового пляжа зеленой черепахи, и до недавнего времени вся атлантическая популяция находилась в отчаянном положении. В последние годы для защиты зеленой черепахи были приняты определенные меры, но, насколько они действенны, может показать только будущее.

Тридцатипятикилометровый участок пляжа в Тортугеро (Черепашье Устье) в Коста-Рике — единственный известный гнездовой пляж зеленой черепахи в западной части Карибского моря. В 1957 году костариканское правительство издало закон об охране этой черепашьей детской. В 1958 году по инициативе Арчи Карра, много лет изучавшего морских черепах, было создано частное общество «Братство зеленой черепахи». Члены его затем создали Корпорацию сохранения карибской природы, которая занимается изучением и охраной морских черепах.

Корпорация обеспечила охрану гнездового пляжа в Тортугеро от браконьеров и предприняла длительное и всестороннее изучение зеленой черепахи. Эту научную работу финансируют также костариканское правительство, Флоридский университет, Национальный научный фонд и Научно-исследовательское управление военно-морских сил США. Последнее из названных учреждений интересуется вопросом о том, каким образом зеленая черепаха безошибочно находит путь к родному пляжу, от которого ее отделяют тысячи километров открытого океана.

На пляжах Тортугеро самки, откладывающие яйца, метятся, а кладки охраняются. Часть яиц помещается в инкубаторы, где до них не могут добраться ни двуногие, ни четвероногие хищники. Начиная с 1954 года более четырех тысяч взрослых самок было помечено с помощью металлических блях, прикрепленных к переднему ласту. К настоящему времени вне костариканских вод было поймано около 175 этих черепах *.

Была также предпринята попытка восстановить часть прежних гнездовых пляжей; много тысяч новорожденных черепашек и яиц были доставлены на самолетах в 28 мест, выбранных для этой цели на островах Карибского моря, а также на побережье Южной Америки, Мексики, Флориды и Техаса в надежде, что, выросши, эти черепахи будут возвращаться для размножения туда, где они впервые вошли в море. Почти пять тысяч молодых черепашек были помечены, чтобы можно было получить сведения об их передвижениях и миграциях.

Если эти усилия увенчаются успехом и если зеленая черепаха будет охраняться надлежащим образом, она вновь может приобрести для стран Карибского моря прежнюю экономическую важность.

* Более подробно см. книгу: *Арчи Карр*. В океане без компаса. М., «Мир», 1971.— *Прим. ред.*

Глава 16

ЧИСТАЯ ВОДА И РЫБЫ

Хитроумный испанец говорит,
что реки и обитатели водной стихии были созданы,
дабы мудрецы созерцали их,
а глупцы проходили мимо.

Исаак Уолтон

Как ни скверно обходился человек с землей Америки и ее богатствами, еще более нерасчетливо он портил ее воды — и не только реки, ручьи и озера, но и эстуарии, и приморские болота. «В настоящее время сомнительная честь быть наиболее оскверненной из природных богатств Америки принадлежит воде...— указывалось в «Ежегоднике сохранения природы» министерства внутренних дел.— Почти все наши реки загрязнены сточными водами, илистыми взвесями, промышленными отходами и ядохимикатами, и, вопреки всем и всяческим подтверждениям необходимости очистки и регенерации, мы продолжаем бездумно транжирить наш водный капитал. Наука дала нам знания, но кто научит нас мудрости?»

Реки и ручьи, некогда кишевшие рыбой, сейчас несут отравленные безжизненные воды. Из заброшенных шахт в небольшие речки просачиваются кислоты, превращая их в губительные ловушки для водных животных. В бесчисленные другие потоки стекают смертоносные ядохимикаты, и результат оказывается тем же. В 1966 году в Соединенных Штатах в результате официально зарегистрированного загрязнения водоемов погибло около десяти миллионов рыб. Однако это лишь ничтожная доля множеств, которые тоже погибли от загрязнения, но не были сосчитаны.

Бездумное сведение лесов и неправильные сельскохозяйственные методы привели к быстрому иссушению почвы на многих водоразделах и ее эрозии. И теперь ил затягивает прежние нерестилища и пастбища самых разных рыб; на пути других, чьи нерестилища лежат в верховьях рек, непреодолимым препятствием встают плотины и дамбы. Появилась и новая угроза: атомные установки, охлаждаемые водой; вызываемое этим повышение температуры в реках оказалось роковым для многих видов рыб. А нам обещают, что к 1980 году энергетика будет уже

использовать для этой цели одну пятую всей пресной воды Соединенных Штатов.

На пяти огромных внутренних морях Североамериканского континента — Великих озерах прежде процветало промысловое рыболовство. Однако за последние годы уловы резко снизились — отчасти из-за чрезмерной эксплуатации отдельных промысловых видов, отчасти из-за вторжения в Великие озера через Уэллендский канал морской миноги, но главным образом потому, что пришло время расплачиваться за нашу давнюю привычку использовать эти озера как удобные сточные ямы и свалки.

Теперь все озерные штаты изыскивают способы спасти положение. Недавние исследования, проводившиеся Мичиганским университетом, показали, что причиной гибели почти миллиона мальков тихоокеанского лосося на мичиганском рыбозаводе был ДДТ. После этого организации и учреждения, занимающиеся охраной природы в Мичигане, Висконсине, Иллинойсе и Индиане, договорились в 1968 году о совместных усилиях для действенной защиты озера Мичиган от опасных ядохимикатов. Штаты Мичиган и Висконсин пытаются — и пока успешно — акклиматизировать в Великих озерах один из видов тихоокеанского лосося для развития спортивного рыболовства. Современные научные методы позволили также одержать частичную победу над вредоносной миногой, а Комиссия по рыболовству на Великих озерах занимается восстановлением популяции озерной форели, которая там во многих местах совершенно исчезла. Но все эти мероприятия могут оказаться по-настоящему успешными только в том случае, если все источники загрязнения озера будут взяты под строгий контроль.

Человек также нуждается в чистой пресной воде, и за последние годы широкие слои населения в нашей стране начинают осознавать всю опасность загрязнения рек и ручьев и требовать решительной борьбы с ним. Расходы на очистку и восстановление городских и промышленных сточных вод, взятые в целом по стране, чрезвычайно велики, и кое-кто задает вопрос, а можем ли мы пойти на них. Однако гораздо полезнее было бы спросить: а можем ли мы на них не пойти?

* * *

Морское рыболовство Соединенных Штатов — самый крупный источник пищевых ресурсов страны. Многие

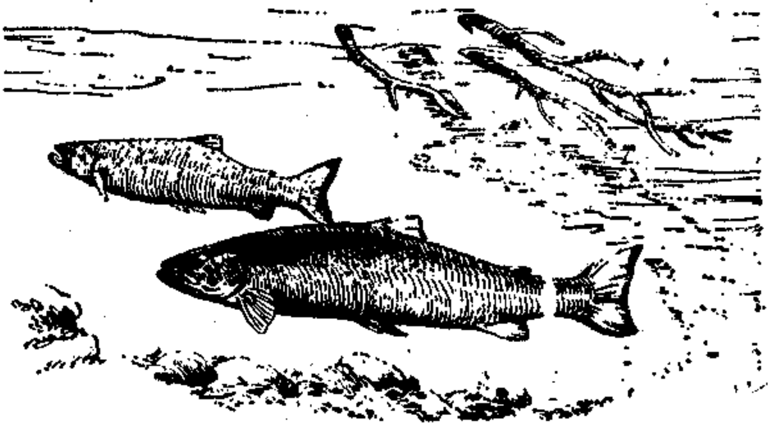
важнейшие промысловые морские рыбы заходят в прибрежные воды для нереста и нагула. В бухтах к эстуариях водятся крабы, омары и множество раков. И тем не менее мы постоянно используем море у наших берегов как обширную свалку для всяческих отбросов и отходов. Мы уничтожаем дикую природу побережий, расчищая дно или засыпая соленые болота под застройку. Отчасти из-за такой беззаботности, отчасти из-за чрезмерной и долговременной эксплуатации некоторых ценных видов наше морское промысловое рыболовство также оказывается под угрозой.

Джорджес-Банка в районе мыса Код — одно из богатейших рыболовных угодий в мире. Оттуда поступает около сорока процентов всей рыбы, потребляемой в Соединенных Штатах, и она дает примерно двенадцать процентов мирового промыслового улова.

В последнее время нефтяные компании начали разведку дна Джорджес-Банки, что в ближайшем будущем может поставить под угрозу этот жизненно важный источник рыбы. Если в результате каких-нибудь неполадок с нефтепроводом океан у северо-восточного побережья Северной Америки будет залит нефтью, это приведет к катастрофическим последствиям. В начале 1968 года Комиссия по рыболовству и охране природы штатов Новой Англии была встревожена создающейся ситуацией и обратилась к губернаторам соответствующих штатов с просьбой поддержать в конгрессе законопроект, который оградил бы важнейший район рыболовного промысла от подобных опасностей. «В век демографического взрыва, когда более половины человечества каждый вечер ложится спать голодной,— предостерегал председатель комиссии,— было бы по меньшей мере легкомысленно рисковать источником пищевых ресурсов, который кормит человека вот уже пятьсот лет».

Места, где ведется наш морской рыбный промысел, находятся под постоянным наблюдением Бюро промыслового рыболовства, и научные сотрудники Бюро непрерывно изыскивают новые пути для их охраны и улучшения. Что касается внутренних водоемов, то каждый штат регулирует спортивное рыболовство на своей территории, а государственные и частные рыборазводы объединенными усилиями стараются снабжать наши реки и озера достаточным количеством форели, окуней и других рыб, которых предпочитают удильщики.

Однако первым и главным условием благополучия и пресноводных и морских рыб является неизменная и незагрязненная среда их обитания.



Атлантическая семга (Salmo salar)

Благороднейшая добыча удильщика и мечта гурмана, семга принадлежит к наиболее известным рыбам земного шара. В Старом Свете эта рыба когда-то обитала во всех значительных реках от севера Испании до Норвегии и востока Европейской части России. А в Новом Свете ее можно было найти повсюду от рек северного Лабрадора до Коннектикута.

Семга, как большинство лососевых,— проходная рыба, если не считать обитателей замкнутых внутренних водоемов. Она растет в море, а потом поднимается по рекам к нерестилищам. Атлантическая семга откладывает икру поздней осенью в мелких быстрых речках. Молодь вылупляется из икры весной и от двух до четырех лет проводит в пресной воде. Затем десяти-пятнадцатисантиметровые серебристые мальки отправляются вниз по течению в море, где они нагуливаются и достигают половой зрелости. Мечение, проводившееся в последнее время, показало, что семга как из Европы, так и из Америки собирается в одних и тех же водах у западных берегов Гренландии. Зрелая семга — очень красивая рыба с серебристыми

боками и синевато-стальным отливом на спине. Вес ее достигает семи — десяти килограммов и больше. Затем какая-то таинственная способность помогает семге вернуться в ту реку и в тот ручей, где она увидела свет. Она идет против течения, преодолевая водопады и быстрины, пока не достигает своего нерестилища, где много лет назад вылупилась из икры.

В отличие от тихоокеанского лосося, который погибает после нереста, многие атлантические семги опять уходят в море, чтобы со временем вернуться для нового нереста.

В восточной Канаде все еще есть много речек, пригодных для обитания семги, хотя на них уже нельзя увидеть такого хода, как в былые времена. Однако в Соединенных Штатах атлантическая семга практически исчезла, только на нескольких речушках на востоке штата Мэн еще можно наблюдать ход небольшого количества семги.

Когда-то лов семги был важным промыслом на северо-востоке страны. Она нерестилась по крайней мере в 28 впадающих в море реках и их притоках. Изобиловали семгой и реки, впадающие в озеро Онтарио, в озеро Шамплейн и в озера Фингер в штате Нью-Йорк. Индейцы били семгу острогой у водопадов и на быстринах, а также сооружали для их ловли круглые ловушки. В течение многих лет европейские поселенцы получали богатейшие уловы этой рыбы. Особенно большое развитие этот промысел получил на реках Коннектикут и Пенобскот в Мэне.

Но исчезновение семги, раз начавшись, шло стремительно. Хозяйственные поселенцы перегораживали реки плотинами, чтобы обеспечить энергией свои мельницы и фабрики. Еще в 1798 году пятиметровая плотина перегородила реку Коннектикут у водопада Миллерс-Фоллс, причем никакого рыбохода сделано не было. Одним махом семгу лишили всех ее нерестилищ в верховьях реки. Потом ниже по течению начали возникать другие плотины. По берегам протянулись мельницы и фабрики, как грибы вырастали большие и маленькие города, спускавшие свои отходы в реку. К 1810 году все уже забыли, что в Коннектикуте еще не так давно ловилась семга.

Несколько лет спустя то же повторилось в Мэне. Там в середине XIX века началось повальное сведение первобытных лесов. Лесоразработки оголили и водоразделы, откуда брали начало речки, в которых нерестилась семга. Ничем не защищенные, эти речки мелели, затягивались

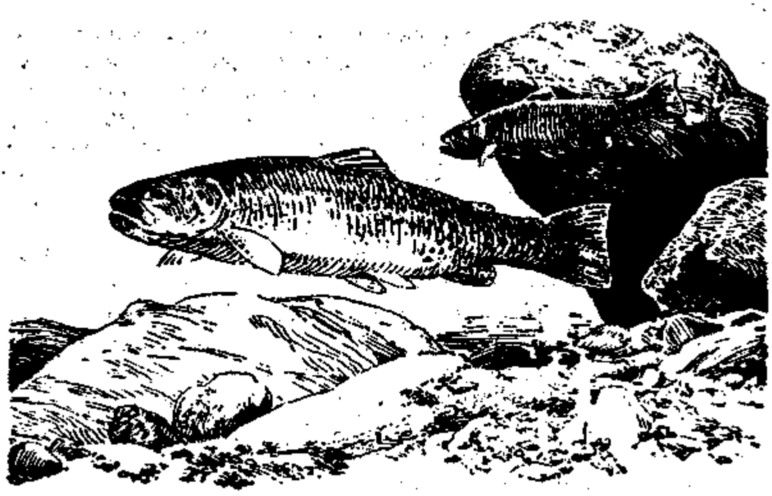
илом, загрязнялись отходами лесопилен и бумажных фабрик. К 1880 году только в восьми реках Мэна еще наблюдался ход семги. Но даже и тогда рыбы было достаточно, чтобы коммерческий улов семги в этом штате составлял ежегодно 70 тысяч килограммов. Однако к 1900 году улов этот упал до 27 тысяч килограммов, а к 1950 году составлял уже менее 450 килограммов. Добыча семги в Соединенных Штатах практически прекратилась.

В 1948 году возник вопрос о восстановлении нерестилищ семги в Мэне, для чего была создана комиссия по атлантической проходной семге с управлением в Ороно (штат Мэн). Комиссия рассчитывает вернуть семгу в реки Мэна, очистив их от старых плотин, запруд, а также других препятствий, построив, где это необходимо, рыбоходы, а затем выпустив в реку молодь с рыборазводов. Однако эти меры могут принести ощутимые плоды, только если будут уничтожены и источники загрязнения.

В 1965 году конгресс издал закон о проходной рыбе, который в течение пяти лет предоставлял штатам право на федеральные субсидии для работ по восстановлению нерестилищ. На эти средства у пяти плотин гидроэлектростанций на реке Пенобскот, перегораживавших путь семге, началось сооружение рыбоходов. После их завершения — при условии, что с загрязнением также будет покончено,— быть может, нам снова доведется наблюдать, как большие серебристые рыбы идут вверх по Пенобскоту и его притокам.

Лосось Кларка (Salmo clarki)

Эту красивую промысловую рыбу западных рек Североамериканского континента называют еще «зарезанной форелью» из-за ярко-красных пятен на горле. Из многочисленных подвидов лосося Кларка по меньшей мере четыре находятся в настоящее время под угрозой вымирания. Лахонтанский лосось Кларка, который обитает только в бассейне реки Лахонтана на западе Невады, быстро исчезает из-за постройки плотин и загрязнения рек, а также гибели нерестилищ вследствие сведения лесов и уничтожения травяного покрова пасущимся скотом. Интенсивный вылов ставит под угрозу пайютского лосося, обитающего в речках двух калифорнийских графств — Алпайн и Иньо. Вторым неблагоприятным обстоятельством для этой формы оказывается скрещивание с другими вы-

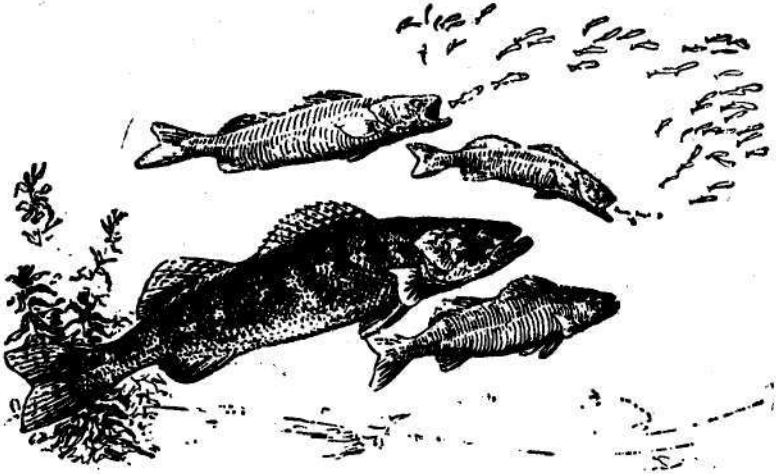


пускаемыми туда лососевыми. Зеленоспинный лосось Кларка, которого в настоящее время можно найти только в нескольких речках штата Колорадо, и уэстлопская форма, обитающая в бассейне реки Флатхед в штате Монтана, также находятся под угрозой вымирания из-за воздействия всех вышеупомянутых причин.

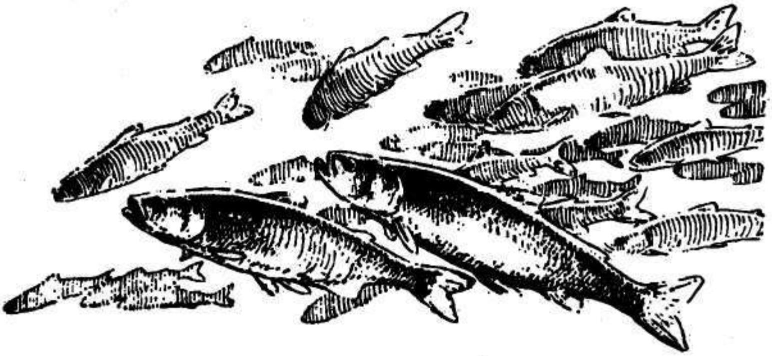
Два близких родственника — хилский лосось, обитающий только в верховьях реки Хила в Нью-Мексико, и апашский лосось, живущий только в Орд-Крике и в Восточном рукаве Уайт-Ривер в Аризоне,— оба находятся в крайне серьезной опасности из-за своей ограниченной численности и ухудшения условий жизни в их реках.

Голубой судак (Stizostedion vitreum glaucum)

Еще пятнадцать лет назад голубой судак, серебристо-серая разновидность широко распространенного светлоперого судака, был одной из важнейших промысловых рыб озера Эри, и его ежегодный улов составлял 9—10 миллионов килограммов или больше. Не далее как в 1955 году там было выловлено 8,9 миллионов килограммов голубого судака. Тем не менее в настоящее время голубой судак почти совсем исчез и в озере Эри, и в озере Онтарио, где его также ловили, хотя и в заметно меньших количествах. С 1960 года, насколько это подтверждается документаль-



но, в озере Эри был пойман всего один (!) голубой судак. Такое стремительное исчезновение его в этих озерах объясняется главным образом слишком большим их загрязнением.

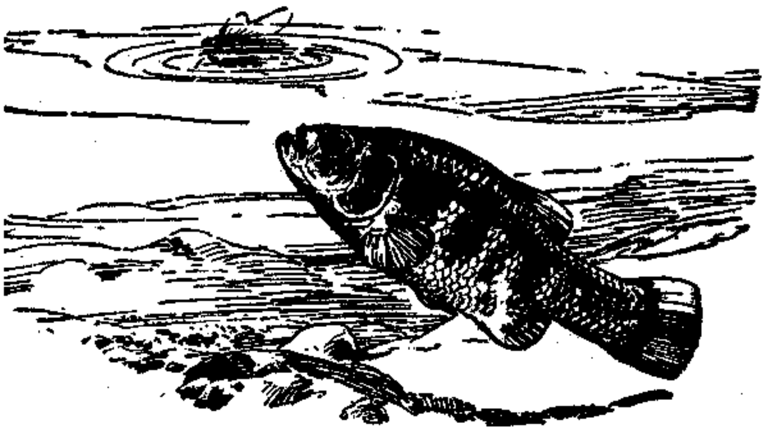


Длиннорылый сиг (Coregonus alpenae)

Еще один обитатель Великих озер, которому грозит вымирание,— длиннорылый сиг — был основой промыслового рыболовства в озерах Мичиган и Гурон до середины 50-х годов. Однако в последнее время он практически ис-

чез в результате ряда причин, среди которых можно назвать интенсивный вылов, ущерб, причиняемый морской миногой, возросшую конкуренцию со стороны других, более стойких видов и, разумеется, загрязнение воды. По сведениям Бюро спортивной охоты и рыболовства, во время обследования южной части озера Мичиган в 1962—1964 годах там было выловлено только семь длиннорылых сигов.

Два его родственника, глубоководный сиг и чернoперый сиг, составлявшие в прошлом важную статью промыслового рыболовства на Великих озерах, также исчезли и примерно по тем же причинам. Возможно, эти два подвида вообще вымерли, так как с 50-х годов не было поймано ни единого экземпляра.



Рыбы с ограниченным ареалом

Многие рыбы, которым в Соединенных Штатах угрожает полное вымирание, принадлежат к малоизвестным видам и подвидам, обитающим лишь в очень ограниченном числе водоемов, а то и в одном ручейке или колодце. Любая специализированная форма со столь ограниченным ареалом стоит первой в очереди на вымирание: ведь для ее исчезновения достаточно, чтобы только в ее родных речке или ручье произошли какие-то неблагоприятные изменения — как по вине человека, так и по естественным причинам.

В Соединенных Штатах находится под угрозой вымирания по меньшей мере пять видов карповых — семейства, распространенного по всему миру и включающего гольянов и ельцов. В этом грустном списке значатся пустынный гольян — небольшая рыба, обитающая в некоторых теплых источниках невадского графства Гумбольдт; остроперый гольян, еще сохраняющийся в количестве, не превышающем тысячи рыб в Ист-Клир-Крике, притоке реки Литл-Колорадо в Аризоне; моапский гольян, живущий только в теплых ключах около истоков реки Моап в невадском графстве Кларк; горбатый голавль, обитающий кое-где в Грин-Ривер и в Колорадо-Ривер от окрестностей Большого Каньона до плотины Флэминг-Горж на границе штатов Юта и Вайоминг, и, наконец, колорадский птихохейлус — вид, обитающий теперь только в самой Колорадо-Ривер.

Семейство карпозубых включает много мелких ярко-окрашенных рыб, очень популярных у аквариумистов. В Америке четырем их видам угрожает непосредственная опасность — карпозубику Девилс-Хоул, карпозубику Команч-Спрингс, карпозубику реки Оуэнс и парампскому фундулусу. Каждый из этих видов обитает в юго-западных штатах либо в одном-единственном источнике, либо в нескольких источниках, расположенных рядом. Все они находятся в опасности из-за неблагоприятного воздействия человека на их специализированную среду обитания.

В семейство окуневых входят дартеры — маленькие подвижные рыбки, ведущие придонный образ жизни и обитающие только в умеренной зоне Североамериканского континента к востоку от Скалистых гор. Не меньше четырех их видов — остроголовик, ньянгу, триспод и таскамбия — чрезвычайно редки и могут окончательно вымереть прежде, чем кто-нибудь заметит, что их уже нет. Пятый вид — мэрилендский дартер — обитает только в Суон-Крике неподалеку от Хавр-ле-Грас в Мэриленде. В музеях есть лишь два экземпляра, пойманных в 1912 году, один — в 1962, и несколько — в 1964 году.

Многих из перечисленных рыб, а также другие редкие виды с крайне ограниченным ареалом можно было бы спасти, если бы основные места их обитания были объявлены национальными памятниками природы.

Глава 17

ЧЕЛОВЕК — ВИД, НАХОДЯЩИЙСЯ В ОПАСНОСТИ

Человек — часть всеобъемлющей паутины жизни, и он не может избежать логических последствий своей деятельности... Во многих районах мира одного только воздействия роста населения и технологических революций может оказаться достаточно, чтобы превратить самого человека в вид, существованию которого угрожает опасность.

Стюарт Юдолл

В настоящее время Homo sapiens представляется одним из самых преуспевающих видов, какие только знала наша планета. Начав весьма скромно, он сумел стать господствующей формой жизни на Земле, единственным видом, способным изменять и приспосабливать окружающую среду к своим нуждам и потребностям; этого он достиг благодаря высокой организации своего мозга и уникальной способности мыслить. Учился использовать он эту способность для таких целей очень медленно. Сотни тысяч лет человек оставался собирателем и охотником и был одним из множества живых существ, которые на равных вели борьбу за существование. Он был частью природы и жил от ее щедрот. Все его чувства, как и чувства диких животных по сей день, были настроены в унисон с окружающей его средой, помогая ему вовремя распознавать таящиеся в ней блага и опасности.

Очень постепенно человек превратился в скотовода и земледельца. Он изобретал орудия и создавал оружие. Он создал племенную организацию, перешел на оседлый образ жизни и в конце концов начал строить большие города и развивать искусства. В течение долгих тысячелетий он шел к тому, чтобы стать тем, чем стал теперь — существом, все больше теряющим связь с миром природы, который был его колыбелью.

В XX веке этот процесс начал развиваться с головокружительной быстротой из-за стремительных и колоссальных достижений науки и использования этих достижений в медицине, промышленности, сельском хозяйстве и всех других областях современной жизни. «В последние несколько десятилетий человечество пережило наиболее знаменательное изменение за всю свою историю,— заявила Барбара Уорд в своей книге «Космолет Земля».— Современная на-

ука и техника сплели такую тесную сеть из средств связи, транспорта, экономической взаимозависимости (и возможности ядерной катастрофы), что планета Земля в своем полете через бесконечность пространства обрела замкнутость, цельность и уязвимость космолета».

Но большинству людей идея космического корабля предстает в совсем ином, романтическом виде. В наши дни все кажется возможным, и мы устремляемся к звездам.

Жизнь в XXI веке

Что эти быстрые изменения сулят человеку в будущем? Естественно, тут существует множество различных мнений. Оптимистам XXI век представляется в самом радужном свете: прикладная наука и техника, утверждают они, превратят землю в рай, преобразят ее так, что она будет способна обеспечивать полноценную жизнь населению, во много раз превосходящему современное население планеты. Они рисуют замечательный новый мир научных побед: сверкающие города под куполами, где все будет стерильно чистым, где люди будут жить в соединенных между собой километровой высоты башнях, которые можно будет не покидать неделями и месяцами. А в случае необходимости гигантские ракетные транспорты за несколько минут перенесут желающих с одного континента на другой. Продовольствие будет поступать с огромных химических фабрик. Будут созданы и подводные хозяйства для непрерывного выращивания и переработки водорослей и планктона. Болезни будут побеждены, а наука найдет способ воздействовать на гены так, чтобы создавать «желательные» типы людей.

Действительно, все эти чудеса возможны — это-то и тревожит очень многих людей. Каково будет воздействие такой технической цивилизации не только на окружающую человека среду, но и на его психику и эмоции?

Количество людей в мире уже превосходит возможности имеющихся источников продовольствия*. Наши знания растут, но растет и население планеты. Каждый год на Земле появляется еще около семидесяти миллионов людей — еще семьдесят миллионов человек, которым требуется больше еды, больше жилищ, больше промышленных изделий и больше техники, чтобы обеспечить все это.

* См. послесловие.

Неудивительно, что прогресс и процветание обычно отождествляются с ростом валового продукта страны и что в отчаянном стремлении удовлетворить требования ненасытной экономики мы все больше и больше расточаем свои природные богатства, наносим все больший и больший ущерб окружающей среде. «С помощью нашей обоюдоострой игрушки — новейшей техники, мы на протяжении только нашей жизни успели внести в природу больше нарушений, чем все живые существа, включая и человека, за всю предыдущую ее историю,— заявил Дэвид Брауэр, заместитель директора Сьерра-клуба *.— Можем ли мы и дальше продолжать делать то же, то есть поклоняться росту, принимая его за прогресс?»

Экологи предупреждают: слепо следуя дальше по такому пути, мы искушаем судьбу, ибо он может привести к тому, что Земля станет непригодной для жизни и животных и самого человека. Мы зашли по этому пути под девизом: «Больше людей, больше техники» уже так далеко, что, несмотря на самые действенные мероприятия, предназначенные для обращения этого процесса вспять, миру вряд ли удастся избежать многих страданий, вызванных голодом, перенаселенностью и ухудшением среды обитания **.

Нарушение экологического равновесия

Большая часть человечества, либо не зная о подобной возможности, либо игнорируя ее, продолжает по-прежнему демонстрировать, что *Homo sapiens* умудряется разрушать и загрязнять среду своего обитания, как ни один другой вид. «Право, начинаешь думать, что современный человек — это подвид, одержимый манией самоубийства,— заметил Джозеф Вуд Кратч.— Иначе он не рвался бы так очертя голову к собственной гибели в буквальном смысле слова».

Вот подумайте. Каждый день только мы в Соединенных Штатах производим 400 тысяч тонн твердых отходов, в том числе, например, около 130 миллионов консервных

* Клуб Сьерра — старейшее природоохранительное общество США, основанное в 1892 году. По инициативе клуба был создан Йосемитский Национальный парк в Калифорнии, общество также много сделало для создания национального парка Гранд-Каньон, Объединяет оно около 140 тысяч членов.

** См. послесловие.

банок и 75 миллионов бутылок, которые мы выбрасываем каждые 24 часа. Разрешение проблемы уборки этого мусора в «Америке прекрасной» становится все более неотложной.

Каждый день мы выбрасываем в окружающий нас воздух все больше и больше смертоносных побочных продуктов сгорания. Так, из заводских труб в Соединенных Штатах за сутки вырывается около 100 тысяч тонн серного ангидрида. За тот же срок глушители наших автомобилей выбрасывают в атмосферу около 230 тысяч тонн окиси углерода и других вредных газов.

Каждый год у нас в Соединенных Штатах продается все больше и больше ядохимикатов (около 350 тысяч тонн в 1965 году). Каждый год их все больше и больше накапливается в нашей почве и воде. Концентрируясь по мере прохождения по пищевой цепи, они становятся все более и более серьезной угрозой для всех наших диких животных и в конечном счете для нас самих.

«Нью-Йорк таймс», даже не учитывая накопления ядохимикатов, указывала: «К 1980 году канализационная система нашей страны выбросит такое количество сточных вод, которого хватит, чтобы лишить кислорода все американские реки — то есть вся жизнь в них будет уничтожена».

А ведь тут речь идет только о пресной воде. Океаны же представляются нам настолько огромными, что мы, если вообще вспоминаем о них, успокаиваем себя мыслью, будто нам не по силам загрязнить их или нарушить сложное равновесие, лежащее в основе их растительной и животной жизни. Но можем ли мы быть в этом уверены? Каждый день мы выбрасываем в море всяческие компоненты загрязнения: сточные воды и моющие вещества, ядохимикаты и машинные масла, а также радиоизотопы — смертоносные побочные продукты ядерных реакторов. Их ради безопасности следовало бы помещать в герметические контейнеры, чтобы они по меньшей мере тысячу лет не соприкасались с окружающей средой. А ведь многие из этих контейнеров уже теперь утратили герметичность. И конечные следствия этого предсказать невозможно.

Так же невозможно предсказать, каковы будут результаты постоянного потребления нефти и угля, на котором строится наша цивилизация. При их сгорании в атмосферу добавляются углеродные соединения, причем теперь это происходит быстрее, чем океаны успевают их поглощать.

Только один реактивный воздушный лайнер сжигает за час полета около шести тонн нефтяных углеводородов и выбрасывает в атмосферу около восьми тонн воды и вдвое больше углекислого газа. Умножьте эти цифры на тысячи самолетов, на 24 часа в сутках и на 365 суток в году. Затем прибавьте углеродные соединения, которые выбрасываются в воздух двигателями внутреннего сгорания и промышленными предприятиями, и вы получите некоторое представление о величине и сложности проблемы.

Растения с помощью фотосинтеза преобразуют углекислый газ в сложные органические соединения, высвобождая при этом кислород. Животные же вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ как побочный продукт обмена веществ. Соотношение углерода и кислорода в атмосфере оставалось практически неизменным в течение 400 миллионов лет земной истории. Но теперь, используя минеральное топливо, мы увеличиваем количество углекислого газа в атмосфере, и в то же время, строя, вырубая, распахивая и загрязняя, мы уменьшаем возможности выделения кислорода из углекислого газа. В результате мы можем нарушить всемирное равновесие углерода и кислорода, тем самым изменив основные химический, геологический и биологический циклы, на которые опирается вся жизнь.

Около семидесяти процентов всего кислорода на Земле обеспечивается фотосинтезом морских растений — главным образом диатомовых одноклеточных водорослей. Если мы нарушим равновесие вод настолько, что уничтожим эти бескрайние океанские луга, предупреждает эколог Ламонт Коул, это будет означать конец той жизни на Земле, которую мы знаем.

Отношение человека к природе

Загрязнение окружающей среды, угрожающее нарушить экологическое равновесие на земном шаре, является следствием цивилизации, идеал которой — производить все больше и больше вещей для все большего и большего числа людей. В результате шкала ценностей современного человека изменилась, и он словно утратил ощущение своего родства с миром природы, который так долго был источником и опорой его существования. Социолог Ричард Минс указывает, что «оправдание технократического пренебрежения к природе, основанного на дивидендах и при-

были — не просто вредная экономическая политика, но и по самой своей сути глубоко безнравственная позиция. И следовательно, наш современный моральный кризис не исчерпывается только вопросами политической власти и законов... но, возможно, отражает почти полное отрицание ценностей природы, характерное для всего американского общества».

В определенной степени высокомерное пренебрежение американцев к природе восходит к мироощущению первых поселенцев: человек против природы, жесткий индивидуализм, каждый человек сам за себя. А частично его корни следует искать в еще более далеком прошлом, у истоков западной культуры и этики. Альберт Швейцер заметил как-то: «Великая ошибка всех этических систем до сих пор заключалась в том, что они строились только вокруг отношения человека к человеку».

Корни нынешнего кризиса, возможно, заключены в давней, но неверной предпосылке, будто вся природа существует только для того, чтобы служить человеку. В течение многих веков слова, с которыми бог обращается к человеку в библейской Книге Бытия, истолковывались и понимались односторонне: «...да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Обычно в этом тексте усматривалось указание на владычество человека, на его право распоряжаться всеми остальными животными и использовать их по своему усмотрению. Но вернее и нравственнее было бы увидеть тут указание на этическую ответственность человека за сохранение диких животных и всех природных богатств Земли, с тем чтобы он пользовался ими разумно и осмотрительно.

Разумеется, человек мог бы спокойно жить и в мире, лишившемся американских журавлей, калифорнийских кондоров, гризли или синих китов. Его существование не зависит непосредственно от них, ни от многих других их диких собратьев, обитающих рядом с ним на Земле. Но если человеку станет все равно, живут они или нет, если он не признает, что их необходимо спасти, то он перестанет быть человеком в том смысле, в каком это слово подразумевает благородство и красоту духа.

Однако их сохранение можно рассматривать и под углом наших личных интересов. Печальная судьба диких животных предупреждает о возможном будущем самого

человека. Как сказал Стюарт Юдолл, «каждый вид является частью пищевой цепи, поддерживающей существование других видов. У каждого из них есть своя функция. Человек — часть всеобъемлющей паутины жизни, и он не может избежать логических последствий своей деятельности». Если мы не сможем спасти диких животных, которым сейчас грозит вымирание, сохранив частицу необходимой им среды, то в конце концов и сам человек когда-нибудь окажется в подобном же положении.

Однако разум человека и его возможности слишком велики, чтобы мы могли поверить, будто это произойдет на самом деле.

Программа сохранения природы и этика будущего

Все больше и больше людей во всем мире осознают опасности, таящиеся в нашем обращении с природными богатствами Земли, и подчеркивают ответственность человека по отношению к окружающей его среде. Все больше и больше людей понимают, что единственный правильный путь сегодня — попытаться жить в гармонии с природой, а не стараться завоевывать ее и порабощать.

В специальном послании конгрессу, предлагая дальнейшие программы на 1969 год, президент указал: «Задача сохранения природы заключается теперь не только в том, чтобы доставлять человеку радость, но и в том, чтобы обеспечить ему выживание».

А для этого, по мнению многих специалистов, требуется не более и не менее, как выработка совершенно новых позиций и практических мер во всем, что касается сохранения окружающей нас природы. Природу следует рассматривать как единое целое, а не разделять на отдельные слагаемые, такие, как почва, вода, воздух, растения и животные. И такое отношение к природе необходимо, кроме того, сочетать с общенациональной массовой борьбой против загрязнения и всякой иной порчи окружающей среды при более строгом контроле и более суровых наказаниях, чем применяемые в настоящее время. Но, для того чтобы эти планы могли быть претворены в жизнь, мы, как народ, должны выработать у себя «экологическую совесть» и «этику природы».

В наши дни подавляющее большинство американских детей в отличие от их дедов лишено возможности ощутить

свое родство с землей, свое единство с живой природой. Все большая часть молодого поколения проводит свою жизнь в чисто городской обстановке. С животными они соприкасаются только при посещении зоосадов или парков, где видят прирученную, приглаженную и выдрессированную природу.

Биология в том виде, в каком ее преподают в учебных заведениях, все больше замыкается в четырех стенах, превращаясь в лабораторную науку, подобно физике или химии. В настоящее время главное внимание уделяется молекулярному строению живых существ, чудесным свойствам ДНК. Разумеется, все это необычайно важно, но тем не менее прежде следует заложить основу, узнать живые растения и живых животных, изучить отношения, в которых они состоят друг с другом и с окружающей средой.

«Необходимо,— заявил Карл Бухгайстер, бывший председатель Национального одюбоновского общества,— чтобы детей повсюду знакомили с начатками природоведения, которые помогут им сознать свое родство с природой и свою зависимость от ее процессов».

Стюарт Юдолл выразил ту же мысль следующим образом: «Воспитание любви и уважения к природе должно входить во все школьные программы, в нравственный кодекс каждой семьи».

В ответ на такие призывы министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения начало разработку школьной программы охраны природы, которая сделает экологию и «восторг перед всем живущим неотъемлемой частью учебного и воспитательного процесса во всех школах страны». Только привив подрастающему поколению любовь к природе, мы можем надеяться, что планета Земля и дальше будет пригодна для обитания и человека и животных.

Чтобы такая программа дала плоды, все нации мира должны ввести у себя подобные же программы, а человечество, как нечто единое и целое, должно взять под контроль и стабилизировать рост народонаселения. И очень обнадеживает, что 55 стран в настоящее время принимают участие в Международной биологической программе. Выработанная под руководством Международного совета научных союзов и Международного союза биологических наук, эта программа должна выяснить, как человек и его техническая культура воздействуют на окружающую среду

и все формы жизни, а также, как можно предотвратить и возместить причиняемый ущерб *.

Внушает надежду и следующий факт: та же техническая культура, которая способствовала загрязнению земли, может найти новые способы, как вновь сделать ее чистой. Отходы можно перерабатывать и вновь употреблять с пользой — например, для производства продуктов питания. Можно отыскать новые способы предотвращать загрязнение воздуха и воды. Вместо ядохимикатов можно разработать новые и более действенные способы биологического контроля над вредными насекомыми. Возможности тут неисчерпаемы. А потому в конечном счете только от нас зависит, каким окажется будущее.

Будет большой трагедией, если придет время, когда наши дети или дети наших детей не смогут уже увидеть грациозного оленя на берегу лесного озера, гордого орла, парящего в синем небе, лягушку, сидящую на листе кувшинки, или бабочку, порхающую между цветами. Надо навсегда сохранить уголки нетронутой природы, где дети могли бы познать благоговейную радость слияния с ней.

Первобытный человек чувствовал свое родство с природой, осознавал себя как часть великого целого. И если современный человек хочет выжить, он должен вновь обрести это ощущение родства и бережно его лелеять. И когда он преуспеет в этом — а преуспеть он может и должен,— вся дикая природа также обретет будущее.

* Задача Международной биологической программы, которая сейчас переросла в программу ЮНЕСКО «Человек и биосфера», значительно шире (см. послесловие).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Животный мир Северной Америки был необычайно разнообразен и богат, что определялось исключительным плодородием почв, породивших пышную растительность лесов и прерий. Миллионы бизонов и миллиарды странствующих голубей были воплощением этих, казалось бы неисчерпаемых, богатств. Но щедрые дары природы нигде не истреблялись так бессмысленно и хищнически, как в Северной Америке, особенно на той части континента, которую занимают США.

Катастрофически быстрое исчезновение некоторых видов животных определялось как прямым преследованием и истреблением, так и разрушением их мест обитаний — вырубкой лесов, распашкой прерий, осушением болот, пожарами. Капиталистический способ производства, вся капиталистическая система неизбежно приводят к тому, что в погоне за прибылью происходит неограниченное расхищение природных богатств.

Последствия этого не замедлили сказаться, и США стали классической страной эрозии пахотных земель, наводнений, засух, вымирания животных. В последние десятилетия к этим бедствиям прибавилась не менее острая проблема загрязнения окружающей среды, ставшая сейчас важнейшей в общей проблеме охраны природы. Напомним, что США, население которых составляет около 6 процентов от мирового, потребляют 30 процентов природных ресурсов мира и служат источником почти 40 процентов всех загрязнений нашей планеты.

Эти отрицательные явления, ставшие очевидными уже в конце прошлого века и принявшие катастрофические размеры в 30-х годах нашего столетия, принудили правительство США ввести ряд законов и принять некоторые меры по охране природных ресурсов, в том числе и живот-

ного мира. Правительственные мероприятия и денежные ассигнования возросли в последующие годы, когда стала очевидной экономическая рентабельность, а иногда и жизненная необходимость природоохранительных мер. Существенную роль в этом вопросе сыграло развитие «индустрии туризма» — весьма перспективной экономической отрасли, в которой национальные парки, спортивное рыболовство и охота имеют первостепенное значение.

Для нас опыт США и Канады по рациональному использованию и охране природных ресурсов представляет большой интерес, поскольку территории этих стран весьма сходны с территорией СССР по природным условиям. Конечно, принципиальный подход к проблеме охраны природы в нашей стране резко отличен от такового в странах капитализма. В Советском Союзе и других странах социализма рациональное использование природных богатств является составной частью социалистической системы хозяйства; оно возведено в ранг государственной политики, основанной на социалистической собственности на землю и все другие природные ресурсы. Охрана природы рассматривается у нас как составная часть перспективного планирования социалистического хозяйства.

Здесь следует остановиться на некоторых общих положениях автора. В своей книге, особенно в заключительной главе, Мак-Кланг рассматривает многие проблемы, в том числе создавшийся ныне экологический кризис во взаимоотношениях между человечеством и природой, вне всякой связи с постановкой и решением этих проблем в условиях различных социально-экономических систем. Отсюда, например, довольно пессимистические взгляды Р. Мак-Кланга на будущее дикой природы, и особенно судьбу диких животных, принимающие иногда форму предупреждений о скорой гибели человечества. Так, Р. Мак-Кланг пишет о том, что «количество людей в мире уже превосходит возможности имеющихся источников продовольствия» (см. раздел «Жизнь в XXI веке»), что «миру вряд ли удастся избежать многих страданий, вызванных голодом, перенаселенностью и ухудшением среды обитания» (см. там же), и так далее.

В действительности же, как показали исследования, проведенные за последние годы ФАО и Международной биологической программой, положение не так катастрофично. Передовые способы сельскохозяйственного производства, если бы они были применены на всех полях мира,

обеспечили бы продовольствием около 10 миллиардов человек, то есть в три раза больше того количества людей, которое сегодня населяет Землю. Голод и нищета, охватившие многие страны мира, объясняются отнюдь не нехваткой природных ресурсов, а социально-политическими причинами. В полной мере это относится и к другим природным ресурсам. Разведкой и добычей полезных ископаемых занимаются сейчас лишь в самых поверхностных слоях земной коры, а производство энергии уже значительно обгоняет рост народонаселения. За последнее десятилетие выработка только электроэнергии удвоилась, а количество сельскохозяйственной продукции удвоилось за последние три десятилетия.

Что касается перенаселения и превращения Земли в «муравейник», чем пресса на Западе так часто пугает читателей, то и эта проблема при ближайшем рассмотрении выглядит иначе. Специалисты-демографы в настоящее время все более и более склоняются к тому мнению, что народонаселение неизбежно стабилизируется. Большинство демографов считают, что стабилизация населения мира произойдет на уровне 8—12,5 миллиарда человек и наступит это, вероятно, в 2100—2150 годах.

Вместе с тем не следует успокаиваться и полагать, что все обстоит благополучно. Всевозрастающее использование природных ресурсов, замена сложных природных экосистем упрощенными агроценозами, химизация сельского хозяйства, изменение водного и теплового режима территорий и акваторий, перегрузка всей биосферы, особенно водоемов и атмосферы, производственными и другими отходами вызывает тревогу и озабоченность как ученых и государственных деятелей, так и самых широких кругов населения. Необходимость охраны природы для всех стала очевидной проблемой номер один.

Биологические ресурсы Земли практически неисчерпаемы лишь в том случае, если человек часть своего труда затрачивает на их восстановление и, опираясь на современные достижения науки, разумно использует природные богатства. Только от человека зависит, будут ли и в дальнейшем уменьшаться природные богатства, будет ли загрязняться окружающая среда.

Биосфера нашей планеты едина, и нарушение ее равновесия в одном месте неизбежно влечет за собой изменения в другом. Сейчас чрезвычайно важна глобальная оценка воздействия человека на биосферу и совместные уси-

ния людей всего земного шара, а это возможно лишь при международном сотрудничестве. Решение научно-технических задач, направленных на повышение продуктивности природы, также немыслимо без тесного международного сотрудничества.

Международное сотрудничество в наше время быстро развивается как по пути совместного решения научных проблем, так и по линии заключения международных и двусторонних соглашений.

Одной из первых научных программ, непосредственно направленных на поиск путей наиболее рационального использования и охраны природных ресурсов, была Международная биологическая программа (МБП). Задача МБП состояла в глобальном изучении биологической продуктивности наземных, пресноводных и морских экосистем, как естественных, так и антропогенных. Конечная цель МБП — выявить закономерности распределения биологической продуктивности и дать рекомендации, как с наибольшей эффективностью использовать биологические возможности той или иной природной зоны или ландшафта. Было создано несколько Комитетов МБП, в том числе Комитет охраны наземных сообществ, в задачи которого входила полная инвентаризация заповедных территорий мира, научные рекомендации по созданию перспективной сети таких территорий, а также по охране редких животных и растений *.

Выполнение МБП осуществляли научные организации 53 стран, в том числе и Советского Союза. Программа была завершена в 1972 году, и сейчас подводятся итоги выполненных работ. Уже в процессе осуществления МБП стало очевидным, что намеченные ею работы следует продолжить, особенно экологические исследования, направленные на разработку теоретических основ взаимоотношения человеческого общества и биосферы. В связи с этим и была принята новая программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ), работы по которой начнут разворачиваться в 1974 году. МАБ предусматривает обширный круг исследований, посвященных предотвращению неблагоприятных воздействий человеческой деятельности на природные экосистемы и биосферу в целом. В частности, один из проектов МАБ содержит научные рекомендации по сохранению природных заповедных участков и имеющихся в них гене-

* Подробнее см. Международная биологическая программа. Изд. «Знание», 1968.

тических материалов, рекомендации по дальнейшему расширению сети заповедных территорий и охране редких животных и растений.

Большое значение в решении проблемы охраны природы имеют международные конвенции и соглашения. Советский Союз заключил ряд соглашений по различным вопросам охраны природы.

Подписанное в мае 1972 года соглашение между СССР и США по сотрудничеству в области защиты окружающей среды предусматривает широкий обмен опытом и совместные исследовательские работы по этой проблеме. Некоторые из проектов, разработанных по этому соглашению, посвящены вопросам заповедных территорий, охране редких видов животных и растений и общим вопросам охраны и управления ресурсами дикой живой природы.

С этой точки зрения для советского читателя большой интерес представляет книга Р. Мак-Кланга, в которой достаточно популярно и на высоком научном уровне описано прошлое и настоящее диких животных Северной Америки.

Автор книги — известный специалист в этой области и великолепный популяризатор; его книги, в том числе «Исчезающие животные Америки», отмечались национальными премиями и дипломами обществ охраны природы как лучшие произведения такого жанра.

Опыт США и Канады по восстановлению численности некоторых видов охотничьих животных, а также организации охраняемых (заповедных) территорий, ярко описанный в книге Мак-Кланга, заслуживает тщательного изучения. Так, в странах Северной Америки широкое развитие получила сеть охраняемых территорий различных категорий по режиму охраны и назначению. Однако это требует некоторых пояснений, поскольку система охраняемых природных участков этих стран не эквивалентна нашей заповедной системе.

Если в Советском Союзе основу охраняемых природных территорий составляют заповедники (на 1 января 1974 года в СССР было 104 заповедника общей площадью около 8 миллионов гектаров), где полностью охраняются все природные комплексы и проводятся постоянные многолетние стационарные исследования их, то в США и Канаде заповедников нет. К заповедникам, по некоторым своим задачам, приближаются лишь «Природные исследовательские участки» *(Research Natural Areas)*. Но последние невелики по размеру (например, площадь известного Патук-

сентского резервата, который часто упоминает Мак-Кланг, всего 1,5 тысячи гектаров), и поэтому они не могут сохранить саморегулируемые экосистемы как эталоны природы, что призваны осуществлять наши заповедники. К тому же таких природных исследовательских участков в США и Канаде немного, и, следовательно, они не отражают всего многообразия природных комплексов этих стран.

Национальных парков в США и Канаде довольно много, но главным образом в западных частях этих стран. На 1 января 1973 года в США было 36 и в Канаде — 24 национальных парка *. Задача их состоит в охране природы наиболее достопримечательных участков в стране, имеющих национальное (общегосударственное) значение, для показа их туристам. Исследовательские работы проводятся в национальных парках не регулярно, как правило, сторонними научными организациями или частными лицами. Организация системы аналогичных учреждений — природных парков — начата сейчас и в нашей стране.

Следующая категория охраняемых территорий США и Канады — провинциальные парки, находящиеся в ведении штатов или провинций. Эти парки как бы дополняют национальные парки, но они имеют менее строгий режим охраны, многие из них преобразованы искусственными посадками; они невелики по площади и служат главным образом для отдыха населения. В США таких парков 89, а в Канаде — 11 **.

Следующая категория — памятники природы. В отличие от памятников природы в нашей стране в США они нередко бывают значительными по размеру (до нескольких тысяч гектаров).

Далее, в Канаде и США есть лесные резерваты, сходные по режиму и назначению с нашими водоохранными лесами первой категории.

Наконец, в США и Канаде существует несколько категорий охраняемых территорий, которые служат для воспроизводства одного или нескольких видов зверей и птиц или охраняют места зимовок и линьки водоплавающих птиц и т. п. Такие «убежища» *(Wildlife Refuges)* или «районы дикой жизни» *(Wilderness Areas)* близки по назначению и режиму к нашим заказникам. В них разрешено исполь-

* По данным United National List of National Parks and Equivalent Reserves. IUCN, 1973.

** Там же.

зование некоторых природных ресурсов, например рыбы или леса, в той мере, в какой это не мешает охране объектов, для которых они созданы. В отличие от наших заказников эти охраняемые территории создаются на неопределенные, обычно продолжительные сроки. Примером таких территорий в США может служить заказник для охраны белохвостого оленя Флорида-Кис, организованный главным образом на средства Одюбоновского общества, а в Канаде — государственный заказник Верхний в провинции Онтарио, созданный для охраны канадских казарок. Нередко в таких заказниках проводятся биотехнические мероприятия, в том числе подкормка зверей и птиц. Помимо того в США и Канаде существуют различные типы охотничьих хозяйств *(Game Ranges; Wildlife Management Areas)*, где охота ограничена или строго лимитирована для одного или нескольких видов животных.

В пределах национальных парков или природных исследовательских участков в США и Канаде в последние годы созданы специальные питомники — «зоологические банки», задача которых состоит в том, чтобы разводить в вольерах или в полувольерных условиях диких животных с последующим выпуском их в природу. Эти работы представляют несомненный интерес. Они аналогичны нашим работам в зубровых питомниках Беловежской пущи и Приокско-Террасного заповедника, питомнику глухарей в Дарвинском заповеднике и другим.

Охрана и восстановление редких видов животных на этих заповедных территориях и государственных землях в США осуществляется на основе аннотированного списка «Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения дикие животные США», который уже дважды (в 1966 и 1968 годах) издавало Бюро спортивной охоты и рыболовства. Эта «Красная книга» США содержит краткие сведения о редких животных с разделением их на четыре категории по степени опасности, которая им угрожает. США уже потеряли одних только зверей 9 видов и подвидов (и не меньшее количество птиц), и более чем 60 видам животных угрожает опасность исчезновения. Опыт введения такой национальной «Красной книги» как программы работ весьма интересен и заслуживает изучения. В США и Канаде большое внимание уделяется также пропаганде охраны редких животных и растений путем издания красочных плакатов, листовок, буклетов, книг. Одним из лучших образцов таких книг может служить книга Мак-Клаига.

Развернувшиеся в настоящее время совместные работы по реализации соглашения между СССР и США по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, а также соглашения между СССР и Канадой, дальнейший обмен информацией и опытом между странами во многом будут способствовать осуществлению эффективных программ по управлению ресурсами дикой природы каждой страны. Этому будет способствовать и книга Р. Мак-Ланга, поскольку разработки соглашений предусматривают, в частности, информацию для широкой общественности, проявляющей интерес к этой проблеме в обеих странах.

Профессор *А. Г. Банников*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ
3

Часть первая
ЖЕРТВЫ ПРОШЛОГО
5

Глава 1
ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ
(Америка до 1800 года)
6

Глава 2
РЫВОК НА ЗАПАД
(1800—1880 годы)
13

Глава 3
МЕРТВЫ КАК ДРОНТ
15

Глава 4
НЕКОТОРЫЕ ВЕРНУЛИСЬ
(Первые шаги охраны природы — с 1880 по 1920 год)
38

Глава 5
РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ
72

Глава 6
НА ГРАНИ
79

Глава 7
НАРАСТАЮЩИЙ КРИЗИС ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
(С 1940 года по настоящее время)
93

Часть вторая
ВОЗМОЖНЫЕ БУДУЩИЕ ЖЕРТВЫ
99

Глава 8
НЕСКОНЧАЕМАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ХИЩНИКОВ
100

Глава 9
КОПЫТНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ
115

Глава 10
КИТЫ — ИСЧЕЗАЮЩИЕ ГИГАНТЫ МОРЕЙ
124

Глава 11
ДРУГИЕ МОРСКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ
133

Глава 12
ИСЧЕЗАЮЩИЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ
141

Глава 13
ВОДОПЛАВАЮЩИЕ, БОЛОТНЫЕ И ДРУГИЕ ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ
150

Глава 14
ДАЖЕ И МАЛАЯ ПТИЦА...
163

Глава 15
ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ И ЗЕМНОВОДНЫЕ В ОПАСНОСТИ
171

Глава 16
ЧИСТАЯ ВОДА И РЫБЫ
179

Глава 17
ЧЕЛОВЕК — ВИД, НАХОДЯЩИЙСЯ В ОПАСНОСТИ
189

ПОСЛЕСЛОВИЕ
198

Мак-Кланг Р.

М 15 Исчезающие животные Америки. Пер. с англ. Науч. ред., авт. послесл. и примеч. А. Г. Банников. М., «Мысль», 1974.

207 с. с рис. (Рассказы о природе).

Мак-Кланг — американский зоолог, деятель по охране природы и прекрасный популяризатор. В его книге идет речь об исчезновении многих видов животных Северной Америки. Книга состоит из очерков, в каждом из которых рассказывается о судьбе того или иного вида животных — о том, где они были распространены, какова была их численность и с чем связано сокращение их распространения (испытание атомного оружия, хищническая вырубка лесов, неумеренная распашка территории).

Автор делает прогнозы и на будущее. Он считает, что исчезающие виды животных ещё можно спасти, если люди будут разумно подходить к использованию природы.

$М \frac{21001-121}{004(01)-74}$ БЗ-3-10-74 57 (069)

Мак-Кланг, Роберт

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ АМЕРИКИ

Редактор
В. Д. РОМАШОВА

Младший редактор
В. А. МАРТЫНОВА

Художественные редакторы
Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ,
Л. Е. БЕЗРУЧЕНКОВ

Технический редактор
В. Н. КОРНИЛОВА

Корректор
И. В. РАВИЧ-ЩЕРБО

Сдано в набор 17 января 1974 г. Подписано в печать 26 апреля 1974 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская, № 2. Усл. печатных листов 10,92. Учетно-издательских листов 11,18. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1018. Цена 55 коп.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Москва, М-54, Валовая, 28